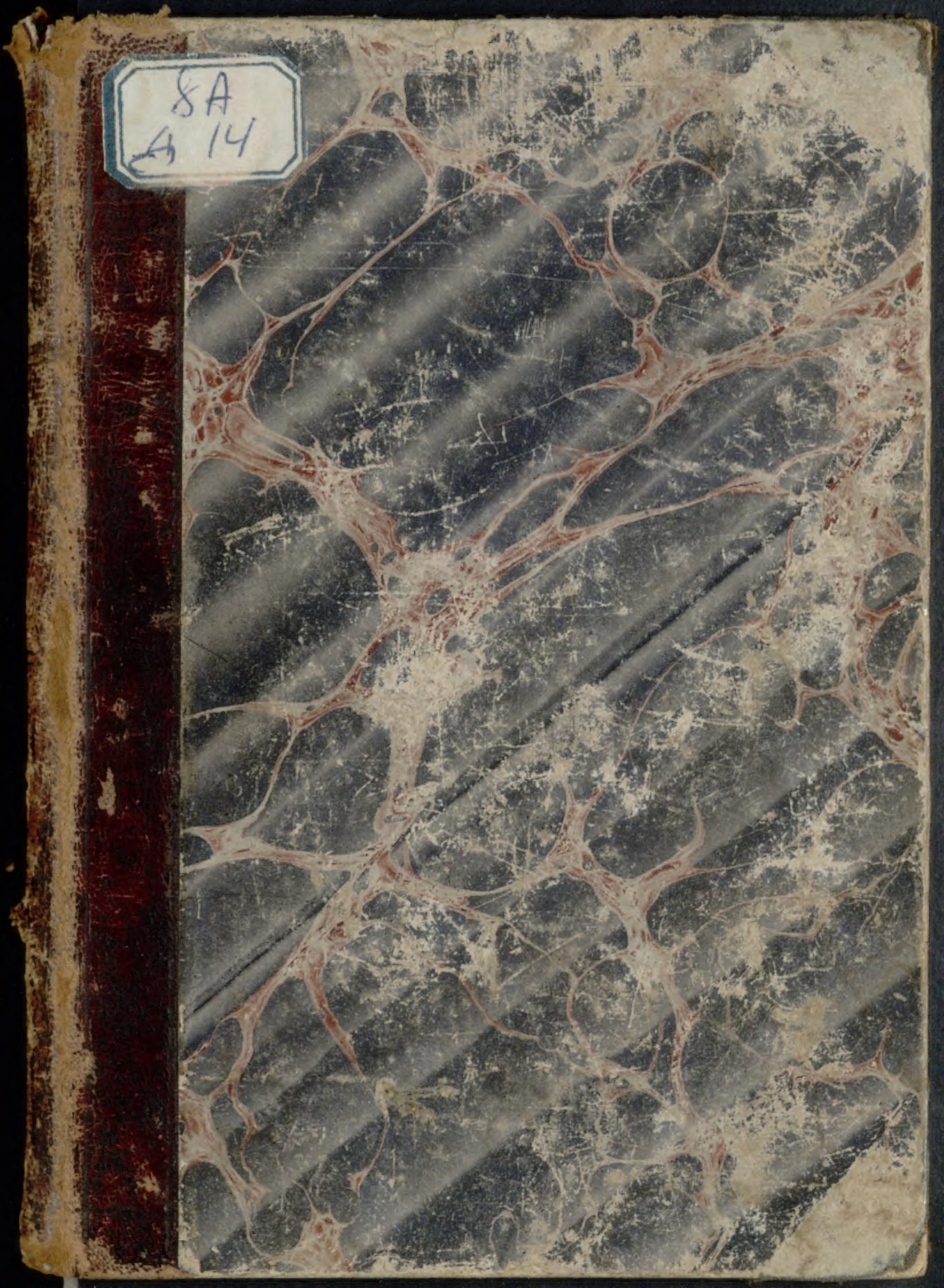
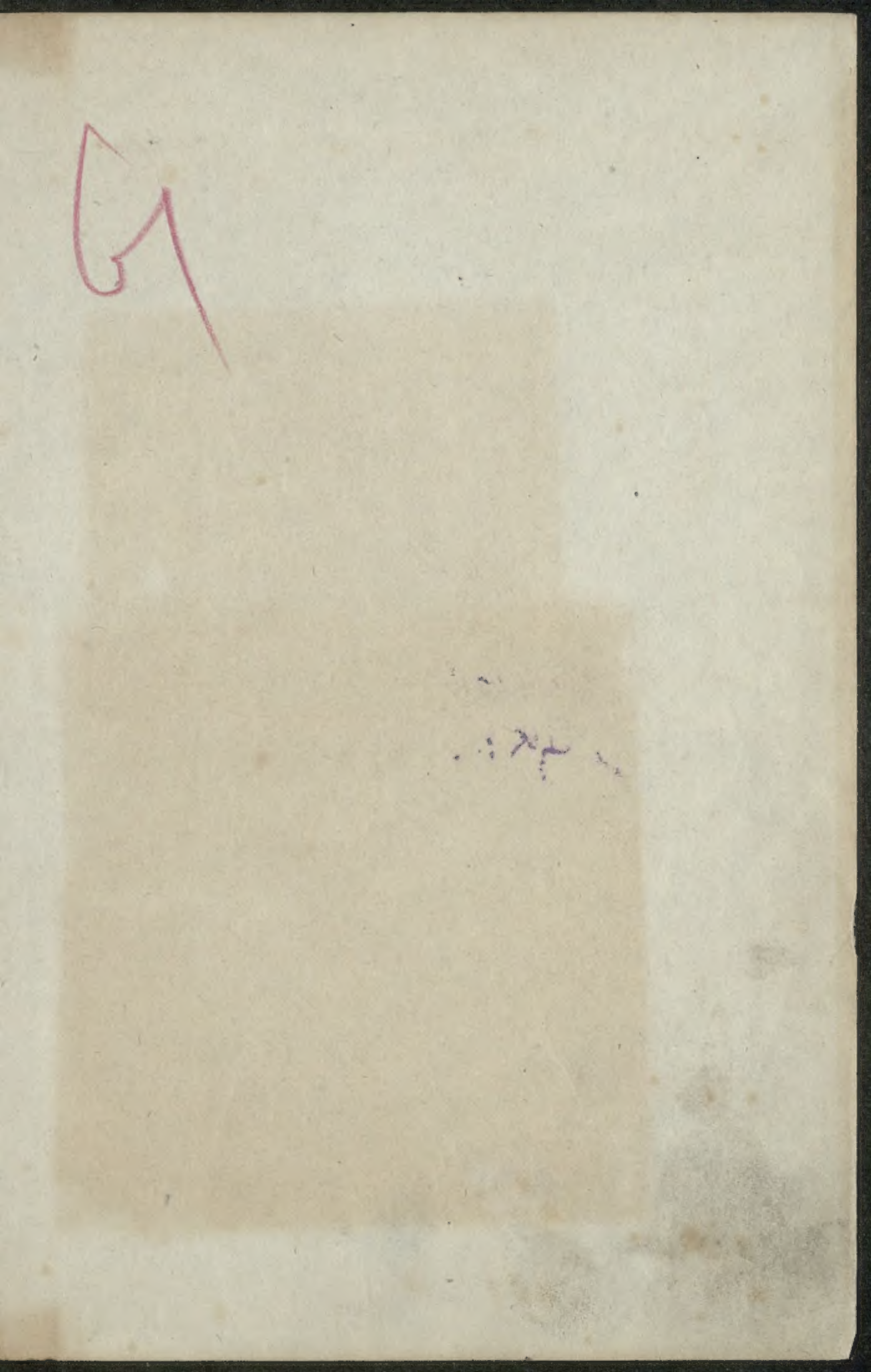

8A
A 14

Р. ДЖЕББЪ

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ КЭМБРИДЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

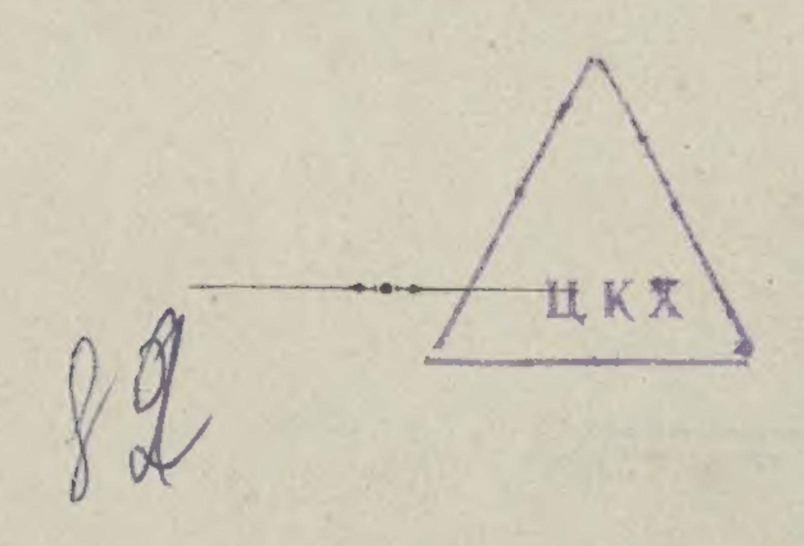
ГОМЕРЪ

ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЛІАДѢ И ОДИССЕѢ

(HOMER: AN INTRODUCTION TO THE ILIAD AND THE ODYSSEY).

Съ англійск. перевелъ съ согласія автора

А. Ѳ. Семеновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1892 года.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Англійскій эллинистъ R. C. Jebb, издавая свой трудъ «Homer: An Introduction to the Iliad and the Odyssey», переводъ котораго мы предлагаемъ, имѣлъ въ виду ознакомить приступающихъ къ изученію Гомера: съ общимъ характеромъ поэмъ его и положеніемъ, которое занимаютъ онѣ въ исторіи литературы; съ историческимъ значеніемъ ихъ для уясненія ранняго періода греческой жизни; съ вліяніемъ ихъ на древній міръ и критикой, примѣненной къ нимъ въ древности; и, наконецъ, съ новѣйшими ученіями о мѣстѣ и времени происхожденія ихъ. Каждая изъ четырехъ главъ, на которыя раздѣлено сочиненіе, представляетъ краткій очеркъ результатовъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій въ той области, которой она касается.

Трудъ проф. Джебба имѣлъ значительный успѣхъ въ отечествѣ автора; иностранная критика (Cauer, Berlin, philolog. Wochenschrift 1889, p. 141; Revue de l'instruction publique en Belgique XXXII, 5; p. 342 — 345; и др.) отнеслась къ нему также съ большимъ сочувствіемъ. Первое изданіе явилось въ январѣ 1887 г., въ мартѣ того же года потребовалось уже второе изданіе; въ 1888 г. вышло третье изданіе; съ него сдѣланъ нашъ переводъ.

Хотя съ нѣкоторыми взглядами автора, можетъ быть, не всѣ согласны въ настоящее время, но это не умаляетъ общихъ достоинствъ его труда.

Приводимые авторомъ отрывки изъ Иліады и Одиссеи переданы нами въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго, пользующихся у насъ заслуженною извѣстностью; весьма сожалѣемъ, что мы не нашли подобныхъ переводовъ англійскихъ балладъ, отрывки изъ которыхъ встрѣчаются въ текстѣ, и должны были передать ихъ прозой, отчего, конечно, они значительно утратили поэтическую прелесть оригинала.

Переводчикъ.

1892 г. Апрѣль.
С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Общая литературная характеристика поэмъ.

ГЛАВА II.

Гомеровскій міръ.

Гомеровскій домъ. — Дворъ. — Этуса.—Продомосъ.—Мегаронъ.—Таламосъ.—Аналогія съ греческимъ домомъ позднѣйшаго времени.—Внутреннее убранство.—Обычаи.—Гомеровское платье.—Вооруженіе.—Искусство.—Щитъ Ахиллеса.—Другіе предметы.—Единица цѣнности.—Письменность.—Ремесленники.—Жизнь въ сравненіяхъ.—Сцены на щитѣ.—Погребальные обряды.—Состояніе послѣ смерти.

ГЛАВА III.

Гомеръ въ древности.

Вліяніе гомеровскихъ поэмъ.—Странствующіе пѣвцы у Гомера.—Гомериды. — Рапсоды въ 4-мъ столѣтіи до Р. X.—Пѣли ли произведенія Гомера.—Рапсодъ, какъ толкователь.—Гомеръ, какъ воспитатель.—Вліяніе Гомера на религію эллиновъ. — Взглядъ эллиновъ на Гомера, какъ на историка.—Поэмы, приписанныя Гомеру въ древности.—Извѣстія о жизни Гомера.—Древнѣйшія свидѣтельства о Гомерѣ.—Аллегорическое объясненіе.—Реторическая критика. — Раціоналистическая критика.—Александрійскіе матеріалы для гомеровской критики.—Древняя вульгата.—Зенодотъ.—Аристофанъ.—Аристархъ.—Характеристика его дѣятельности.—Дидимъ.—Аристоникъ.—Геродіанъ.—Никаноръ.—Эпитомé.—Codex Venetus A.—Дѣленіе на книги.—Кратетъ и пергамская школа.—Димитрій.—Эвстаѳій.—Схоліи.—Нашъ гомеровскій текстъ.

ГЛАВА IV.

Гомеровскій вопросъ.

Хоризонты.—Гомеровскій вопросъ въ наше время.—Бэнтли.—Викó.—Робертъ Вудъ.—Prolegomena Вольфа.—Вольфъ признаетъ личность Гомера.—Возраженія противъ взглядовъ Вольфа на древность письменъ.—Общій выводъ.—Преданіе о Пизистратѣ.—Естественность и искусственность.—Эластичность теоріи Вольфа.—Развитіе ея.—Лахманнъ.—Германнъ.—Реакція.—Ницшъ.—Ахиллеида Грота.—Сужденіе о теоріи Грота.—Джеддсъ.—Вильгельмъ Христъ.—Строеніе Одиссеи.—Кирхоффъ.—Аналогія съ другими древними эпопеями.—Гомеровскій языкъ.—Традиціональный эпическій элементъ. — Ложные архаизмы. — Разница

между Иліадой и Одиссеей въ языкѣ.—Утраченные звуки.—Дигамма.—Непостоянство въ употребленіи ея Гомеромъ.—Предполагаемыя ошибки транслитераціи.—Теорія Fick'a.—Сужденіе о ней.—Насколько разсказъ о Троѣ соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ. — Мѣстоположеніе гомеровской Трои. — Эпическій циклъ.—Анализъ троянскаго цикла.—Заключеніе.—Обзоръ результатовъ.—Взгляды, которые слѣдуетъ устранить.—Обманчивое единство эпическаго стиля.—Консервативность новѣйшихъ теорій.—Первоначальная поэма.—Преимущества избранной темы.—Иліада была Иліадой съ самаго начала.—Книги отъ 2-ой до 7-ой.—Книги отъ 12-ой до 15-ой.—Книги 8-я и 9-я.—Книги 23-я и 24-я.—Книга 10-я.—Большія вставки.—Время сочиненія первоначальной Иліады.—Доводы въ пользу европейскаго происхожденія.—Два слоя традицій.—Сужденіе объ этомъ.—Доказательства, основанныя на гомеровскомъ умолчаніи. Ранняя установленность формы Иліады. Первоначальная Иліада можетъ быть сочинена въ Ѳессаліи.—Діалектъ іонизированъ позднѣе.—Прежнее мнѣніе объ азіятскомъ Гомерѣ.—Европейское и азіятское происхожденіе поэта можетъ быть согласовано.—Авторы первыхъ вставокъ.—Преобладаніе перваго поэта.—Происхожденіе Одиссеи.—Іонійское развитіе поэмы.—Авторство.—Отношеніе къ Иліадѣ.—Время происхожденія.—Заключеніе.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе 1. Зданіе въ Тириноѣ (съ планомъ).

Примѣчаніе 2. Различіе языка Гомера отъ языка грековъ классической эпохи.

Примѣчаніе 3. Различіе языка Одиссеи отъ языка Иліады.

Примѣчаніе 4. Гомеровскія слова съ слѣдами дигаммы.

Примѣчаніе 5. Гомеровская метрика.

Списокъ книгъ для изученія Гомера.

ГОМЕРЪ

ГЛАВА I.

Общая литературная характеристика поэмъ.

Поэмы Гомера; ихъ двоякій интересъ. 1. Литература Греціи и всей Европы начинается Гомеромъ; имя его мы будемъ употреблять здѣсь, какъ синонимъ Иліады и Одиссеи, не подразумѣвая при этомъ, одинъ ли и тотъ же человѣкъ создалъ обѣ поэмы, или, по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ. Интересъ Гомера двоякій: поэтическій и историческій. Гомеръ—величайшій эпическій поэтъ міра и единственный представитель самой ранней художественной формы, въ которую эллинскій геній облекъ свое созданіе. Гомеръ—первый авторъ, представившій ясно и живо арійскую цивилизацію. Цѣлый періодъ греческой жизни, который безъ него былъ бы пробѣломъ, соединенъ имъ непрерывною нитью съ позднѣйшей исторіей Греціи.

Поэзія до Гомера. 2. Поэмы Гомера сами по себѣ свидѣтельствуютъ уже о до-гомеровской поэзіи. Онѣ суть произведенія зрѣлаго искусства; раннія и болѣе грубые опыты котораго оставили не много слѣдовъ по себѣ. Вотъ небольшое количество свѣдѣній объ нихъ, на сколько они прямо касаются греческой литературы.

Пѣсни о временахъ года. 1. У грековъ были древнія народныя пѣсни о смерти красиваго юноши *Лина*, *Гиласа*, *Іалема*, *Гіакинта*, *Адониса*, т. е. о веснѣ, уступающей свое мѣсто лѣту, о лѣтѣ, смѣняемомъ осенью и т. д. Въ Иліадѣ подъ *Линомъ* разумѣется пѣснь, которую пѣлъ юноша подъ звуки лиры на праздникѣ сбора винограда: подъ припѣвъ ея плясали юноши и дѣвушки, «неся сладостный плодъ въ прекрасно-плетеныхъ корзинахъ» (Ил. 18, 568 [1]).

Происхожденіе этихъ пѣсенъ семитическое: у арійцевъ онѣ соотвѣтствовали той ранней фазѣ развитія духа, когда въ религіи главнымъ было обоготвореніе силъ внѣшней природы, выраженное въ Индіи гимнами Ведъ. Чисто греческій элементъ началъ рано проявляться въ многочисленныхъ мѣстныхъ легендахъ, сродственныхъ съ легендою о погибшемъ юношѣ.

Легендарные пѣвцы. 2. На болѣе высокой степени развитія, чѣмъ пѣснь о Линѣ, представляются легенды, воспѣваемыя древнѣйшими греческими пѣвцами.

а) **Ѳракійская группа.** Одни изъ пѣвцовъ называются «ѳракійскими» и приводятся въ соотношеніе съ почитаніемъ «музъ»—богинь памяти, или воспоминанія.

[1]) Эти безъискусственныя пѣсни были перенесены въ Грецію съ Востока и смѣшались въ ней съ мѣстными миѳами. Пѣсня о Линѣ вѣроятно занесена изъ Фригіи черезъ Ѳракію; она особенно привилась въ Аргосѣ. Сапфо употребляетъ форму, Οἰτόλινος, которую она заимствовала, по свидѣтельству Павзанія (9, 29, 8) изъ очень древнихъ гимновъ, приписываемыхъ аѳинянину Памфосу. Геродотъ (2,79) отождествляя Линоса съ египетскимъ княземъ Манеросомъ (ma-n-hra, «приди ко мнѣ»—припѣвъ пѣсни, въ которой Изида оплакиваетъ смерть Озириса), говоритъ, что пѣсня (ἄεισμα) «Линосъ» была извѣстна на Кипрѣ, въ Финикіи и въ др. мѣстахъ. «Линосъ» произошелъ отъ αἴλινον, ai lenu «горе намъ»—припѣвъ финикійскихъ плакальщиковъ въ Сиріи и на Кипрѣ о Ѳамусѣ (Іезекіиль, 8, 14), который соотвѣтствуетъ греческому Адонису. Подобными олицетвореніями были лидійскій и фригійскій Аттесъ или Атисъ, виѳинійскій Бормосъ, мизійскій Гиласъ, лакедемонскій Гіакинтъ, аркадійскій Скепросъ) σκέφρος-ξηρός), ѳракійскій Ялемосъ.

поклоненіе которымъ было распространено отъ сѣверныхъ береговъ Эгейскаго моря до Піерійскаго округа въ сѣверо-восточномъ углу Ѳессаліи, отсюда на югъ къ Беотійскому Геликону и Фокійскому Парнассу.

b) **Южная группа.** Другіе историческіе пѣвцы стоятъ въ связи съ гимнами въ честь Аполлона, что указываетъ на вліяніе этого бога изъ Азіи черезъ Критъ и другіе острова до собственной Греціи.

c) **Азіатская группа.** Третья группа древнихъ пѣвцовъ находится въ общеніи съ Малой Азіей, въ особенности съ Фригіей, и съ азіатскими культами, какъ напр. Кибелы [1]). Всѣ эти разсѣянныя извѣстія, будучи собраны въ цѣлое, получаютъ одно общее значеніе. Они указываютъ на эпоху, когда эллинскія племена передвигались еще изъ Азіи въ Европу, и свидѣтельствуютъ, что поэтическая дѣятельность, частію доэллинская по своему религіозному содержанію, но уже вполнѣ эллинская по формѣ, началась еще до поселенія эллиновъ въ Европѣ.

Пѣсни, упоминаемыя Гомеромъ. 3. Наконецъ самъ Гомеръ упоминаетъ тѣ героическія пѣсни (κλέα ἀνδρῶν), изъ которыхъ развилась его эпическая поэзія. Такъ, hymenaios или свадебная пѣснь и thrênos, погребальная пѣснь;—обѣ, въ гомеровское время уже сдѣлавшись мірскими, распѣвались народомъ, не составляя болѣе

---

[1]) a) Къ ѳракійской группѣ принадлежитъ и Орфей (индійскій Ribhu.—Рибгусы фигурировали въ индійскихъ гимнахъ какъ искусные ремесленники, первые изъ людей, получившихъ безсмертіе), Мусей, Эвмолпъ, Тамприсъ. b) Къ южной группѣ: Оленъ ликійскій, Хризотемъ критскій, Филамонъ дельфійскій, Памфосъ аттическій, составители гимновъ въ честь Аполлона, Деметры и др. c) Къ азіатской группѣ: Олимпосъ, ученикъ Марсіаса и Гіагниса, сложившіе гимны Кибелѣ. Это были только имена древнихъ, но точно неизвѣстныхъ авторовъ, подъ которыми позднѣйшіе поэты распространяли свои собственныя произведенія; они въ древней поэзіи гимновъ то же, что бэотіецъ Бакисъ въ традиціонной поэзіи оракуловъ.

части ритуала, исполняемаго жрецами, какъ въ древней Индіи.

Эпическая поэзія. 3. Такъ называемый «Эпосъ» [1]) былъ единственной литературой грековъ до 700 года до Р. Х. Понятіе объ эпической поэзіи, какъ видѣ поэзіи, не могло существовать, пока «лирическій» видъ (или какъ говорили греки «мелическій») не принялъ опредѣленной формы. Позднѣе явилась «драматическая» поэзія. «Эпическая поэзія», какъ понимали ее греки за четыре столѣтія до Р. Х., отличалась по своимъ признакамъ отъ «лирической» и «драматической». Въ отличіе отъ лирической ее просто разсказывали, а не пѣли съ акомпанементомъ музыки. Въ отличіе отъ «драматической» она была не болѣе, какъ повѣствовательной поэзіей. Мы считаемъ удобнымъ начать съ указанія на характерныя черты, которыя представляетъ Гомеръ по мнѣнію Аристотеля.

Аристотель о Гомерѣ. 4. По Аристотелю, отъ эпической поэмы требуется, во-первыхъ, возвышенное содержаніе, во-вторыхъ, она должна составлять одно органическое цѣлое, т. е. должна имѣть единство, и въ самомъ этомъ единствѣ должно быть разнообразіе. Событія должны составлять одинъ связный рядъ и вести къ одной общей цѣли. Такимъ образомъ, единство, свойственное эпическому произведенію, не есть единство, обязательное для исторіи, потому что всѣ событія, ею разсказываемыя, ограничиваются одною опредѣленною эпохою. Иліада не повѣствуетъ о цѣлой троянской войнѣ, но только о части ея, разнообразя разсказъ

[1]) Аристотель никогда не употребляетъ слова ἐπικός,, которое повидимому не встрѣчается до позднѣйшей александрійской эпохи. Онъ называетъ эпическую поэзію ἡ ἐποποιία (или въ противоположность драмѣ) ἡ διηγηματικὴ καὶ ἐν μέτρῳ μιμητικὴ (Poet. 23, т. е. повѣствовательная поэзія, подражающая *только* стихами (безъ помощи πράττειν).

эпизодами. Одиссея также не имѣетъ цѣлью сообщить обо всемъ, случившемся съ Одиссеемъ; превосходство Гомера въ этомъ отношеніи, въ сравненіи съ другими эпическими поэтами можетъ быть объяснено (какъ замѣчаетъ Аристотель) драматическимъ вкусомъ. Иліада и Одиссея, каждая порознь не дала бы больше одной трагедіи, или самое большее—двѣ, а между тѣмъ ихъ было выкроено не менѣе восьми изъ одной только «малой Иліады», эпической хроники отъ смерти Ахиллеса до паденія Трои. Особенныя заслуги Гомера, за которыя Аристотель восхваляетъ его, слѣдующія: 1) Гомеръ согласуетъ единство съ разнообразіемъ [1]); 2) онъ превосходенъ въ выраженіи и въ чувствѣ; 3) умѣетъ скрыть самого себя на заднемъ планѣ, разсказывая напчаще исторію дѣйствующихъ лицъ ихъ собственными дѣлами и словами, обрисовывая при этомъ ясно ихъ характеръ; 4) онъ превосходенъ въ вымыслѣ, смѣло пользуется невѣроятными и сверхъестественными элементами, къ чему въ эпической поэзіи представляется болѣе удобныхъ случаевъ, чѣмъ въ драмѣ, и притомъ пользуется съ такою ловкостью, что иллюзія не нарушается [2]). Замѣчанія Аристотеля о Гомерѣ указываютъ на одну изъ особенностей исторіи греческой поэзіи: она началась прямо съ самыхъ совершенныхъ произведеній. Аристотель видитъ въ Гомерѣ древнѣй-

[1]) Внутренній недостатокъ эпоса въ сравненіи съ трагедіей (замѣчаетъ Аристотель) тотъ, что эпосъ долженъ имѣть менѣе единства. Если тема эпическ. поэта дѣйствительно одна, то его произведеніе будетъ коротко или водянисто (μύουρος-ὑδαρής). Гомеръ одолѣлъ эту трудность на сколько возможно: ταῦτα τὰ ποιήματα συνέστηκεν ὡς ἐνδέχεται ἄριστα, καὶ ὅτι μάλιστα μιᾶς πράξεως μίμησίς ἐστι (Poet. 26).

[2]) Poet. 24 δεδίδαχε δὲ μάλιστα Ὅμηρος καὶ τοὺς ἄλλους ψεύδειν (сочинять) ὡς δεῖ. Аристотель приводитъ въ примѣръ τά ἐν Ὀδυσσείᾳ ἄλογα τα περὶ τὴν ἔκθεσιν разсказъ о прибытіи Одиссея въ Итаку, гдѣ гомеровская прелесть маскируетъ невѣроятность событій (τοῖς ἄλλοις ἀγαθοῖς ἀφανίζει ἡδύνων τό ἄτοπον).

шаго и въ то же время превосходнѣйшаго эпическаго поэта [1]). Эта оцѣнка подлежитъ, правда, одному ограниченію, а именно: Аристотелю казался для его идеала эпической симметріи [2]) объемъ гомеровскихъ поэмъ слишкомъ большимъ.

Чрезвычайно важно, чтобы читатель имѣлъ передъ собою общій планъ построенія обѣихъ поэмъ; для этого можетъ служить нижеслѣдующій очеркъ, частности же оставимъ до позднѣйшаго изслѣдованія.

Построеніе Иліады. 5. Иліада обязана своимъ единствомъ гнѣву Ахиллеса, а не личности его. Удаленіе Ахиллеса изъ греческаго войска ставитъ греческую храбрость на болѣе близкій уровень съ троянской; такимъ образомъ дѣлаются возможными сцены битвъ, какія представляетъ война съ сомнительнымъ исходомъ. Вслѣдствіе этого границы поэмы весьма растяжимы. Вспомогательнымъ средствомъ для памяти можетъ служить дѣленіе содержанія Иліады на три части: первая кончается 9-ю пѣснью, когда греки хотятъ примириться съ Ахиллесомъ, но получаютъ отказъ. Вторая оканчивается 18-й пѣснью, послѣдней, въ которой Ахиллесъ удерживается еще отъ участія въ

---

1) Упомянувъ разнообразныя требованія эпической поэзіи, онъ говоритъ οἷς ἅπασιν Ὅμηρος κέχρηται καὶ πρῶτος καὶ ἱκανῶς (Poet. 24).

2) Poet. 24 съ примѣчаніями Twining'a (т. II, стр. 331). Объемъ эпоса долженъ быть таковъ, чтобъ было возможно «однимъ взглядомъ окинуть его отъ начала до конца». Это значитъ прочесть или выслушать безъ труда цѣлый эпосъ въ одинъ день и выражено сравненіемъ съ «трагедіями, выслушиваемыми за одинъ разъ». Поэтому эпосы должны быть «короче древнихъ эпосовъ», включая и гомеровскіе (Иліада содержитъ 15693 стиха, а Одиссея 12110). Мнѣ не извѣстно, было ли обращено вниманіе на это свидѣтельство эстетическаго чувства Аристотеля по отношенію къ новѣйшимъ взглядамъ, что эпосы расширились прибавками далеко за предѣлы своего первоначальнаго плана. Не допуская ничего подобнаго и глубоко восхищаясь Гомеромъ, тѣмъ не менѣе греческій критикъ не въ состояніи совершенно скрыть, что чувство соразмѣрности у него обижено.

войнѣ. Звѣздочками обозначены тѣ пѣсни, въ которыхъ является самъ Ахиллесъ. Греческія заглавія принадлежатъ александрійскимъ грамматикамъ.

* I. (Α. Λοιμός. Μῆνις). Въ десятый годъ войны, Аполлонъ посылаетъ на грековъ чуму въ наказаніе за то, что дочь жреца его, Хризеса, была увезена Агамемнономъ. Этотъ послѣдній, когда у него требуютъ возвращенія дѣвушки, оскорбляетъ Ахиллеса, отнявъ у него плѣнницу его Бризеиду, вслѣдствіе этого Ахиллесъ отказывается воевать; Зевсъ клянется матери героя Өетидѣ, что греки будутъ наказаны за оскорбленіе, нанесенное ея сыну.

II. (Β. Ὄνειρος. Βοιωτία ἤ κατάλογος τῶν νεῶν). Зевсъ посылаетъ къ Агамемнону бога сна, чтобы убѣдить его дать сраженіе. Собраніе греческаго войска высказывается сперва за возвращеніе въ Грецію, а потомъ рѣшаетъ снова перейти къ нападенію. Перечень (каталогъ) греческихъ и троянскихъ силъ (VV. 484—877).

III. (Γ. Ὅρκοι. Τειχοσκοπία. Πάριδος καὶ Μενελάου μονομαχία.). Такъ какъ троянецъ Парисъ вызываетъ грека Менелая на поединокъ, то между войсками заключается перемиріе. Елена и Пріамъ смотрятъ на греческое войско съ высоты троянскихъ стѣнъ. Въ поединкѣ Афродита спасаетъ Париса.

IV. (Δ. Ὁρκίων σύγχυσις. Ἀγαμέμνονος ἐπιπώλησις.). Троянецъ Пандаръ нарушаетъ перемиріе. Агамемнонъ приводитъ въ порядокъ греческое войско. Войска сходятся на битву.

V. (Ε. Διομήδους ἀριστεία). Подвиги грека Діомеда, который наноситъ большой ущербъ троянцамъ и, при помощи Аѳины, ранитъ даже Афродиту и Арея.

VI. (Ζ. Ἕκτορος καὶ Ἀνδρομάχης ὁμιλία). Діомедъ и ликіецъ Главкъ (союзникъ троянъ) хотятъ сразиться, но, признавъ одинъ въ другомъ друзей по наслѣдству, расходятся мирно. Гекторъ съ битвы идетъ въ Трою и передъ вторичнымъ уходомъ прощается съ своей супругой Андромахой.

VII. (Η. Ἕκτορος καὶ Αἴαντος μονομαχία. Νεκρῶν αναίρεσις). Поединокъ Гектора съ Аяксомъ. Погребеніе убитыхъ. Греки строятъ стѣну для защиты стана у Геллеспонта.

VIII. (Θ. Κόλος μάχη—„прерванная битва“—боги прервали битву ст. 485). Зевсъ на Олимпѣ запрещаетъ богамъ помогать той или другой сторонѣ; спустившись на Иду, онъ даетъ перевѣсъ троянцамъ надъ греками. По примѣру Гектора троянцы остаются на ночь на полѣ сраженія.

* IX. (Ι. Πρεσβεία πρὸς Ἀχιλλέα. Λιταί). Ночью Агамемнонъ шлетъ пословъ (Одиссея, Аякса, Феникса) къ Ахиллесу съ выраженіемъ готовности возвратить Бризеиду и выдать вознагражденія. Ахиллесъ отказывается.

X. (Κ. Δολώνεια). Одиссей и Діомедъ идутъ ночью въ троянскій станъ и убиваютъ троянскаго соглядатая Долона; потомъ умерщвляютъ спящаго Реса, вождя ѳракійцевъ, и уводятъ его коней.

* XI. (Λ. Ἀγαμέμνονος ἀριστεία). Агамемнонъ совершаетъ подвиги въ битвѣ, но тщетно; многіе греческіе вожди ранены или

убиты; Патроклъ, посланный Ахиллесомъ спросить о раненомъ врачѣ Махаонѣ, узнаетъ, что положеніе грековъ отчаянно.

XII. (M. Τειχομαχία). Троянцы подъ начальствомъ Гектора врываются въ греческій станъ.

XIII. (N. Μάχη ἐπὶ ταῖς ναυσίν). Пока Зевсъ на короткое время отвратилъ свои взоры отъ троянской равнины, богъ моря Посидонъ, наблюдавшій съ вершины Самоѳракіи, пользуется случаемъ ободрить грековъ. Критянинъ Идоменей совершаетъ великіе подвиги.

XIV. (Ξ. Διὸς ἀπάτη — т. е. хитрость убаюкиваетъ Зевса). Богъ сна и Гера убаюкиваютъ Зевса на Идѣ. Посидонъ ободряетъ грековъ, троянецъ Гекторъ раненъ.

XV. (O. Παλίωξις παρὰ τῶν νεῶν — неточное заглавіе, ибо троянцы не обращаются въ бѣгство). Зевсъ просыпается на Идѣ. По его приказанію Аполлонъ придаетъ новую силу Гектору. Войско троянъ снова нападаетъ на греческіе корабли; Аяксъ храбро защищаетъ ихъ.

* XVI. (Π. Πατρόκλεια). Патроклъ вступается за грековъ передъ Ахиллесомъ, и получаетъ отъ него вооруженіе. Подъ видомъ своего друга Ахиллеса, Патроклъ выступаетъ въ поле, прогоняетъ троянъ отъ кораблей и наконецъ гибнетъ отъ руки Гектора.

XVII. (P. Μενελάου ἀριστεία). Греки и трояне сражаются за трупъ Патрокла. Менелай совершаетъ великіе подвиги.

* XVIII. (Σ. Ὁπλοποιΐα). Ахиллесъ узнаетъ о смерти Патрокла и оплакиваетъ его; слыша это, Ѳетида выходитъ изъ моря и является сыну. Она убѣждаетъ бога огня, Гефеста, приготовить Ахиллесу новое оружіе. Описаніе щита, сдѣланнаго Гефестомъ.

* XIX. (T. Μήνιδος ἀπόρρησις). Ахиллесъ отказывается отъ своего гнѣва; примиряется съ Агамемнономъ въ собраніи греческаго войска и готовится къ выступленію съ нимъ на войну; запрягаетъ коней въ колесницу, въ это время конь Ксанѳъ говоритъ человѣческимъ голосомъ, предсказывая судьбу Ахиллеса.

* XX. (Υ. Θεομαχία). Боги сходятъ съ Олимпа, чтобы участвовать въ битвѣ на троянской равнинѣ, одни—съ греками, другіе—съ троянцами. Ахиллесъ бьется съ Энеемъ, котораго спасаетъ Посидонъ, и съ Гекторомъ, спасеннымъ Аполлономъ.

* XXI. (Φ. Μάχη παραποτάμιος). Богъ рѣки Скамандра бьется съ Ахиллесомъ, котораго спасаетъ Гефестъ.

* XXII. (X. Ἕκτορος ἀναίρεσις). Ахиллесъ сражается съ Гекторомъ и три раза гонитъ его вокругъ стѣнъ Трои. Зевсъ взвѣшиваетъ на золотыхъ вѣсахъ жребіи Ахиллеса и Гектора. Гектору рѣшено умереть. Аполлонъ оставляетъ его, Аѳина ободряетъ Ахиллеса. Ахиллесъ убиваетъ Гектора.

* XXIII. (Ψ. Ἆθλα ἐπὶ Πατρόκλῳ). Душа Патрокла является Ахиллесу и проситъ похоронить оставшееся на землѣ тѣло; оно сжигается на кострѣ, причемъ приносится множество жертвъ: двѣнадцать троянскихъ плѣнниковъ убиты и брошены на костеръ; слѣдуютъ игры въ честь умершаго.

* XXIV. (Ω. Ἕκτορος λύτρα). Такъ какъ Ахиллесъ ежедневно влачитъ тѣло Гектора вокругъ могилы Патрокла, то Апол-

лонъ, вмѣстѣ съ другими богами и Зевсомъ, побуждаетъ Пріама идти и выкупить тѣло своего сына. Богъ Гермесъ проводитъ престарѣлаго царя черезъ равнину; Ахиллесъ ласково принимаетъ Пріама и соглашается на выкупъ. Пріамъ уноситъ тѣло Гектора въ Трою, чтобы похоронить и оплакать его.

Строеніе Одиссеи. 6. Одиссея обязана своимъ единствомъ личности ея героя, и это единство тѣснѣе, чѣмъ въ Иліадѣ. Этотъ эпосъ можно раздѣлить на шесть группъ, по четыре книги въ каждой: 1) I—IV. Приключенія Телемаха. 2) V—VIII. Приключенія Одиссея послѣ отплытія съ острова Калипсо до прибытія въ страну феаковъ. 3) IX—XII. Приключенія до прибытія на островъ Калипсо, 4) XIII—XVI. Одиссей въ хижинѣ Эвмея на Итакѣ. 5) XVII—XX. Возвращеніе Одиссея въ домъ свой. 6) XXI—XXIV. Отмщеніе женихамъ и возстановленіе Одиссея въ его прежней власти.

I. (*α. Θεῶν ἀγορά. Ἀθηνᾶς παραίνεσις πρός Τηλέμαχον*). Десятый годъ со времени паденія Трои. Одиссей задержанъ нимфою Калипсо на Огигіѣ—островѣ далекаго Запада; между тѣмъ жена его Пенелопа на Итакѣ обезпокоена навязчивыми женихами, людьми безсовѣстными, которые пируютъ въ домѣ Одиссея какъ въ своемъ собственномъ. Въ совѣтѣ боговъ Аѳина объявляетъ, что богъ моря Посидонъ достаточно долго мучитъ Одиссея; она сама отправляется на Итаку и побуждаетъ Телемаха ѣхать на поиски отца.

II. (*β. Ἰθακησίων ἀγορά Τηλεμάχου ἀποδημία*). Телемахъ созываетъ собраніе итакійцевъ и проситъ ихъ вступиться за его права; женихи смѣются надъ нимъ. Собраніе ничего не дѣлаетъ въ его пользу. Тѣмъ не менѣе Аѳина, скрываясь подъ видомъ одного вождя по имени Ментора, добываетъ ему корабль; Телемахъ съ мнимымъ Менторомъ отправляется въ Пилосъ въ Элидѣ.

III. (*γ. Τὰ ἐν Πύλῳ*). Несторъ, престарѣлый царь Пилоса, оказываетъ имъ гостепріимство. Во время пира Менторъ исчезаетъ; Несторъ, замѣтивъ что у него была гостьей богиня Аѳина, совершаетъ ей жертву возліяніями. Затѣмъ Телемахъ отъѣзжаетъ въ Спарту съ сыномъ Нестора Писистратомъ.

IV. (*δ. Τὰ ἐν Λακεδαίμονι*). Менелай, царь Спарты, принимаетъ ихъ; супруга его Елена узнаетъ Телемаха по сходству его съ отцомъ. Телемахъ, услышавъ отъ Менелая, что отецъ его находится на островѣ Калипсо (Менелай же узналъ объ этомъ отъ прорицателя Протея въ Египтѣ), собирается въ обратный путь. Между тѣмъ до Пенелопы доходитъ слухъ о заговорѣ жениховъ убить сына ея; но Аѳина успокоиваетъ ее во снѣ.

V. (ε. Καλυψοῦς ἄντρον. Ὀδυσσέως σχεδία). Боги посылаютъ Гермеса съ приказаніемъ къ нимфѣ Калипсо отпустить Одиссея; она повинуется. Одиссей строитъ себѣ плоскодонный корабль (а не просто, что мы называемъ „плотъ") и отправляется въ море. На 18-й день Посидонъ, старый врагъ его, замѣчаетъ и опрокидываетъ его корабль; но морская богиня Ино (Левкотея) даетъ Одиссею покрывало, которое подымаетъ его вверхъ. и наконецъ онъ выходитъ на берегъ при устьѣ одной рѣки на Схеріи, странѣ великаго мореходнаго народа фэаковъ.

VI. ζ. Ὀδυσσέως ἄφιξις εἰς Φαίακας). Навзикая, дочь фэакійскаго царя Алкиноя, приходитъ на берегъ рѣки съ своими служанками полоскать бѣлье; кончивъ работу, онѣ играютъ въ мячъ. Ихъ голоса пробуждаютъ спящаго Одиссея, онъ проситъ у нихъ помощи. Навзикая указываетъ ему дорогу во дворецъ своего отца.

VII. ((η. Ὀδυσσέως εἴσοδος πρὸς Ἀλκίνουν). Царь Алкиной и царица Арета принимаютъ Одиссея въ своемъ блестящемъ дворцѣ, и онъ разсказываетъ имъ свои приключенія со времени отъѣзда съ острова Калипсо.

VIII. (θ. Ὀδυσσέως σύστασις πρὸς Φαίακας). Алкиной созываетъ собраніе фэакійцевъ, на которомъ рѣшаютъ дать чужеземцу корабль для переѣзда въ отечество. Открываются игры. На пиру у царя пѣвецъ Демодокъ поетъ о Троѣ; чужеземецъ прослезился при этомъ; царь проситъ его разсказать свои приключенія.

(Книги IX—XII носятъ общее заглавіе „Ἀλκίνου ἀπόλογοι" разсказы Алкиною).

IX. (ι. Κυκλώπεια). Одиссей разсказываетъ, какъ, оставивъ Трою, онъ прибылъ въ страну киконовъ (въ Ѳракіи), затѣмъ въ страну лотофаговъ и наконецъ къ киклопамъ; тамъ онъ выкололъ глазъ Полифему.

X. (κ. Τὰ περὶ Αἰόλου καὶ Λαιστρυγόνων καὶ Κίρκης). Приключенія его у бога вѣтровъ Эола, у лэстригоновъ и у волшебницы Цирцеи.

XI. (λ. Νέκυια). Нисхожденіе Одиссея къ Гадесу, мѣстопребываніе умершихъ, и разговоры его съ нѣкоторыми изъ тѣней усопшихъ.

XII. (μ. Σειρῆνες, Σκύλλα, Χαρύβδις βόες Ἡλίου). Его приключенія съ сиренами, съ Скиллой и Харибдой; какъ его спутники съѣли священныхъ быковъ солнца на островѣ Тринакріи, за что всѣ они погибли въ морѣ, одинъ только онъ спасся на островѣ Калипсо, Огигіѣ

XIII. (ν. Ὀδυσσέως ἀνάπλους παρὰ Φαιακῶν καὶ ἄφιξις εἰς Ἰθάκην). Фэакійцы привозятъ Одиссея въ Итаку; на возвратномъ пути Посидонъ обращаетъ корабль ихъ въ камень. Аѳина является Одиссею въ Итакѣ, даетъ ему видъ нищаго и совѣтуетъ, какъ убить жениховъ.

XIV. (ξ. Ὀδυσσέως πρὸς Εὔμαιον ὁμιλία). Одиссей разговариваетъ съ своимъ старымъ свинопасомъ Эвмеемъ, не узнающимъ его.

XV. (ο. Τηλεμάχου πρὸς Εὔμαιον ἄφιξις). Телемахъ возвращается въ Итаку и заходитъ въ хижину Эвмея.

XVI. (π. Ἀναγνωρισμὸς Ὀδυσσέως ὑπὸ Τηλεμάχου). Одиссей, полу-

чивъ временно отъ Аѳины] свой первоначальный образъ, открывается Телемаху. Они составляютъ планъ истребленія жениховъ.

XVII. (ρ. Τηλεμάχου ἐπάνοδος εἰς Ἰθάκην—т. е. въ городъ; на островѣ онъ былъ уже съ XV пѣсни). Телемахъ идетъ въ городъ. Онъ не говоритъ матери о возвращеніи отца, а сообщаетъ только о томъ, что онъ слышалъ во время своего путешествія. Одиссей въ видѣ стараго нищаго приходитъ съ Эвмеемъ въ свой домъ. Собака Аргосъ узнаетъ своего переодѣтаго господина, привѣтствуетъ его и затѣмъ издыхаетъ.

XVIII. (σ. Ὀδυσσέως καὶ Ἴρου πυγμή). Переодѣтый Одиссей борется съ Иромъ, нищимъ, живущимъ подачками жениховъ, которые продолжаютъ свои пиршества и непристойности.

XIX. (τ. Ὀδυσσέως καὶ Πηνελόπης ὁμιλία. Τὰ νίπτρα). Пенелопа говоритъ съ бѣднымъ чужеземцемъ, не признавая въ немъ своего мужа, разсказываетъ ему, какъ обманула жениховъ. Она обѣщала сдѣлать выборъ, какъ только кончитъ свою ткань, и каждую ночь распускала, что успѣвала наткать днемъ. Эвриклея, старая няня, моетъ ноги чужеземца и узнаетъ его по одной примѣтѣ на ногѣ.

XX. (υ. Τὰ πρὸ τῆς μνηστηροφονίας). Одиссей, лежа въ портикѣ своего дома, смущается душой; является Аѳина и успокоиваетъ его. Въ то время, какъ женихи продолжаютъ пировать, прорицатель Ѳеоклименъ въ страшномъ видѣніи предвидитъ ихъ гибель.

XXI. (φ. Τόξου θέσις). Пенелопа предлагаетъ женихамъ испытать счастье въ пусканіи стрѣлъ изъ лука, который когда-то получилъ Одиссей отъ героя Эврита. Ни одинъ изъ жениховъ не можетъ натянуть его, чужеземецъ же (Одиссей) съ легкостью натягиваетъ лукъ и пускаетъ стрѣлу сквозь отверстія двѣнадцати топоровъ, поставленныхъ одинъ за другимъ.

XXII. (χ. Μνηστηροφονία). Съ этого момента Одиссей является въ своемъ настоящемъ видѣ; съ своимъ сыномъ и съ двумя своими вѣрными слугами онъ нападаетъ на жениховъ въ залѣ дворца и убиваетъ ихъ. Невѣрныя служанки повѣшены.

XXIII. (ψ. Ὀδυσσέως ὑπὸ Πηνελόπης ἀναγνωρισμός). Няня Эвриклея передаетъ Пенелопѣ, что Одиссей возвратился; жена узнаетъ своего мужа и выслушиваетъ разсказъ о его путешествіяхъ. Одиссей рѣшаетъ отправиться въ загородный домъ свой, чтобы посѣтить своего отца Лаэрта.

XXIV. (ω. Νέκυια δευτέρα. Σπονδαί). Богъ Гермесъ низводитъ къ Гадесу тѣни жениховъ. Одиссей находитъ своего отца, работающаго въ саду и открывается ему. Итакійцы погребаютъ жениховъ и послѣ споровъ рѣшаются отмстить за смерть ихъ; но Одиссей со своими приверженцами усмиряетъ мятежъ. Затѣмъ, съ помощью богини Аѳины, заключается миръ и торжественный договоръ между царемъ Одиссеемъ и его подданными на Итакѣ.

Аристотель дѣлитъ эпическія произведенія, подобно драматическимъ, на простыя и сложныя. Иліада—«простое» (ἁπλῆ) произведеніе, потому что дѣйствіе ея, по-

добно, какъ наприм. въ «Прикованномъ Прометеѣ», имѣетъ прямое и непосредственное развитіе; Одиссея — «сложное» произведеніе (πεπλεγμένη), потому что завязка усложнена переодѣваніями Одиссея и тѣмъ, что «признаніе» его, подобно какъ въ «Эдипѣ Царѣ» сопровождалось внезапной перемѣной положенія (περιπέτεια).

Иліада «патетична» (παθητική), потому что первое побужденіе героя къ дѣйствію — страсть, гнѣвъ противъ Агамемнона, печаль о Патроклѣ и сильное желаніе отмстить за него. Одиссея «правоучительна» (ἠθική), такъ какъ характеръ многострадальнаго героя ея выраженъ въ дѣйствіяхъ, управляемыхъ холоднымъ разсудкомъ [1]).

Общій характеръ гомеровской поэзіи. 7. Главнѣйшій признакъ гомеровской поэзіи — свѣжесть и простота первобытной эпохи, прелесть которой мы соединяемъ съ «младенчествомъ міра»; а, съ другой стороны, гомеровская поэзія совершенно оставила грубость формъ, борьбу мысли съ языкомъ, склонность къ страннымъ или простонароднымъ формамъ выраженія, неспособность равномѣрнаго сохраненія высокаго уровня, характеризующія первую стадію въ литературѣ. Этотъ общій характеръ ея очерченъ Matthew Arnold'омъ въ его прекрасныхъ лекціяхъ о переводѣ Гомера, въ которыхъ онъ говоритъ, что гомеровскій стиль имѣетъ

[1]) Арист. (Poet. 24). Взглядъ, что Аристотелевы „παθητική“ и „ἠθική“ должны быть приняты за главную причину дѣйствій, былъ недавно развитъ G. Günther'омъ (въ соч. его Grundzüge der tragischen Kunst., стр. 538—543. Leipzig 1885). Кажется, это объясненіе самое вѣроятное. Если бы ἠθική значило только „строгій очеркъ характеровъ», то этотъ эпитетъ былъ бы одинаково приложенъ къ Иліадѣ и къ Одиссеѣ. А если же παθητική значило бы „страшное“. т. е. „съ трагическими событіями“, какъ думалъ Twining и друг., то его можно бы было отнести какъ къ Одиссеѣ, въ которой изображена гибель товарищей героя и истребленіе жениховъ, такъ и къ Иліадѣ.

четыре главныя свойства: онъ кратокъ, ясенъ по мысли, ясенъ по выраженію и благороденъ [1]). Англичанинъ можетъ быть лучше замѣтить это, сравнивъ Гомера, съ одной стороны, съ древними англійскими балладами, а съ другой—съ видомъ поэзіи, который носитъ общее съ гомеровскимъ названіе «эпическая», но существенно разнится отъ гомеровскаго эпоса; я разумѣю литературный эпосъ, какъ наприм. Энеида или Потерянный Рай.

Отношеніе баллады къ поэзіи Гомера. 8. Прежде чѣмъ сравнивать баллады съ Гомеромъ, мы должны точно установить предѣлы таковаго сравненія. Древнія англійскія и шотландскія баллады, какія мы находимъ въ «Памятникахъ» Перси и другихъ сборникахъ, принадлежатъ къ болѣе грубой стадіи поэтическаго развитія, чѣмъ Иліада и Одиссея. Въ греческой литературѣ не сохранилось этой стадіи, соотвѣтствующей нашимъ балладамъ, съ другой стороны, въ англійской литературѣ—нѣтъ Гомера. Баллада была собственно повѣствовательнымъ поэтическимъ произведеніемъ, въ то время какъ «пѣсня» выражала личное чувство; и хотя строгой границы не проводилось между той и другой, но слагатель балладъ, по преданію и инстинктивно, ограничивался обыкновенно простымъ разсказомъ. «Баллада» и «пѣсня» были современными другъ другу видами поэзіи, тогда какъ греческій эпосъ существовалъ раньше, чѣмъ у грековъ появилась настоящая лирическая поэзія. Гомеровскій эпосъ, вообще, есть просто разсказъ, но онъ уже содержитъ въ себѣ въ изобиліи

[1]) Арнольдъ замѣчаетъ, что Cowper, какъ переводчикъ, тяжелъ, Pope не ясенъ въ выраженіи, а Chapman (выражая устарѣлыя понятія Елизаветинской эпохи) не ясенъ по мысли, тѣмъ не менѣе онъ болѣе подходитъ къ Гомеру въ томъ смыслѣ, что онъ простъ, свѣжъ, силенъ въ выраженіи и до нѣкоторой степени подвиженъ.

зародыши лирики. Сюда относятся выраженія мысли и чувства, касающіяся человѣческой жизни; выраженія, срывающіяся съ устъ гомеровскихъ героевъ, часто необычайно поразительныя и трогательныя, они придаютъ гомеровскимъ поэмамъ глубокій и всеобщій человѣческій интересъ, нравственное и философское значеніе, связанныя съ блестящими картинами дѣйствій. Какъ видъ поэзіи, эта относительно бѣдная и узкая форма, въ которой работаетъ слагатель балладъ, ни на одну минуту не можетъ быть сравнена съ всеобъемлющимъ и разнообразнымъ эпосомъ Гомера; но посредствомъ ея мы можемъ уяснить нѣкоторыя свойства Гомера, изслѣдовать, какія изъ нихъ встрѣчаются и какихъ не находится въ балладахъ.

Гомеровскій элементъ въ балладахъ. При этомъ сравненіи мы найдемъ, что баллады раздѣляютъ съ Гомеромъ три изъ вышеназванныхъ свойствъ; онѣ кратки въ своемъ развитіи, ясны по мысли и точны по выраженію. Далѣе, къ этимъ тремъ свойствамъ присоединяется еще четвертое,—благородство, и этимъ онѣ становятся въ нѣкоторой степени гомеровскими; это наблюдается обыкновенно при одномъ изъ двухъ условій: или когда баллада изображаетъ какое-либо рѣшительное военное дѣйствіе, или когда она представляетъ какой-либо рѣзкій порывъ естественной страсти. Примѣромъ перваго случая можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ «Чевіотской охоты», гдѣ одинъ нортумберлэндскій дворянинъ предупреждаетъ спутниковъ Перси о приближеніи Дугласа: «оставьте охоту», сказалъ онъ, «и посмотрите въ порядкѣ ли ваши луки, ибо съ того времени какъ вы родились отъ вашихъ матерей, вамъ не было такой нужды въ осторожности». Храбрый Дугласъ ѣхалъ верхомъ впереди своихъ людей, его броня блистала какъ раскаленный уголь; ни-

когда не рождалось барона смѣлѣе его. «Говорите, что вы за люди,—сказалъ онъ—и кому вы принадлежите? кто далъ вамъ право охотиться въ Чевіотѣ противъ моей воли?»

Все это кратко, ясно по мысли и по выраженію; далѣе, въ приведенномъ мѣстѣ, видно собственное воинское достоинство; эти черты, взятыя вмѣстѣ, производятъ впечатлѣніе, сходное съ впечатлѣніемъ, вызываемымъ многими воинскими сценами Иліады. Сравните также въ Иліадѣ описаніе Ахиллеса при первомъ взрывѣ отчаянія, когда Антилохъ сообщилъ ему о смерти Патрокла:

«Рекъ, и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро онъ въ обѣ руки схвативши нечистаго пеплу
Голову всю имъ осыпалъ и ликъ осквернилъ свой прекрасный.
Риза его благовонная вся почернѣла подъ пепломъ,
Самъ онъ великій, пространство покрывши великое, въ прахѣ
Молча простерся и волосы рвалъ, безобразно терзая».

Въ балладѣ «Jamie Telfer» Вэтъ изъ Гардэна, одинъ изъ вождей Тивіота, видитъ, какъ его сынъ убитъ въ пограничномъ лѣсу. Здѣсь тоже представлена рыцарская натура въ первый моментъ взрыва отчаянія и гнѣва. Стихи въ этомъ мѣстѣ облагорожены силою естественной страсти и, несмотря на разницу по формѣ, они подходятъ къ гомеровскимъ по духу. «Но Вилли ударили по головѣ, мечъ проникъ сквозь шлемъ, и Гардэнъ заскрежеталъ зубами отъ бѣшенства, когда Вилли палъ мертвый на землю. Онъ снялъ свой стальной шлемъ и трижды взмахнулъ имъ въ воздухѣ. Снѣга Диплея никогда не были столь бѣлы, какъ бѣлы сѣдыя кудри Гардэна. «Мщеніе, мщеніе!» вскричалъ старый Вэтъ. «Эй, ребята, грозой тѣсните ихъ. Мы ни-никогда не увидимъ болѣе Тивіота, или смерть Вилли будетъ отомщена» [1]).

[1]) Prof. Veitch „History and Poetry of the Scottish Border“ (Mac-

Обыкновенный тонъ балладъ. Но возьмемъ теперь балладу на ея обыкновенномъ уровнѣ разсказа, гдѣ она не оживлена такими горячими страстями, и сравнимъ ее съ соотвѣтственными мѣстами Гомера. Въ Одиссеѣ царь Алкиной предлагаетъ своему благородному гостю (не зная, что гость его—Одиссей) остаться въ Фэакіи и жениться на его дочери Навзикаѣ.

«Если-бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина! —
Если-бъ нашелся подобный тебѣ, въ помышленьяхъ со мною
Сходный, супругъ Навзикаѣ, возлюбленный зять мнѣ, и если-бъ
Здѣсь поселился онъ.... Домъ и богатства бы далъ я, когда бы
Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь иноземца
Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу неугодно».

Это мѣсто просто и ясно, и въ то же время совершенно по тонкости выраженія и благородству.

Король Эстмиръ въ древней балладѣ, носящей его имя, хочетъ жениться на дочери короля Эдлэнда; Эдлеръ, братъ Эстмира, объявляетъ объ этомъ Эдлэнду: «у тебя есть дочь,—сказалъ юный Эдлеръ,—люди называютъ ее красивой, мой братъ хотѣлъ бы жениться на ней, чтобъ она была королевой Англіи».

Король Эдлэндъ отвѣчаетъ: «Вчера, къ моей дорогой дочери, приходилъ сэръ Брэморъ, король Испаніи, и она ему сказала: «нѣтъ!»; я боюсь, что она тебѣ скажетъ то же».

Я выбралъ этотъ примѣръ, потому что разница въ тонѣ между рѣчами короля Эдлэнда и царя Алкиноя достаточно характеризуетъ главное отличіе баллады, на ее обыкновенномъ уровнѣ, отъ Гомера. Хотя конечно еще спорный вопросъ—правъ ли Matthew Arnold къ балладистамъ, приводя слѣдующій стихъ, какъ характерный для нихъ:

---

lehose 1878), откуда я беру это, приводитъ еще много прекрасныхъ примѣровъ; см. въ особенности гл. XI.

„Когда лудильщикъ пировалъ, то преизрядно выпивалъ“ [1]), но во всякомъ случаѣ основная мысль его вѣрна: слагатель балладъ всегда—грубый работникъ и стоитъ на болѣе низкомъ интеллектуальномъ уровнѣ, чѣмъ гомеровскій поэтъ, стиль котораго хотя мѣняется сообразно содержанію, но всегда и вездѣ сохраняетъ благородную прелесть, безъ принужденности или видимаго усилія; а мысли его о человѣческой жизни указываютъ на болѣе тонкую и глубокую наблюдательность, чѣмъ та, какую мы находимъ у слагателя балладъ. Мы разсмотрѣли здѣсь англійскія древнія баллады, какъ примѣры древней народной поэзіи, созданной народомъ для народа. Въ результатѣ получили, что гомеровская поэзія есть нѣчто болѣе зрѣлое и возвышенное. Древняя народная поэзія хотя и представляетъ моменты увлеченія, и въ этомъ случаѣ она приближается къ Гомеру, но обыкновенный уровень ея несравненно ниже.

Гомеръ и литературный эпосъ. 9. Еще важнѣе замѣтить значительную разницу гомеровскаго эпоса отъ эпоса литературнаго позднѣйшаго времени. Литературный эпосъ написанъ въ эпоху распространяющейся цивилизаціи, ученымъ поэтомъ. Его вкусъ и стиль находился подъ вліяніемъ сочиненій многихъ поэтовъ, писавшихъ раньше его; онъ пользовался исторической и древней литературой сообразно своему плану. Онъ писалъ для образованныхъ читателей, которые въ состояніи были чувствовать самыя тонкія прелести слога и могли понимать литературные намеки. Главный характеръ литературнаго эпоса хорошо обрисовывается въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ «Потеряннаго рая», въ которомъ Мильтонъ говоритъ, на сколько «несравненно выше всякаго представленія смертныхъ» были легіоны

[1]) When the tinker did dine, he had plenty of wine.

павшаго Архангела. «При этомъ зрѣлищѣ сердце его снова переполнилось гордыней, и, еще болѣе твердѣя отъ сознанія силы, онъ возликовалъ, потому что никогда отъ сотвореннаго человѣка не собиралось войско, которое въ сравненіи съ этимъ имѣло бы большее значеніе, чѣмъ та маленькая пѣхота, уносимая аистами; хотя бы и собрать могучее племя титановъ, жившихъ въ Флегрѣ, героическія дружины, сражавшіяся подъ Ѳивами и подъ Иліономъ, когда съ той и другой стороны участвовали въ бояхъ боги, и если къ нимъ присоединить всѣхъ рыцарей Арморики, память о подвигахъ которыхъ сохранялась въ баснословныхъ сказаніяхъ всѣхъ тѣхъ крещенныхъ и некрещенныхъ полчищъ, которыя дрались подъ Аспромонте или Монтабаномъ, подъ Дамаскомъ и подъ Трепизондомъ, а также тѣ несмѣтныя, явившіяся съ береговъ Африки, дружины, которыми подъ Фонтарабіей былъ разбитъ Карлъ Великій со всѣми сподвижниками». Эту ясную и простую мысль — чрезвычайное могущество спутниковъ сатаны—Мильтонъ подтверждаетъ здѣсь примѣрами. Онъ пользуется цѣлымъ рядомъ литературныхъ произведеній: классическіе поэты, циклъ Артуса, итальянскіе рыцарскіе романсы, французскія преданія о Карлѣ Великомъ. Падшіе ангелы сравниваются съ гигантами, съ греческими героями, съ рыцарями Круглаго Стола, съ защитниками креста или ислама и съ паладинами, павшими при Ронсевалѣ. Каждое имя здѣсь—историческое воспоминаніе. Когда дѣло доходитъ наконецъ до «Аспромонте», мы начинаемъ чувствовать, что дальнѣйшее перечисленіе ничего не прибавитъ къ нашему представленію о могуществѣ сатаны и начинаемъ замѣчать, что въ этихъ блестящихъ стихахъ поэтъ старается доказать только свою начитанность. Но эта особенность литературнаго эпоса —

пускать въ ходъ ученость, чтобы произвести большій эффектъ—составляетъ только одинъ изъ признаковъ, которые мы находимъ въ приведенномъ отрывкѣ. Гомеръ не сказалъ бы никогда, какъ это дѣлаетъ Мильтонъ, что все рыцарство человѣческой исторіи въ сравненіи съ изгнанными духами не болѣе, чѣмъ «то войско малютокъ, съ которымъ бьются аисты»; Гомеръ сказалъ бы просто—пигмеи. Гомеръ говоритъ прямо и ясно, чтò онъ думаетъ; литературный же эпосъ любитъ выражаться иносказательно: замѣтьте выраженіе Мильтона «то войско малютокъ», т. е. то войско, которое вамъ, читатель, извѣстно изъ третьей пѣсни Иліады. Наконецъ, обратите вниманіе на фразу Мильтона: «отъ сотворенныхъ людей» вмѣсто отъ «сотворенія людей»—образъ выраженія, столь свойственный греческому и латинскому языкамъ, но не англійскому, онъ придаетъ ученый характеръ слогу; въ поэтѣ тотчасъ же виденъ ученый, поэма его—произведеніе научнаго труда. Слогъ Гомера всегда благороденъ и въ то же время естественъ. Такимъ образомъ въ нѣсколькихъ строкахъ встрѣчаемъ три особенности, которыми литературный эпосъ рѣзко отличается отъ гомеровскаго; онъ есть ученая работа, въ то время какъ гомеровскій—самороденъ; тотъ склоненъ къ намекамъ, этотъ прямъ, языкъ въ немъ часто искусственно изысканъ, въ Гомерѣ же всегда благороденъ и не напыщенъ [1])

Изъ всѣхъ качествъ Гомера, литературный эпосъ наилучше подражаетъ благородству; но благородство литературнаго эпоса носитъ иной характеръ, это—

[1]) По неподражаемой ясности и прямотѣ мышленія, Гомеръ, какъ думаетъ Matthew Arnold, стоитъ въ духовномъ родствѣ съ Вольтеромъ. Подобно Вольтеру, Гомеръ за одинъ разъ преслѣдуетъ одну только мысль и излагаетъ ее во всей ея первобытной чистотѣ, не удаляясь въ сторону подъ вліяніемъ какой-либо фантазіи, развившейся въ связи съ нею.

торжественная величественность, гордая, по нѣсколько монотонная; тогда какъ благородство у Гомера приспособлено одинаково ко всякому жизненному положенію; оно можетъ выражать необузданность мрачнаго гнѣва и отражать блескъ битвы, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, оно разливаетъ свѣтлую и нѣжную прелесть на самыя милыя сцены домашней жизни,—короче, остается естественнымъ.

Дрэйденъ и Эддисонъ о Гомерѣ. 10. Нѣкогда было общимъ мѣстомъ критики сравнивать Гомера съ великими литературными эпосами, какъ произведеніями одного и того же рода. Извѣстны стихи Дрэйдена:

„Три поэта, тремя разными эпохами рожденные,
Украсили собой Грецію, Италію и Англію:
Первый отличился высотою мысли,
Второй—величественностью, третій—тѣмъ и другимъ.
Сила природы не могла итти дальше:
Чтобы создать третьяго, она соединила двухъ первыхъ“ [1]).

Дрэйденъ, сравнивая здѣсь трехъ поэтовъ, довольствуется тѣмъ, что называетъ Гомера благороднымъ, Виргилія—величественнымъ, Мильтона—тѣмъ и другимъ. Эддисонъ, сравнивая «Иліаду», «Энеиду» и «Потерянный Рай» въ смыслѣ содержанія, характеровъ, чувствъ и языка, не указываетъ существенной разницы, которою бы Иліада отличалась отъ двухъ остальныхъ, но тѣмъ не менѣе не знать этой разницы—еще болѣе несправедливо по отношенію къ Виргилію и Мильтону, чѣмъ къ Гомеру. Эпическій поэтъ литературной эпохи не можетъ избѣжать вліянія своего времени, и первымъ условіемъ вѣрной оцѣнки его поэзіи служитъ сознаніе. что это не есть отголосокъ первобытнаго міра, что поэтъ имѣетъ свой личный вкусъ, который не могъ

[1]) Эти стихи впервые были напечатаны подъ портретомъ Мильтона, работы Уайта, въ изданіи «Потеряннаго рая» Тонсона въ 1688 г. Изданіе Мильтона Masson'а, I, 20.

проявиться у творца Иліады и Одиссеи. Передъ эпическимъ поэтомъ литературной эпохи лежитъ масса грубаго матеріала, изъ котораго онъ долженъ выбрать и связать выбранныя части въ цѣлое, одушевивъ его дыханіемъ жизни; онъ играетъ въ поэзіи созидательную роль, аналогичную роли Ливія и Гибона въ прозѣ; и кто не знаетъ, съ какимъ замѣчательнымъ искусствомъ была выполнена эта задача въ разныхъ видахъ и въ разныхъ степеняхъ геніемъ Виргилія, Данта и Мильтона? Къ концу прошлаго столѣтія, происхожденіе гомеровскихъ поэмъ начало подвергаться критическому изслѣдованію,—и новой крайностью явилось предположеніе, прямо противоположное тому, на которомъ основывалась критика Эддисона.

Вольфіанцы. Вольфъ протестовалъ противъ сравненія Гомера съ литературно-эпическими поэтами, подобными Мильтону; тогда сдѣлалось модой сравнивать Гомера съ составителями народныхъ пѣсенъ или балладъ. Но мы видѣли, что это была ошибка въ обратномъ направленіи. Если мы хотимъ понять, какое мѣсто занимаетъ Гомеръ въ литературѣ, то должны уяснить себѣ главныя отличительныя черты «Чевіотской охоты», съ одной стороны, и «Потеряннаго рая»— съ другой.

Гомеръ и Вальтеръ Скоттъ. 11. Постараемся указать здѣсь для ясности на аналогію, которую представляетъ англійская литература; аналогію, хотя несовершенную, но важную во многихъ отношеніяхъ—на аналогію съ поэзіей Вальтеръ Скотта. Отношеніе Скотта къ Гомеру можетъ быть разсмотрѣно съ двухъ разныхъ сторонъ. Если, съ одной стороны, сдѣлать чисто литературное сравненіе, если форму поэзіи Скотта сравнить съ гомеровской, то разница будетъ болѣе разительна, чѣмъ сходство. Если же, съ другой стороны, мы будемъ искать

только аналогію, а не прямое сходство, если сопоставимъ отношеніе Скотта къ древнимъ англійскимъ составителямъ балладъ съ отношеніемъ Гомера къ болѣе грубому періоду пѣсни, если сравнимъ духъ, которымъ Скоттъ вновь оживлялъ эпоху рыцарства, съ духомъ Гомера, вновь оживлявшимъ героизмъ ахеянъ; то мы признаемъ кровное родство обоихъ. Для англійскаго изслѣдователя Гомера трудно найти болѣе интересную работу, чѣмъ опредѣленіе этого различія и этого сходства. Оно послужитъ во многихъ отношеніяхъ пробою нашей оцѣнки Гомера, и прибавимъ къ этому, что оно можетъ быть произведено съ одинаковою пользою людьми самыхъ различныхъ взглядовъ на поэтическое значеніе Скотта.

Составныя части различія. Начнемъ съ различія: поэзія Скотта основана на балладѣ древняго барда, измѣненной средневѣковымъ романсомъ; въ примѣчаніи къ Marmion онъ самъ называетъ эту поэму «романтическимъ разсказомъ» и отрицаетъ всякую идею попытки «эпическаго построенія». Если же Matthew Arnold говоритъ объ слогѣ Скотта; что «онъ пытается держаться на высокихъ ходуляхъ, что онъ—ублюдокъ эпическаго слога», то слѣдуетъ вспомнить, что Скоттъ самъ извинялся въ примѣненіи этихъ «высокихъ ходуль». Но должно согласиться съ тѣмъ же критикомъ, что слогъ Скотта не способенъ держаться на уровнѣ благородства гомеровскаго слога; этотъ недостатокъ онъ необходимо раздѣляетъ съ формою баллады, на которой основанъ. Арнольдъ приводитъ слѣдующія строки (изъ Marmion, VI, 26) для характеристики Скотта: «Тэнсталль лежитъ мертвый на полѣ, его кровь багритъ его незапятнанный щитъ: Эдмундъ палъ, моя жизнь кончена, остался въ живыхъ одинъ адмиралъ», и дѣлаетъ два замѣчанія на нихъ,—что движеніе хотя бы-

строе, но не ровное, и что эта внѣшняя черта указываетъ на болѣе глубокую духовную разницу, которую выдаютъ эти стихи,—на неспособность Скотта подражать великимъ образцамъ Гомера. Этотъ примѣръ, тѣмъ не менѣе, весьма не характеренъ для Скотта. Во-первыхъ, «неровность» этихъ стиховъ не представляетъ нормальнаго стихосложенія Скотта, которое по большей части гомеровское, эти же стихи не что иное, какъ отрывочныя выраженія раненаго Marmion'а, когда тотъ, очнувшись отъ обморока, разсказываетъ окружающимъ его на-скоро печальныя событія на полѣ битвы,—отрывочность ихъ преднамѣрена[1]); во-вторыхъ, эти стихи безконечно далеки отъ тѣхъ, которыми Скоттъ приближается къ стилю Гомера. Чтобы выразить сходство, лучше приведемъ изъ той же пѣсни великолѣпное описаніе Флоддэна, которое начинается такъ: «наконецъ подулъ свѣжій западный вѣтеръ, въ сторонѣ разразился громъ битвы, и впервые частоколъ копій показался подъ яснымъ небомъ, и перья шлемовъ носились въ дыму, какъ въ бурю бѣлая пѣна по морю»; или, изъ легенды «Поѣздка Вильяма Делорэна изъ Брэнксома въ Мельрозу», или «Вызовъ Дакра шотландскимъ воинамъ».—«Пусть они придутъ, вскричалъ пламенный Дакръ, ибо скоро это перо, гордость моего отца, гулявшее по берегамъ Іудейскаго моря и колыхавшееся вѣтеркомъ Галилеи, развѣвавшееся съ самой высокой башни Брэнксома, будетъ презирать медленную помощь освободителей». Или прощаніе изъ «Lady of the Lake», достойное сравниться съ разставаніемъ Гек-

---

[1]) На замѣчаніе одного критика, Арнольдъ отвѣчаетъ (въ „Послѣднихъ словахъ о переводѣ Гомера", стр. 67), что, „лучшее искусство, изображающее смерть героя, не должно подражать его предсмертному стону". Но слова Marmion'а не „предсмертный стонъ"; поэзія же безъ сомнѣнія, позволительно представлять отрывистую рѣчь.

тора съ Андромахой въ шестой пѣснѣ Иліады; вотъ это мѣсто: вдова Дункана видитъ какъ ея юный сынъ выступаетъ борцомъ за свой домъ: «Быстро юноша съ боку отцовскій кинжалъ и широкій мечъ привязалъ, но когда онъ увидѣлъ глаза матери, устремленные на него съ нѣмымъ безпокойствомъ, онъ полетѣлъ въ ея открытыя объятія, напечатлѣть на ея устахъ горячее прости. — «Горе мнѣ!—она вздохнувъ сказала,—но все же иди и выступи впередъ, какъ достойный сынъ Дункановъ!» Еще разъ взглянулъ онъ на посплки матери, отеръ съ глазъ навернувшіяся слезы, взмахнулъ высоко перпатымъ шлемомъ, а затѣмъ, какъ конь, вырвавшійся впервые, испытываетъ свой жаръ и быстроту, исчезъ во мхахъ и болотахъ, несясь впередъ съ огненнымъ крестомъ».

Или возьмемъ еще одинъ примѣръ—стихи, изображающіе бѣгъ огненнаго креста; въ нихъ любимая Гомеромъ картина: огонь, бушующій межъ холмовъ, соединяется съ прелестью употребленія мѣстныхъ описаній.

«Не быстрѣе по твоимъ полямъ, Бэльквидлеръ, несется полуночное пламя, разливаясь широкимъ пожаромъ вдоль твоихъ глубокихъ долинъ и лѣсовъ, одѣвая яркимъ пурпуромъ твои скалы и окрашивая темныя озера внизу; не быстрѣе несется оно и не такъ далеко, какъ воинственный кличъ по полямъ твоимъ».

Но невозможно по нѣсколькимъ отрывкамъ опредѣлить разницу или сходство Гомера и Скотта; оба они должны быть разсмотрѣны по духу въ цѣломъ. Различіе ихъ, какъ мы видѣли, зависитъ отъ ограниченій не только формою баллады, но и тономъ ея; и можно положительно сказать, что переводъ Гомера въ размѣрѣ и въ стилѣ Скотта никогда не будетъ имѣть успѣха.

Аналогія. Съ другой стороны, сходство Гомера съ

Скоттомъ гораздо глубже и существеннѣе. Все равно какъ ни смотрѣть на происхожденіе гомеровскихъ поэмъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что эпоха ахейскихъ подвиговъ хотя осталась позади поэта, но была еще такъ близка къ нему по времени, или по преданіямъ, что онъ могъ воспроизвести ее со всею живостью. Скоттъ находился въ подобномъ же отношеніи къ прошедшей эпохѣ воинственныхъ и романтическихъ приключеній. Этимъ онъ былъ обязанъ особенному положенію Шотландіи во время его рожденія, въ 1771 г. Тѣ литературныя вліянія, подъ которыми устанавливалось различіе между Энеидою и Иліадою, были въ полной силѣ въ Эдинбургѣ; вообще же, въ Шотландіи, онѣ чувствовались гораздо слабѣе. Воспоминанія и ощущенія давняго времени еще жили среди народа съ необыкновенною свѣжестью. Старые люди могли еще разсказать о славныхъ подвигахъ возстаній 1745 и 1715 годовъ; во многихъ шотландскихъ домахъ были дороги нѣкоторые эпизоды высокаго самоотверженія, потомкамъ тѣхъ, которые погибли за Ковенантъ; и въ Пограничной области баллада и легенда все еще давала возможность людямъ ощущать духовную атмосферу болѣе отдаленныхъ временъ, когда сигнальные огни, возвѣщавшіе о какомъ-нибудь вторженіи съ юга, распространялись съ вершины на вершину вдоль долинъ Эттрика и Іэрро, Тивіота и Твида.

Скоттъ съ дѣтства дышалъ этой атмосферой и зналъ эти сцены. Его великій геній былъ истинно гомеровскимъ по своимъ влеченіямъ ко всему героическому. Такимъ образомъ, благодаря счастливому согласованію эпохи и темперамента, онъ стоялъ въ тѣсной связи съ прошедшимъ. Тѣ стороны его поэтическаго стиля, которыя наиболѣе излюблены академической

критикой, указываютъ, какъ онъ въ книжную эпоху былъ далекъ отъ всего, что наиболѣе противно Гомеру, и, какъ вѣрно выразился Principal Shairp, «эта непосредственность въ обработкѣ, это отсутствіе напряженія, замѣчаемыя у него, принадлежатъ существенно народному эпосу, имѣющему мало общаго съ литературнымъ» [1]).

Выводъ. Ни въ какой другой литературѣ, можетъ быть, не найдется поэта, который, подобно Скотту, соединялъ бы въ себѣ три условія дѣйствительно духовнаго сходства съ Гомеромъ:—живое воспроизведеніе прошедшей героической эпохи, геній, со врожденной симпатіей къ героическому и умѣнье соединить свободное вдохновеніе слагателя балладъ съ высшими требованіями искусства и разума.

Гомеровскіе характеры. 12. Свѣжее, прямое и благородное искусство Гомера въ изображеніи жизни было особенно мощно въ очертаніи нѣкоторыхъ характерныхъ типовъ, сдѣлавшихся съ тѣхъ поръ совершенно понятными міру. Таковы на первомъ планѣ герои обоихъ эпосовъ: Ахиллесъ, — типъ героической мощи, необузданный въ гнѣвѣ и горѣ, но склонный также къ рыцарскому и нѣжному сочувствію; Одиссей—типъ находчивой интеллигенціи, соединенной съ героическою выносливостью; въ немъ искусство Гомера видно даже, можетъ быть, лучше, чѣмъ въ Ахиллесѣ, такъ какъ и изуродованный позднѣйшею греческою поэзіею, Одиссей никогда не могъ вытѣснить благородный образъ своего гомеровскаго оригинала. Таковы и женскіе типы у Гомера; такъ, замѣчательна своею вѣрною и тонкою проницательностью Андромаха, молодая жена и мать, которая, теряя Гектора, теряетъ все; Пенелопа, вѣр-

[1]) Aspects of Poetry, гл. XIII, стр. 394.

ная своему давно отсутствующему мужу, несмотря на трудное испытаніе; Елена Иліады—кающаяся, провидящая, горячо признательная за каждое одолженіе, оказанное ей въ Троѣ; Елена—Одиссеи, возстановленная въ достоинствѣ въ своемъ домѣ въ Спартѣ; дѣва Навзикая—столь прекрасная на расцвѣтѣ надеждъ благородной женственности,—совершенство по красотѣ, прелести и великодушной отвагѣ. Отъ Агамемнона до Терсита не встрѣчается въ гомеровскомъ эпосѣ ни одного лица, на котораго Гомеръ не наложилъ бы печати какого-либо качества, составлявшаго его отличительный признакъ. Характерные типы боговъ очерчены не менѣе ясно, какъ и типы людей. Зевсъ—гордый, геніальный вождь семейства Олимпійцевъ, не терпящій соперника во власти, но поддающійся вліянію своихъ страстей, или своихъ похотей. Супруга его Гера никогда не оставляетъ своего великаго плана—содѣйствовать дѣлу грековъ; ея горячность умѣряется женскимъ пониманіемъ момента, съ котораго характеръ ея супруга требуетъ, чтобъ она прибѣгала къ ласкѣ. Аполлонъ, посланникъ смерти, пророкъ, дѣятельный въ поддержкѣ рѣшеній отца и никогда не противорѣчащій ему. Аѳина часто, въ противоположность своему брату, противодѣйствуетъ цѣлямъ Зевса; она, въ одно и то же время,—могущественная богиня войны и покровительница искусствъ и ремеслъ.

Ихъ типическое значеніе. 13. Хотя въ каждомъ образѣ Гомера, божественномъ или человѣческомъ, мы замѣчаемъ выдающіяся черты и общее направленіе, но они индивидуализированы только до извѣстной степени. Лицамъ, наиболѣе, можетъ быть, намъ извѣстнымъ, совершенно человѣческимъ, Зевсу и Герѣ, свойственны, единственный примѣръ въ Гомерѣ, домашнія ссоры. Эпическая форма уступаетъ по необходимости драма-

тической въ тонкомъ очертаніи характеровъ; но отличительнымъ свойствомъ греческаго генія было стремленіе въ поэзіи и пластикѣ къ ясному выраженію самыхъ простыхъ мотивовъ, не умножая при этомъ индивидуальныхъ чертъ, которыя могли бы помѣшать эффекту; направленіе, замѣтное также въ греческой драмѣ. Это типическое качество гомеровскихъ образовъ было одной изъ сокровенныхъ причинъ ихъ широкаго распространенія; гомеровскіе образы, всегда блестяще очерченные, оставляютъ въ то же время нѣкоторую свободу личной фантазіи читателя, который можетъ дополнить ихъ такъ, какъ требуетъ того его собственный идеалъ, и это одна изъ причинъ легкости, съ которою гомеровская точность въ существенныхъ фактахъ человѣческой жизни была признана всѣми вѣками и народами.

Ихъ выраженіе въ рѣчи. 14. Сказанное уясняется рѣчами гомеровскихъ лицъ; они вѣрно изображаютъ общія свойства говорящихъ; но если мы уже разъ знаемъ эти свойства, то рѣдко рѣчь даетъ намъ новый взглядъ; намъ кажется, что мы уже слышали эту рѣчь, совершенно приспособленную къ данному типу въ данномъ положеніи. Примѣромъ могутъ служить большія рѣчи въ девятой пѣснѣ Иліады, когда Одиссей, Аяксъ и Фэниксъ приходятъ какъ послы грековъ къ Ахиллесу, и онъ, въ самомъ блестящемъ, можетъ быть, примѣрѣ гомеровскаго краснорѣчія, отказываетъ имъ въ просьбѣ. Сила краснорѣчія и умѣнье вести пренія видны здѣсь въ высшей степени, какъ замѣтилъ одинъ изъ знатоковъ того и другого. Рѣчи другихъ ораторовъ также замѣчательно соотвѣтствуютъ тому типу, который выраженъ въ каждомъ ораторѣ, но онѣ не прибавляютъ ни одной мельчайшей черты, открывающей тайну индивидуальности.

Ихъ выраженіе въ мысли. Подобное же ограниченіе замѣчаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сокровенныя мысли какого-либо лица передаются словами въ видѣ рѣчи, обращенной къ самому себѣ. Эти мысли вслухъ большею частію встрѣчаются въ видѣ объясненій въ важныхъ моментахъ дѣйствія и бываютъ такого свойства, что какъ будто бы ихъ высказываетъ сочувствующій зритель; ихъ можно сравнить съ сентенціями хора въ греческихъ трагедіяхъ [1]).

Дѣйствія боговъ и людей. 15. Глубоко человѣческій интересъ гомеровскихъ поэмъ выигрываетъ отъ одного, имъ только принадлежащаго, свойства перемѣшивать дѣянія боговъ и людей. Гомеровскіе боги вступаютъ со смертными въ рукопашный бой, ранятъ ихъ и сами бываютъ ранены, помогаютъ людямъ или вредятъ имъ, даютъ совѣты или обманываютъ ихъ; и, въ чемъ особенное достоинство Гомера, все это дѣлается безъ умаленія совершенства боговъ и безъ возвеличенія свойствъ смертныхъ. Только Гомеру удалось создать сферу дѣйствій, въ которой природа человѣка, подъ вліяніемъ давленія сверхъестественной силы, постоянно побуждаетъ выказать свои высшія способности, и при этомъ боги не только не теряютъ своего достоинства, но еще возвышаютъ его, сталкиваясь съ людьми на общей почвѣ. Если мы хотимъ уяснить, какимъ образомъ тѣсныя гомеровскія сношенія между небомъ и землею могутъ примирять небесное достоинство и ре-

---

[1]) Обыкновенная формула ὀχθήσας δ' ἄρα εἶπε πρὸς ὃν μεγαλήτορα θυμόν (гдѣ ὀχθήσας „смущенный“ есть общій терминъ, означающій, смотря по обстоятельствамъ, печаль, боязнь, страхъ или гнѣвъ), она употреблена въ Иліад. объ Ахиллѣ (18, 5; 20, 243; 21, 53), Гекторѣ (22, 98), Одиссеѣ (11, 403), Менелаѣ (17, 90), Агенорѣ (21, 552). Въ Одиссеѣ она встрѣчается три раза, всякій разъ объ Одиссеѣ (5, 298, 355, 407). Грозныя мысли Посидона по отношенію къ Одиссею два раза вводятся подобной же формулой (κινήσας δὲ κάρη προτὶ ὃν μυθήσατο θυμόν, 5, 285, 376).

лигіозное почтеніе съ легкостью и прелестью обхожденія, то должны противопоставить имъ внезапныя вмѣшательства deus ex machina въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ Еврипида, или тѣ отношенія между богами и людьми, какія часто представляетъ литературный эпосъ, напр., Энеида, гдѣ Юпитеръ немногимъ больше, чѣмъ идеализированный римскій сенаторъ, и гдѣ дѣйствія Олимпа вообще не стоятъ въ тѣсной жизненной связи между собою, а скорѣе механическая вставка.

Сравненія у Гомера. 16. При литературной оцѣнкѣ Гомера должно обратить вниманіе еще на одинъ обильный источникъ разнообразія, живости и красоты. Гомеровскія сравненія такъ характерны, играютъ столь важную роль въ поэмахъ и такъ повліяли на позднѣйшую поэзію, что они вполнѣ заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія. Прежде всего замѣтимъ, что гомеровскія сравненія не служатъ только для красоты слога, они ставятся для введенія чего-либо, что Гомеръ желаетъ особенно сильно выразить: какой-либо моментъ особенно усиленной дѣятельности, какое-либо зрѣлище, какой-либо голосъ, выражающій или изумленіе, или страхъ, или сожалѣніе, словомъ, что-либо выдающееся. Онъ хочетъ сперва приготовить насъ, описывая нѣчто подобное, но болѣе знакомое, что скорѣе можетъ уяснить намъ дѣло. Такимъ образомъ гомеровскія сравненія суть отвѣты на вопросы, предложенные разсказчику во время разсказа; они свидѣтельствуютъ о внезапныхъ вспышкахъ поэтической энергіи, и потому ихъ вставка бываетъ такъ же естественна, какъ силенъ ихъ эффектъ. Въ восемнадцатой пѣснѣ Иліады Аѳина вручаетъ Ахиллесу Эгиду и окружаетъ главу его золотымъ облакомъ, изъ котораго исходитъ пламень свѣтозарный. Это даетъ поводъ къ одному изъ прекраснѣйшихъ сравненій въ Гомерѣ (Ил. 18, 207):

„Словно какъ дымъ, подымаясь отъ града восходитъ до неба,
Съ острова дальняго, грозныхъ враговъ окруженнаго ратью,
Гдѣ, отъ утра до вечера, споря въ ужасномъ убійствѣ,
Граждане бьются со стѣнъ; но едва сокрывается солнце,
Всюду огни зажигаютъ маячные; свѣтъ ихъ высоко
Восходитъ и свѣтитъ кругомъ, да живущіе окрестъ увидятъ,
И въ корабляхъ, отразители брани, скорѣе примчатся:
Такъ отъ главы Ахиллесовой блескъ подымался до неба".

Сравненіе проведено здѣсь между пламенемъ, исходящимъ изъ золотого облака, окружающаго главу Ахиллеса, и маячными огнями, вспыхивающими и пропадающими въ столбахъ дыма. Обстоятельство осады острова служитъ фономъ для картины маячныхъ огней. Это часто встрѣчается въ гомеровскихъ сравненіяхъ. Если Гомеръ сравниваетъ А съ В, то онъ нерѣдко прибавляетъ частности, относящіяся къ В и не играющія никакой роли въ сравненіи; напр., богъ моря Посидонъ, подымающійся на воздухъ съ троянской равнины, сравнивается съ ястребомъ (Ил. 13, 62).

„Самъ же какъ ястребъ, ловецъ быстрокрылый, на ловъ улетаетъ,
Если съ утеса крутого, высокаго, вдругъ онъ поднявшись
Ринется полемъ преслѣдовать робкую птицу".

Но Посидонъ птицы никакой не преслѣдуетъ; точка сходства—единственно скорый полетъ по воздуху.

Незначительныя частности. Такое допущеніе не относящихся прямо къ дѣлу частностей можетъ показаться чуждымъ стремленію къ живости, которая служитъ руководящимъ мотивомъ гомеровскаго сравненія; но въ дѣйствительности это только другое выраженія ея. Если хотимъ уяснить А посредствомъ В, то само В должно быть совершенно ясно; потому-то Гомеръ и заботился, чтобы В никогда не оставалось отвлеченнымъ или темнымъ; онъ снабжаетъ В столькими частностями, что въ нашемъ сознаніи получается конкретный образъ его. Ястребъ, напр., съ которымъ сравнивается Посп-

донъ, представляется намъ живѣе, когда его изображаютъ въ моментъ характернаго для него дѣйствія, т. е. при преслѣдованіи имъ другой птицы.

«Увѣренный въ главномъ сходствѣ избраннаго сравненія», говоритъ Попе, «Гомеръ не стѣсняется играть обстоятельствами»; это вѣрно въ смыслѣ только что нами указанномъ, но мы должны помнить, что гомеровская «игра обстоятельствами» никогда не бываетъ излишней и безцѣльной роскошью; увлеченіе поэта образомъ и греческая любовь къ ясно очерченной формѣ, несомнѣнно, встрѣчаются, но то и другое подчиняется той мысли, что предметъ, служащій для сравненія, долженъ быть самъ ясно представленъ, иначе сравненіе не достигнетъ цѣли.

Сравненіе съ Данте. Въ этомъ отношенія Данте представляетъ поразительное сходство съ Гомеромъ. Обыкновенно думаютъ, что Данте незнакомъ прямо съ Гомеромъ, но если бы даже это было иначе, то сходство, о которомъ мы говоримъ, могло произойти единственно отъ сродства душъ, отъ истиннаго стремленія къ живости, а не отъ литературнаго подражанія. Данте сравниваетъ кипящую смолу Малебольджа съ кипящей смолой въ венеціанскомъ арсеналѣ (Inferno, XXI). Чтобы яснѣе представить намъ арсеналъ, онъ наскоро упоминаетъ о разнообразіи работъ, въ немъ производимыхъ: одинъ строитъ новую лодку, другой чинитъ старую, одинъ работаетъ на носу, другой на кормѣ, одни приготовляютъ весла, вьютъ веревки, другіе чинятъ паруса; эти работы не имѣютъ ничего общаго съ страданіями погибшихъ въ адскомъ озерѣ, но помогаютъ намъ представить въ воображеніи настоящее мѣсто, гдѣ кипитъ смола въ Венеціи; и описаніе Данте совершенно въ духѣ Гомера.

Противоположность съ еврейской поэзіей. Рѣдкую про-

тивоположность представляютъ намъ еврейскія сравненія ветхаго завѣта, онѣ указываетъ только на одну главную точку сравненія и не касаются мелочей; встрѣчаются, конечно, исключенія, напр. когда Іовъ сравниваетъ непостоянство друзей съ изсяканіемъ источниковъ; то изсяканіе источниковъ онъ уясняетъ чисто гомеровскимъ способомъ, изображая отчаяніе путниковъ въ пустынѣ, когда они, достигнувъ источниковъ, находятъ ихъ высохшими:—«смотрятъ на нихъ дороги Ѳемайскія, надѣются на нихъ пути Савейскіе, но остаются пристыженными въ своей надеждѣ; приходятъ туда и отъ стыда краснѣютъ». (Іова гл. VI, ст. 19, 20).

Почему сравненія рѣже въ Одиссеѣ. 17. Иліада содержитъ около ста восьмидесяти обстоятельныхъ сравненій, Одиссея только сорокъ; пропорція такова, какую и впередъ можно было ожидать, принявъ во вниманіе существенную разницу обѣихъ поэмъ. Полная приключеній и чудесъ Одиссея представляетъ гораздо менѣе побудительныхъ причинъ для сравненій, чѣмъ изображающая военныя дѣйствія Иліада; въ ней не встрѣчается для нихъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, которые представляются въ Иліадѣ при движеніи массъ. Но самый духъ сравненій существенно одинаковъ. Когда Харибда проглатываетъ плотъ Одиссея, то Одиссей спасается на дикую смоковницу, нависшую надъ водоворотомъ, и виситъ на ней «подобно летучей мыши», ожидая, пока пучина возвратитъ ему плотъ; долгое упорство съ которымъ онъ сохраняетъ свое положеніе, выражено сравненіемъ: «и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивши юношей тяжбу, домой вечерять утомленный уходитъ съ площади, всплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна» (Од. 12, 439) [1].

---

[1]) Возражающимъ, что эти стихи (Од. 12, 439—441) были заподозрѣны уже въ древности, хотя впрочемъ на очень невѣ-

Область сравненій. 18. Область сравненій у Гомера такъ широка, какъ жизнь, извѣстная поэту. Многіе выдающіеся образы внушены огнемъ,—особенно огнемъ, бушующимъ въ горномъ лѣсу,—потокомъ, мятелью, молніей, или буйными вѣтрами. Между животными выдается левъ, играющій роль приблизительно въ тридцати сравненіяхъ въ Иліадѣ; самое удачное изъ нихъ, кажется, сравненіе Аякса, защищающаго тѣло Патрокла, со львомъ, защищающимъ дѣтенышей, когда «онъ, раздражаясь, очами сверкаетъ, хмуритъ чело до бровей, покрывая и самыя очи» [1]. (Ил. 17. 135). Полезныя и изящныя искусства вызвали иныя сравненія (о которыхъ мы будемъ имѣть случай упомянуть въ слѣдующей главѣ); нѣкоторыя изъ сравненій взяты изъ самыхъ обыкновенныхъ дѣйствій и обычаевъ обыденной жизни; ибо Гомеръ ничто не считалъ слишкомъ низкимъ для своей цѣли, только бы оно было живо. Битва грековъ и троянъ за трупъ Патрокла сравнивается съ работой людей надъ кожей вола, которую хотятъ растянуть для дубленія (Ил. 17, 389); быстрое исцѣленія раненаго бога войны божественнымъ врачемъ Пеономъ сравнено съ быстрымъ свертываніемъ молока отъ сока смоковницы,—замѣнявшаго сычугъ у древнихъ грековъ (Ил. 5. 902); упорный Аяксъ, осажденный троянцами, сравнивается съ осломъ, бродящимъ на нивѣ, прогнать котораго палками удалось мальчикамъ съ большимъ трудомъ (Ил. 11, 557).

роятномъ основаніи, можно привести Од. 6, 232 и слѣд. въ которыхъ красота, приданная Аѳиной Одиссею, обозначена сравненіемъ ремесленника, обдѣлывающаго золотомъ серебро.

[1]) Замѣтимъ, что изъ того, что поэту былъ извѣстенъ левъ, не слѣдуетъ заключать, что Гомеръ жилъ въ Азіи. Въ 5-мъ столѣтіи до Р. Х. львы встрѣчались еще въ Ѳессаліи, Македоніи и Ѳракіи, см. Геродотъ 7, 125. Это же подтверждаетъ Ксенофонтъ (Κυνηγετικός 11) и Аристотель (Hist. An. 6. 31; 8. 28). См. Geddes, Problem of the Homeirc Poems, стр. 268.

Такое употребленіе простыхъ образовъ встрѣчается въ еврейской поэзіи не рѣже, чѣмъ у Гомера; достаточно вспомнить 4 кн. царствъ, XXI. 13. «и вытру Іерусалимъ такъ, какъ вытираютъ чашу,—вытрутъ и опрокинутъ ее». Особенно должно упомянуть о небольшой группѣ трогательныхъ сравненій въ Иліадѣ, взятыхъ изъ жизни дѣтской или семейной, какъ бы для контраста съ лагеремъ и битвой. Аполлонъ опрокидываетъ греческую стѣну такъ же легко, какъ дитя разрушаетъ песочный домикъ, построенный имъ на морскомъ берегу (Ил. 15, 361); Ахиллесъ укоряетъ плачущаго Патрокла, сравнивая его съ маленькой дѣвочкой, которая бѣжитъ къ матери, хватается за ея платье и со слезами смотритъ, пока она не возьметъ ее на руки. (Ил. 16, 2). Ахиллесъ, сжигающій останки Патрокла, печалится какъ отецъ, сжигающій останки сына, умершаго незадолго до свадьбы. (Ил. 23, 222). Равный бой сравненъ съ вѣсами въ рукахъ заботливой рукодѣльницы, которая, «держа коромысло и часто заботно равняя, вѣситъ волну, чтобъ дѣтямъ промыслить хоть скудную плату» (Ил. 12, 435).

Субъективные образы рѣдки. Субъективныя сравненія, изъ области чувства или мысли, очень рѣдки у Гомера. Однажды сравненіе взято изъ сна, «словно во снѣ человѣкъ изловить человѣка не можетъ» (Ил. 22, 199). Одинъ только разъ въ Иліадѣ для сравненія, и притомъ самаго прекраснаго, взято дѣйствіе бодрствующаго духа. Скорость Геры, спѣшащей съ Иды на Олимпъ сравнена съ мыслями человѣка, странствовавшаго по многимъ землямъ: «онъ размышляетъ умомъ просвѣщеннымъ, хотѣлъ бы я быть тамъ или тамъ — и про многое вдругъ вспоминаетъ». (Ил. 15, 82).

Скопленіе сравненій, какъ пользовался имъ Гомеръ.
19. Гомеръ иногда объясняетъ одинъ и тотъ же предметъ

двумя или тремя сравненіями подъ рядъ. Не мѣшаетъ замѣтить условія, при которыхъ это обыкновенно встрѣчается, потому что подражанія позднѣйшихъ поэтовъ иногда являются гомеровскими только по внѣшности. но не по содержанію. Хорошій примѣръ представляетъ отрывокъ, въ которомъ изображаются греки, суетливо спѣшащіе изъ стана не вдалекѣ отъ пристани кораблей на мѣсто воинскаго собранія; здѣсь въ 22 стихахъ заключаются пять сравненій (Ил. 2, 455—476). Когда греки выходятъ въ блестящемъ вооруженіи, то поэтъ сравниваетъ ихъ съ огнемъ, пожирающимъ лѣсъ; когда они съ шумомъ устремляются по равнинѣ, то подобны стаду кричащихъ птицъ; когда, достигнувъ мѣста собранія, они стоятъ толпою, то уподобляются безчисленнымъ листьямъ; когда возбуждаются воинственнымъ пыломъ, то какъ мухи жужжатъ; наконецъ, когда вожди раздѣляютъ ихъ на отдѣльные отряды, то они становятся подобны стаду козъ, которое пастухи дѣлятъ на партіи. Огонь, птицы, листья, мухи, козы; каждый образъ обозначаетъ отдѣльный моментъ; одинъ быстро смѣняется другимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ фазы великаго зрѣлища развертываются въ воображеніи поэта. Единственная забота Гомера— представить намъ каждую фазу этого зрѣлища столь же ясно, какъ онъ самъ ее видитъ; и если онъ только можетъ, то и дѣлаетъ это, не заботясь, какъ поэтъ литературнаго эпоса, что его сравненія, вмѣстѣ взятыя, покажутся несообразными, или тѣсно скученными. Когда Мильтонъ сравниваетъ падшихъ ангеловъ, разсыпанныхъ по огненному потоку, съ осенними листьями, разсыпавшимися по поверхности ручья, или съ камышемъ, разсѣяннымъ по Красному морю [1]), то образы множества одинаковы; въ отрывкѣ же изъ Гомера

[1]) См. «Потерянный Рай». I, 32 и слѣд.

главная идея множества обща образамъ, взятымъ отъ птицъ, листьевъ, мухъ, козъ, но каждый образъ представляетъ эту идею въ другомъ видѣ. Иногда одно сравненіе безсознательно развивается изъ другого. Въ Ил. 13, 492, трояне, слѣдующіе за Энеемъ, сравнены съ баранами, слѣдующими за вожакомъ, что вызываетъ радость пастуха, сравненную въ свою очередь съ радостью, чувствуемой Энеемъ. Подобный оборотъ находимъ у Мильтона, когда онъ, сказавъ о камышѣ на Красномъ морѣ, прибавляетъ: — котораго (моря) волны перешелъ Бузирисъ съ своей мемфійской конницей—и дастъ въ этомъ новый образъ смятенія въ войскѣ сатаны.

Двадцать вторая книга Иліады. 20. Теперь не безполезно будетъ, взявъ какой-либо отдѣлъ, или какую либо пѣснь гомеровскаго эпоса, прослѣдить ее въ общихъ чертахъ и разсмотрѣть, на сколько она содержитъ въ себѣ тѣ главныя свойства, которыя мы разобрали отдѣльно. Этой цѣли всего ближе соотвѣтствуетъ двадцать вторая пѣснь Иліады, главное содержаніе которой составляетъ разсказъ объ убійствѣ Гектора Ахиллесомъ. Ни одна изъ отдѣльныхъ рапсодій Гомера не представляется, можетъ быть, столь типичною, какъ эта. Аѳина (на Олимпѣ) благосклонна къ Ахиллесу; Аполлонъ на Троянской равнинѣ покровительствуетъ Гектору. Чтобы спасти Гектора, Аполлонъ принялъ видъ троянскаго воина и отвлекъ за собой въ погоню Ахиллеса. Наконецъ онъ открывается своему преслѣдователю: «что ты меня, о, Пелидъ! уповая на быстрыя ноги, смертный, преслѣдуешь бога безсмертнаго»... «Не убьешь ты меня, не причастенъ я смерти». Ахиллесъ отвѣчаетъ съ гнѣвомъ: «такъ обманулъ ты меня, о зловреднѣйшій между богами... Я отомстилъ бы тебѣ, какъ бы то

возможно мнѣ было!» Затѣмъ Ахиллесъ бросается назадъ на Троянскую равнину, «какъ конь съ колесницей, всегда побѣдительный въ бѣгѣ». «Гекторъ же въ оное время, какъ скованный гибельнымъ рокомъ, въ полѣ остался, одинъ передъ Троей и башней Скейской». Его престарѣлый отецъ «Пріамъ со стѣны Ахиллеса увидѣлъ, полемъ летящаго словно звѣзда, окруженнаго блескомъ, словно звѣзда, что подъ осень съ лучами огнистыми всходитъ», — какъ песъ Оріона «злыя она огневицы наноситъ несчастнымъ». Пріамъ умоляетъ сына скрыться за стѣнами Трои: «о! пожалѣй и о мнѣ ты, пока я дышу еще, бѣдномъ»; онъ рветъ свои сѣдые волосы; но Гекторъ не внемлетъ просьбамъ отца и матери, Гекубы, которая также молитъ его: «пожалѣй хоть матери бѣдной! если я дѣтскій твой плачъ утоляла отрадною грудью».

Ахиллесъ теперь приблизился. «Словно какъ горный драконъ у пещеры ждетъ человѣка, травъ ядовитыхъ нажравшись и черной наполняся злобой», мужественный Гекторъ ожидаетъ его нападенія и высказываетъ намъ свои мысли словами—«говоритъ онъ въ душѣ возвышенной». Ахиллесъ наступаетъ на него подобно богу войны «ясень отцовъ Пеліонскій, на правомъ плечѣ колебалъ онъ страшный; вокругъ его мѣдь ослѣпительнымъ свѣтомъ сіяла, будто огонь распылавшійся, будто всходящее солнце».

Гекторъ обращается въ бѣгство, Ахиллесъ преслѣдуетъ его вокругъ стѣнъ Иліона «словно соколъ на горахъ, изъ пернатыхъ быстрѣйшая птица, вдругъ съ быстротой несказанной за робкой несется голубкой». Всѣ боги смотрятъ на нихъ съ Олимпа. Зевсъ, видя Гектора въ опасности, спрашиваетъ боговъ: «Гектора мы сохранимъ ли отъ смерти, или напослѣдокъ сыну Пелея дадимъ побѣдить знаменитаго мужа»?

Аѳина высказывается противъ мысли спасти Гектора, «издревле судьбѣ обреченнаго общей». Зевсъ отвѣчаетъ: «бодрствуй, Тритонія милая дочь! Не съ намѣреньемъ въ сердцѣ я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю. Волю твори и желанія сердца не медля исполни». Аѳина устремляется на поле битвы, чтобы помочь Ахиллесу.

Когда уже въ третій разъ Ахиллесъ промчался за Гекторомъ вокругъ стѣнъ, тогда Зевсъ на Олимпѣ «распростеръ вѣсы золотые; на нихъ онъ бросилъ два жеребья смерти», одинъ для Ахиллеса, другой для Гектора. Чашка Гектора опустилась, онъ долженъ умереть: съ этого момента Аполлонъ не можетъ болѣе помогать ему.

Аѳина, подходитъ теперь къ Ахиллесу, говоря: «стань и вздохни Пелеіонъ; Пріамида сведу я съ тобою и сама преклоню, да противу тебя онъ сразится». Аѳина, принявъ образъ Дейфоба, брата Гектора, увѣрила его, что пришла къ нему на помощь изъ Трои. Ободренный этимъ, Гекторъ обращается къ Ахиллесу; вызываетъ его на поединокъ и предлагаетъ прежде боя заключить такое условіе, что, кто бы изъ нихъ ни палъ въ бою, побѣдитель удовольствуется только оружіемъ побѣжденнаго, тѣло же его возвратитъ друзьямъ для погребенія. Ахиллесъ сурово отвѣчаетъ, что между ними не можетъ быть никакого договора: «нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза: волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца».

Ахиллесъ бросаетъ свое копье, Гекторъ уклоняется, копье пролетаетъ надъ его головой; Аѳина, невидимая Гекторомъ, возвращаетъ копье Ахиллесу. Теперь Гекторъ въ свою очередь бросаетъ копье, но тоже даетъ промахъ; онъ требуетъ у своего брата Дейфоба другое копье, но Дейфобъ исчезъ! Истина озаряетъ Гек-

тора: «меня обольстила Паллада»; онъ познаетъ, что гибель его неизбѣжна. Выхвативъ мечъ, кидается на Ахиллеса, но тотъ наноситъ ему копьемъ смертельную рану въ шею. Гекторъ, падая, говоритъ: «жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю, о! не давай ты меня на терзаніе псамъ мирмидонскимъ». Но Ахиллесъ не допускаетъ и мысли о выкупѣ тѣла. «Тщетно ты, песъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными, самъ я, коль слушалъ бы гнѣва, тебя растерзалъ бы на части, тѣло сырое твое пожиралъ бы я; то ты мнѣ сдѣлалъ! Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ псовъ пожирающихъ». Тогда съ послѣднимъ вздохомъ Гекторъ грозитъ своему убійцѣ гнѣвомъ боговъ, въ тотъ день, когда самъ онъ будетъ убитъ у тѣхъ же самыхъ воротъ Трои; «такъ говорящаго Гектора мрачная смерть осѣняетъ: тихо душа, изъ устъ излетѣвши, нисходитъ къ Аиду, плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость».

Ахиллесъ срываетъ съ трупа блестящее вооруженіе, привязываетъ трупъ къ своей колесницѣ и волочитъ его по полю: бѣшеная месть за смерть Патрокла все еще пожираетъ его сердце. Въ это время, въ Троѣ Пріамъ и Гекуба горько сѣтуютъ и весь народъ троянскій подымаетъ крикъ и плачъ: «какъ будто отъ края до края высокій (Иліонъ) весь отъ своихъ основаній въ огнѣ разсыпался».

Между тѣмъ супруга Гектора, Андромаха, пребывала дома, въ Троѣ, и, поджидая его возвращенія, «ткала одежду она въ отдаленнѣйшемъ теремѣ дома, яркую ткань, и цвѣтные по ней разсыпала узоры». Она приказала своимъ служанкамъ «огонь развести подъ великимъ треногомъ, да будетъ готова Гектору теплая ванна, какъ съ боя онъ въ домъ возвратится; бѣдная! думъ не имѣла, что Гекторъ далеко

отъ дома палъ подъ рукой Ахиллеса, смиренъ свѣтлоокой Аоиной». Вдругъ она слышитъ плачъ матери Гектора, Гекубы, на укрѣпленіяхъ: «вздрогнула вся и челнокъ изъ руки на помостъ уронила»... Выбѣжавъ изъ дома съ двумя служанками, она, «сквозь сонмъ пролетѣвши народный, стала и со стѣнъ оглянулась кругомъ и его увидала тѣло, влачимое въ прахѣ; темная ночь Андромахины ясныя очи покрыла». Придя въ себя, она оплакиваетъ судьбу свою и своего сына, «ибо съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ».

Заключительное замѣчаніе. 21. Въ быстромъ теченіи событій, описанныхъ въ 22-й пѣснѣ Иліады, мы можемъ усмотрѣть, по крайней мѣрѣ, четыре свойства Гомера.

1) Характеры выражены въ дѣйствіи, въ разговорѣ и въ мысляхъ вслухъ.

2) Дѣйствія боговъ и людей перемѣшаны; мѣсто дѣйствія быстро переходитъ съ земли на Олимпъ и опять возвращается на землю; боги говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и люди, благороднымъ, но въ то же время простымъ и прямымъ. Боги превосходятъ людей въ могуществѣ, но сходны съ ними въ любви, ненависти и обманѣ.

3) Каждый переходъ въ разсказѣ обозначенъ прекраснымъ сравненіемъ, взятымъ изъ природы.

4) Самыя дикія сцены войны чередуются съ глубоко-трогательными сценами семейной любви и семейнаго горя.

Наилучшимъ доказательствомъ реальности, данной Гомеромъ своему эпическому міру, можетъ служить фактъ, что даже въ нашемъ быту, столь различномъ отъ гомеровскаго, эпитетъ «гомеровскій» приложимъ не только къ стилю, но и къ человѣку и его дѣй-

ствіямъ. Между тѣми изъ насъ, для которыхъ слово «гомеровскій» совершенно ясно, не мало, можетъ быть, найдется имѣвшихъ друга, въ характерѣ и поведеніи котораго чувствовалось нѣкоторое родство съ духомъ, вѣющимъ въ Гомерѣ. Здѣсь удовольствуемся однимъ примѣромъ. Послѣ перечня гомеровскихъ качествъ, которыми отличается поэма Clough'a «The Bothie of Toberna-Vuolich», какъ-то: свѣжести, жизни, естественности, подвижности, Matthew Arnold говоритъ о самомъ Clough'ѣ такъ: «но что въ немъ, наиболѣе привлекательнаго, о чемъ я чаще всего думаю,—такъ это гомеровская простота его литературной жизни». Общая характеристика Гомера, которой была посвящена эта глава, указываетъ на главную причину, почему слово «гомеровскій» пользуется той популярностью, которой не имѣютъ слова «виргиліевскій» или «мильтоновскій». Но есть еще и другая причина:—Гомеръ описываетъ опредѣленную фазу древней цивилизаціи; онъ изображаетъ государственный бытъ, религію, нравственность, домашнюю и общественную жизнь. Эта картина не есть искусственная мозаика или археологическое возстановленіе, но естественное, гармоническое цѣлое, довершающее единство впечатлѣнія, производимаго Гомеромъ на душу. Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію главныхъ чертъ этой картины.

ГЛАВА II.

Гомеровскій міръ.

Типъ эллиновъ уже установился. 1. Поэмы Гомера представляютъ древнѣйшій источникъ нашего знакомства съ эллинскою жизнью. Греческій народъ, какъ онъ впервые описанъ Гомеромъ, подобенъ поэтическому искусству, съ какимъ онъ изображенъ. Это уже зрѣлый типъ, который долженъ былъ постепенно развиваться, хотя первыя его фазы затерялись въ доисторическомъ мракѣ. Естественныя способности народа еще не выказываются вполнѣ, но ждутъ только удобнаго къ тому случая. Общія черты гомеровскаго міра тождественны въ Иліадѣ и Одиссеѣ; но встрѣчаются и различія, указывающія, подобно нѣкоторымъ особенностямъ языка, на то, что Одиссея относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ Иліада. На эти различія мы будемъ обращать вниманіе, когда они намъ встрѣтятся.

Общее единство картины. Съ другой стороны, та и другая поэма можетъ быть разсмотрѣна нами для нашей настоящей цѣли какъ одно цѣлое. Каждая, конечно, какъ увидимъ въ IV главѣ, содержитъ эпизоды, не принадлежавшіе первоначальной формѣ поэмы. Въ Иліадѣ эти прибавки очень многочисленны и сдѣланы не въ одно время; тѣмъ не менѣе даже и въ ней небольшія противорѣчія въ планѣ и стилѣ не мѣшаютъ общей послѣдовательности, съ которой описаны выдающіяся черты ахейскаго періода.

Гомеровская географія. 2. Такъ какъ описаніе мѣстности составляетъ рамку картины, то мы можемъ бросить сперва бѣглый взглядъ на гомеровскую географію. Гомеръ представлялъ себѣ землю въ видѣ круглой плоскости, опоясанной глубокой и быстрой рѣкой — Океаномъ, который, судя по Гомеру, не имѣетъ ничего общаго съ Атлантическимъ океаномъ, а есть просто миѳъ. Бронзовое или желѣзное небо образуетъ вогнутую крышу надъ землей, держащуюся на столбахъ, которые подпираетъ великанъ Атласъ [1]). На этомъ громадномъ дискѣ земли находится одна только область, о которой Гомеръ имѣетъ ясное понятіе—это страны вокругъ Эгейскаго моря.

«Внутренняя» и «внѣшняя» географія. Подъ именемъ «внутренней географіи» Гомера мы разумѣемъ географію этой Эгейской области. «Внѣшняя географія» очень скудна и темна, это относится къ обоимъ поэмамъ.

Внутренняя географія Иліады. 3. По западной сторонѣ Эгейскаго моря, Иліада указываетъ на хорошее знакомство съ материкомъ Греціи. Тѣмъ не менѣе не встрѣчается общаго его наименованія. Греки называются «ахеянами», «аргивянами» или «данаями» [2]). «Элладой» названа только часть области, извѣстной позднѣе подъ именемъ «Ѳессаліи» [3]). Это послѣднее

---

1) Бэнбери въ своей исторіи древней географіи думаетъ, что Атласъ у Гомера только стережетъ столбы, и что представленіе о *поддержаніи* столбовъ появилось у позднѣйшихъ поэтовъ (Гесіодъ въ Ѳеогоніи и т. д.). Но въ Одиссеѣ 1, 53 *ἔχει δέ τε κίονας αὐτός, κ. τ. λ.*, мѣстоимѣніе *αὐτος* указываетъ на другое воззрѣніе, которое лежитъ и въ словѣ *ἄ-τλας* (под-держащій). Атласъ объясняли какъ море, на горизонтѣ котораго небо видимо покоится.

2) Въ Иліадѣ 2, 530 (каталогъ) встрѣчается *Πανέλληνας καὶ Ἀχαιούς*, т. е. послѣдніе какъ часть первыхъ.

3) Иліада 2, 683 *οἵ τ' εἶχον Φθίην ἠδ' Ἑλλάδα καλλιγύναικα*. Фтія и Эллада здѣсь двѣ изъ пяти областей, составляющихъ царство Пелея. Въ 9-й пѣснѣ Иліады (одна изъ позднѣйшихъ пѣсенъ), ст. 447 и 478 „Эллада", кажется, имѣетъ болѣе обширное значеніе, обозначая всю сѣверную часть Ѳессаліи. Въ первой

названіе хотя не встрѣчается ни въ одной изъ поэмъ, но о самой области упоминается въ одной части Иліады. Въ западной Греціи извѣстна Этолія съ большою рѣкою Ахелоемъ, но не извѣстны еще Акарнанія и Эпиръ (собственное имя котораго не встрѣчается). Иліада поэтически предполагаетъ господство ахейскихъ князей въ Пелопоннесѣ и резиденцію царя Агамемнона въ Микенахъ. «Дорійцы» не упоминаются въ Иліадѣ. Именемъ «Аргоса» названы не только городъ и область его, но также, особенно въ соединеніи съ эпитетомъ «Ахейскій» [1]), большая часть Пелопоннеса (названіе Гомеромъ не употребляемое). Точно также «Пеласгическій Аргосъ» [2]) обозначаетъ, кажется, Θессалію или сѣверную часть ея. На сѣверныхъ берегахъ Эгейскаго моря извѣстны θракійскія племена, включая пеонійцевъ, живущихъ на Аксіосѣ (Вардаръ) «красивѣйшей изъ рѣкъ, орошающихъ землю» [3]).

Въ Малой Азіи Иліада знаетъ хорошо топографію Троады. Страна, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ Лидіи, называется «Меоніей», что̀ явствуетъ изъ упоминанія горы Тмола [4]). На морскомъ берегу отъ Мизіи до Каріи не названа ни одна изъ греческихъ ко-

пѣснѣ Одиссеи, ст 344 καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος=сѣверная и южная Греція. Ἑλλάς=вся Греція впервые у Гезіода Opp. 651. Θукидидъ (I. 3) предполагаетъ, что когда герой Эллинъ и его сыновья сдѣлались могущественными въ Фтіотидѣ, то имя Hellenes распространилось, такъ какъ они призывались на помощь въ войнахъ другими государствами.

[1]) Ἄργος Ἀχαιικόν, Ил. 9. 141, 283 : 19. 115 : Од. 3. 251. Въ Од. 18. 246 Ἴασον Ἄργος значитъ тоже „Пелопоннесъ" и Ἄργος просто имѣетъ это же значеніе въ Одис. 1. 344. Въ Ил. 12. 70 ἀπ' Ἄργεος (повторяемое 13. 227, 14. 70)=изъ всей Греціи. (Слѣдуетъ отличать у Гомера ἀπίη γαῖα (далекая страна) отъ Ἀπία γῆ позднѣйшихъ поэтовъ=Пелопоннесъ).

[2]) Πελασγικὸν Ἄργος Ил. 2. 681 (единственное мѣсто въ обѣихъ поэмахъ, гдѣ это сочетаніе встрѣчается).

[3]) Ил., 2, 850.

[4]) Ил. 2. 866 въ 20. 390 сл. λίμνη Γυγαίη и рѣка Гермосъ тоже упомянуты. Ὕδη (383) соотвѣтствуетъ Са́рдамъ.

лоній [1]). Имя іонійцевъ встрѣчается у Гомера только одинъ разъ (Ил. 13, 685), и даже въ этомъ мѣстѣ его относили къ аонянамъ. Намеки на внутреннюю часть Малой Азіи (Фригію, Пафлагонію и т. д.) очень слабы и неопредѣленны [2]). Изъ острововъ Эгейскаго моря вмѣстѣ съ юго-восточною группою упомянуты Критъ и Родосъ; равно также упоминается группа острововъ на сѣверо-востокъ отъ Троады: Тенедосъ, Имброзъ, Самофракія (названная Самосомъ), Лесбосъ, Лемносъ. Нѣтъ и намековъ на Киклады, на Хіосъ, или Самосъ.

Иліада. Внѣшняя географія. Внѣшняя географія Иліады займетъ не много мѣста. На сѣверѣ знали номадовъ, живущихъ на равнинахъ за Ѳракійскими горами и питающихся кобыльимъ молокомъ [3]), но имени «скиѳовъ» мы не находимъ. На югѣ упоминались «чернолицые» (эѳіопы), «самые дальніе изъ людей», и пигмеи, жившіе близъ береговъ рѣки Океана [4]). Египетъ упомянутъ только мимоходомъ—египетскія Ѳивы [5]). Имя финикіянъ встрѣчается только однажды, но объ искусныхъ произ-

---

[1]) Имя *Милета* правда встрѣчается (Ил. 2 868), но это городъ съ населеніемъ Κᾶρες βαρβαρόφωνοι, которые также владѣютъ Микалеею и долиной Меандра. Въ Ил. 2. 647. Милетъ—городъ на Критѣ.

[2]) Страна къ востоку отъ Пафлагоніи, кажется, упоминается подъ именемъ Ἀλύβη „мѣсторожденія серебра", отечество Ализоновъ (Ил. 2. 857 ср. 5. 39), тождественна у нѣкоторыхъ изъ древнихъ съ страной Халибовъ. Ни та, ни другая поэма не упоминаютъ Понта Эвксинскаго или Галиса (см. Бэнбери Anc. Geo. i. 37).

[3]) Ἱππημολγῶν | γλακτοφάγων, (Ил. 13, 5)

[4]) Иліада упоминаетъ эѳіоповъ только тогда, когда есть нужда удалить боговъ на дальнюю экскурсію (пировать на приношеніяхъ эѳіоповъ), I. 428, 23, 206. «Пигмеи» (3, 6) пріобрѣли для насъ особый интересъ послѣ разсказовъ Швейнфурта о племени карликовъ (Akka) въ центральной Африкѣ (Travels in the Heart of Africa, ii. ch. XIV). Бэнбери i. 48.

[5]) Ил. 9. 381 f. Θήβας Αἰγυπτίας, ὅθι πλεῖστα δόμοις ἐν κτήματα κεῖται. Ѳивы имѣютъ сто воротъ, черезъ каждыя изъ нихъ могутъ пройти рядомъ 200 человѣкъ съ лошадьми и колесницами. Орхоменъ въ Беотіи и храмъ Аполлона въ Пиѳо (Дельфахъ) служатъ также типами богатыхъ мѣстъ.

веденіяхъ Сидона говорится много разъ [1]). Тиръ не названъ ни разу.

«Каталогъ», какъ самостоятельное свидѣтельство. 4. «Каталогъ» греческихъ и троянскихъ союзниковъ имѣетъ особенный характеръ и долженъ быть разсмотрѣнъ независимо отъ остальной Иліады. Короткія группы стиховъ, введенныя безъ всякой взаимной связи, указываютъ на стиль школы Гезіода, которая составила другіе «каталоги» въ этомъ же родѣ и имѣла своимъ мѣстопребываніемъ Беотію. Соотвѣтственно этому поэтъ представляетъ Беотію самою важною частію Греціи. Упоминая ее прежде другихъ, онъ насчитываетъ въ ней больше городовъ, чѣмъ въ какой-либо другой области [2]). Преданіе, что Солонъ вставилъ стихъ для доказательства правъ аѳинянъ на Саламинъ (стихъ 558) показываетъ, что уже около 600 г. до Р. Х. каталогъ имѣлъ каноническій авторитетъ Domesday Book Греціи [3]). Въ то же время это преданіе указываетъ на легкость, съ какой дѣлались вставки вплоть до довольно поздняго времени. Въ томъ, что каталогъ содержитъ множество вставокъ, не можетъ быть сомнѣнія, но вставки эти большею частію принадлежатъ ко времени около 800 или 700 года до Р. Х., или даже еще болѣе древнему. Ахейское царство Агамемнона со столицею Микенами простиралось за предѣлы Пелопоннеса; Бео-

---

[1]) Финикійцы Ил. 23, 744: Сидонъ 6, 289 (вышитыя платья, ἔργα γυναικῶν Σιδονίων): 23, 743 (серебряный кубокъ Σιδόνες πολυδαίδαλοι εὖ ἤσκησαν).

[2]) Числомъ 29. Послѣ Беотіи поэтъ переходитъ къ другимъ сосѣднимъ съ нею государствамъ, затѣмъ къ Пелопоннесу и къ областямъ на сѣверо-западѣ, затѣмъ къ Криту—потомъ назадъ къ Ѳессаліи. Не упомянуты въ каталогѣ Дельфы, Элевсисъ, Мегара, Пиза, Фарсалъ, Ларисса.

[3]) Domesday Book старѣйшій историческій и юридическій памятникъ Англіи содержащій данныя статистическаго изслѣдованія графствъ, областей и т. д., произведеннаго по приказанію Вильгельма Завоевателя. *Прим. переводчика.*

тія и Θессалія были многолюдны, а Аѳины—неизвѣстны; греческіе колонисты достигли Крита и Родоса, но неизвѣстны еще на берегахъ Малой Азіи. Въ этихъ общихъ чертахъ карта каталога имѣетъ, можетъ быть, историческое значеніе, хотя мы не знаемъ точно время происхожденія ея [1]). Но несомнѣнно, каталогъ не былъ предназначенъ къ тому мѣсту, какое онъ теперь занимаетъ въ Иліадѣ. Поэтъ гезіодовой школы, который составилъ его, думалъ, кажется, о греческихъ корабляхъ, собравшихся на берегахъ его родной Беотіи передъ отправленіемъ своимъ изъ Авлиды въ Трою [2]). Въ двухъ отношеніяхъ каталогъ расходится съ народнымъ преданіемъ. Онъ предполагаетъ беотійцевъ въ Бэотіи, тогда какъ ихъ вступленіе въ эту область совершилось, по народному греческому сказанію, только шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Троянской войны [3]). Правда, мы не знаемъ достовѣрности этого сказанія и не можемъ основываться на немъ какъ на фактѣ, но отсутствіе имени Θессалія въ Иліадѣ, тогда какъ самая область хорошо извѣстна, по крайней мѣрѣ согласуется съ сказаніемъ. Далѣе, каталогъ предполагаетъ Тлеполема-Гераклида и, слѣдовательно, дорійца въ Родосѣ [1]). Дорійцы не упоминаются въ другихъ

[1]) Сравн. Freeman „Hist. Geography of Europe“ и статью Monro въ „Historical Review“.

[2]) Отсюда ἄγε νῆας, νέες ἐστιχόωντο, и пр., что было бы странно, если бы корабли находились уже десять лѣтъ подъ Троей.

[3]) Миѳическая хронологія располагаетъ событія въ такомъ порядкѣ: 1184 до Р. Х. взятіе Трои; 1124 бэотійцы вытѣснены на югъ ѳессалійскими переселенцами изъ Эпира: 1104 ахейское господство въ Пелопоннесѣ свержено дорійцами. Θукидидъ (I, 12) замѣтилъ эту странность въ каталогѣ и хотѣлъ объяснить ее предположеніемъ, что гомеровскіе беотійцы были только авангардомъ (ἀποδασμός). Странно также, что каталогъ (v. 750) полагаетъ Додону въ Θессаліи, а не въ Эпирѣ.

[4]) Ил. 2, 655. Его сподвижники суть διὰ τρίχα κοσμηθέντες — указаніе на три дорійскія племени (гиллеевъ, димановъ и памфиловъ). Сравн. Пиндара Pyth. 5, 68, гдѣ дорійскіе переселенцы на Θерѣ происходятъ изъ Спарты.

мѣстахъ Иліады, и ихъ присутствіе на Родосѣ предполагаетъ пребываніе ихъ и въ Пелопоннесѣ, такъ какъ дорійская колонизація острововъ Эгейскаго моря началась изъ Спарты. Мѣсто о Тлеполемѣ, конечно, можетъ быть позднѣйшею вставкой.

Слѣды личнаго знанія мѣстности. 5. Если столь великъ кругозоръ Иліады, то можно спросить, насколько поэма указываетъ на личное знакомство самого поэта съ мѣстностью. Отвѣтъ на это долженъ быть слѣдующій: существуютъ два главныя указанія на воспоминанія мѣстностей. Однѣ части Иліады носятъ отпечатокъ сѣверной Греціи, судя по изображенію дикихъ лѣсовъ и холмовъ, по выдающейся роли лошади, что̀ характерно для Өессаліи и, наконецъ, по упоминанію горы Олимпа, рѣзко опредѣляющей мѣстность [1]). Другія части Иліады являютъ мѣстную окраску долины Каистра близъ Эфеса, или Икарійскаго моря, омывающаго съ юго-запада берега Малой Азіи. Мы находимъ также, что мѣсто дѣйствія въ миѳѣ о Ніобѣ указано у горы Сипила на лидійскомъ берегу [2]).

Одиссея. Внутренняя географія. 6. Въ Одиссеѣ берегъ Іоніи лучше извѣстенъ. Въ первый разъ мы слышимъ о Хіосѣ и о сосѣднемъ мысѣ «вѣтренномъ Мимантѣ»

[1]) См. Geddes, Problem of the Homeric Poems, главы XVIII, XIX, XX, гдѣ искусно разработанъ весь этотъ вопросъ. Черты сѣверной Греціи встрѣчаются въ Ахиллеидѣ Грота (Иліада безъ рапсодій 2—7, 9, 10, 23, 24). Характеръ Өессаліи какъ страны коней выражается частымъ изображеніемъ ихъ на монетахъ Кранона, Ларисcы, Фарсала и Феръ (Geddes, стр. 248).

[2]) Черты Малой Азіи принадлежатъ рапсодіямъ 2, 7, 9 и 24. Рѣка Каистръ и „Азіатскій" лугъ (древнѣйшій примѣръ этого прилагательнаго), Ил. 2, 461: Икарійское море 2, 145: Гора Сипилъ 24, 615. Опускаемъ здѣсь выводъ Dr. Geddes'a (стр. 281) изъ Ил. 2, 535 Λοκρῶν οἳ ναίουσι πέρην ἱερῆς Εὐβοίης (что поэтъ смотритъ на западъ изъ Іоніи), такъ какъ это мѣсто находится въ каталогѣ, который, какъ составленный въ Беотіи, нужно строго отличать отъ пѣсни 2, 1—483.

въ собственной Іоніи [1]). Поэтъ знаетъ алтарь Аполлона на Делосѣ, центрѣ древнѣйшихъ іонійскихъ вѣрованій [2]). Дорійцы одинъ разъ упомянуты на Критѣ [3]). Въ собственной Греціи мы слышимъ только о «Пиоонѣ», имя же Дельфы еще неизвѣстно [4]). Что касается до острововъ на западъ отъ Греціи—Итаки и прилежащей группы, то поэту знакомы нѣкоторыя характерныя черты ихъ. Итака скалиста и неровна; удобна для козъ, но не для лошадей, какъ онъ говоритъ. Это описаніе съ трудомъ можетъ быть согласовано съ предположеніемъ, что поэтъ лично бывалъ на этомъ островѣ [5]).

Одиссея. Внѣшняя географія. 7. Во «внѣшней» географіи Одиссеи мы находимъ, что финикійскіе купцы сдѣлались уже обычными гостями въ Греціи. Путешествія въ Египетъ, кажется, тоже обыкновенны, хотя «рѣка Египетъ» есть единственное названіе Нила. «Чернолицые», Иліады, представлены въ Одиссеѣ опредѣленнѣе въ томъ смыслѣ, что она знаетъ два подраздѣленія ихъ: восточныхъ и западныхъ эѳіоповъ.

---

1) Од. 3, 172 ὑπένερθε Χίοιο παρ᾽ ἠνεμόεντα Μίμαντα.

2) Од. 6, 162.

3) Од. 19 177. Δωριέες τε τριχάϊκες обыкновенно переводится «раздѣленные на три племени», но можетъ быть лучше «съ развѣвающимися волосами или перьями на шлемахъ» отъ θρίξ и ἀΐσσω (кор. αιϰ), какъ думаетъ Монро: ср. κορυθάϊξ, πολυάϊξ.

4) Од. 11, 581.

5) Итака предполагается Гомеромъ на западѣ отъ Кефалоніи (Σάμη), далеко въ сторону отъ нея (Од. 25). Въ дѣйствительности Итака лежитъ на сѣверо-востокъ отъ Кефалоніи и отдѣлена отъ нея только узкимъ проливомъ. Далѣе говорится, что Кефалонія съ Зантомъ (Zante) и Дулихіемъ, который по Бэнбери тождественъ съ Левкадіей (Santa Maura), составляетъ отдѣльную отъ Итаки группу: Anc. Geogr. 1, 69. (Я согласенъ съ Кларкомъ, Peloponn. стр. 206, что Santa Maura очень маленькій островъ и лежитъ не на томъ мѣстѣ, чтобы быть принятымъ за Дулихій). Лучшее описаніе Итаки по отношенію къ Гомеру принадлежитъ W. J. Stillman'у «О путешествіи Одиссея« въ Century Magasin. сентябрь и октябрь 1884. См. также Бэнбери Anc. Geogr. 68, 83.

Ливія впервые названа. «Сицилійцы» [1]) также упоминаются, и въ послѣдней пѣснѣ (на которую ученые смотрятъ, какъ на позднѣйшую прибавку), мы встрѣчаемъ «Сиканію» [2]) (древнее названіе Сициліи). Одиссей, плывя изъ Трои, сперва выброшенъ былъ на берегъ Киконовъ во Ѳракіи; потомъ онъ переѣхалъ Эгейское море до мыса Малеи (ю.-в. конецъ Пелопоннеса); отсюда противные вѣтры угнали его въ море.

Странствованіе Одиссея вымышлено. Съ этого времени, до конечнаго прибытія въ Итаку, мѣста его странствованій принадлежатъ фантазіи. О лотофагахъ, племени на сѣверномъ берегу Африки, питавшемся исключительно плодами лотуса, поэтъ несомнѣнно зналъ по разсказамъ моряковъ [3]). Миѳъ о Сциллѣ и Харибдѣ сложился по слухамъ объ опасностяхъ, которымъ подвергались мореплаватели въ Мессинскомъ проливѣ [4]). Далѣе этого въ предположеніяхъ мы итти не можемъ. Когда прежніе коринѳскіе колонисты сдѣлались на Корнирѣ искусными моряками, они распространили слухъ, что Коркира была родиной гомеровскихъ мореплавателей фэаковъ. Это было общимъ мнѣніемъ древности; его придерживаются еще и въ наше время обитатели Корфу [5]). Но слухъ этотъ

[1]) Σικελοί. Од. 20. 383 (въ 24. 211 старая служанка Лаэрта — сициліянка.

[2]) Σικανίη. Од. 24. 307. Σικανοί были древніе переселенцы изъ Иберіи, καὶ ἀπ᾽ αὐτῶν Σικανία τότε ἡ νῆσος ἐκαλεῖτο, πρότερον Τρινακρία καλουμένη (Ѳук. 6. 2). Σικελοί были позднѣйшіе переселенцы изъ Италіи.

[3]) Од. 9. 82. Геродотъ 4. 177. Скилаксъ (Periplus 110) предполагаетъ ихъ у Малой Сирты. Поливій. 12. 2, описываетъ лотусъ по личному съ нимъ знакомству, дающимъ фруктъ, похожій на фигу или смокву—а также и вино.

[4]) Ѳукид. 4. 24, ἡ μεταξὺ Ῥηγίου θάλασσα καὶ Μεσσήνης... ἔστιν ἡ Χάρυβδις κληθεῖσα τοῦτο. Адмиралъ Smith описалъ эти опасныя теченія (въ The Mediterranean, стр. 178—182). Бэнбери, Anc. Geogr. I. 61 замѣчаетъ, что всѣ водовороты преувеличивались, напр. Maelström въ Норвегіи и Corrievrechan въ Гебридахъ.

[5]) Ѳукид. I. 25. Заливъ „Канони“ (названный отъ пушекъ

не находитъ подтвержденія у Гомера. Въ Одиссеѣ извѣстна «Тэспротія», часть южнаго Эпира насупротивъ Коркиры; однакожъ это имя никогда не приводится въ связи съ Схеріей, страной (а не островомъ) фэаковъ. Безполезно стараться слѣдить по картѣ за путешествіемъ Одиссея, какъ за путешествіемъ Магеллана или Васко де Гама [1]).

Выводъ. Въ цѣломъ, впечатлѣніе производимое Одиссеей таково: поэтъ, зная только область Эгейскаго моря, ввелъ въ воображаемое путешествіе нѣкоторые отрывки изъ разсказовъ о западной части Средиземнаго моря, слышанныхъ отъ финикійскихъ купцовъ, которые плавали уже за 1100 лѣтъ до Р. Х. до южныхъ береговъ Испаніи [2]).

Государство у Гомера. 8. Ни одно слово въ Гомерѣ не указываетъ на знакомство съ великими монархіями на Евфратѣ или на Тигрѣ. Никогда не упоминаются имена Ассиріи и Вавилона. Цивилизація за предѣлами Эгейскаго моря представляется только въ Египтѣ и Финикіи [3]). Припоминая о деспотическомъ характерѣ царскаго достоинства въ восточныхъ монархіяхъ—характерѣ, который такъ живо изобразилъ Геродотъ въ

на его берегу) указывается какъ мѣсто, гдѣ Одиссей встрѣтилъ Навзикаю (по мѣстному преданію „Хризида").

[1]) Бэнбери, Anc. Geogr. i, 50, коего мнѣніе объ этомъ предметѣ компетентно. Почти всѣ сказочныя племена и мѣстности поэмы были прозаически опредѣлены. Такъ, страна киклоповъ=Сицилія (такъ полагаетъ Еврипидъ въ Киклопѣ). Лэстригоны=въ Сициліи (какъ думали греки), или въ Форміи (какъ думали римляне); островъ Эола=Стромболи; островъ Калипсо=Гаудосъ (Гоцо, около Мальты на с.-в); островъ Цирцеи = мысъ (!) Цирцейскій на итальянскомъ берегу и пр.

[2]) Сравн. Бэнбери Anc. Geogr. 1, 6 и слѣд.

[3]) Въ Одиссеѣ 11. 520 ἑταῖροι Κήτειοι (varia lectio κήδειοι) погибаютъ подъ Троею вмѣстѣ съ Эрипиломъ. Эти товарищи мизійскаго героя какимъ-то остроумнымъ писателемъ слишкомъ необдуманно были названы гититами. Не стоитъ упоминать—что имя этого народа (Khita, на египетскихъ памятникахъ) не явилось бы въ греческомъ языкѣ какъ Κήτειοι..

лицѣ Ксеркса,—насъ невольно поражаетъ контрастъ, который представляетъ гомеровскій міръ. Здѣсь, какъ и на Востокѣ, преобладающая форма правленія монархическая. Но эта монархія дѣйствуетъ путемъ разумнаго убѣжденія, прибѣгая къ силѣ только въ послѣдней крайности. Общественные вопросы представляются на разсмотрѣніе всѣхъ, кого они касаются. Царь имѣетъ какъ свои обязанности, такъ и свои преимущества. Въ то отдаленное время, когда во всѣхъ не греческихъ странахъ «всѣ были рабами, исключая [1]) одного», эллины достигли уже понятія объ истинной политической жизни.

Царь. 9. «Βασιλεύς» [2]) «предводитель народа», германскій «герцогъ», есть титулъ, присвоенный царской власти; этимъ именемъ означаются предводители или «цари» разныхъ степеней; такъ Агамемнонъ, какъ сюзеренъ, есть «главный царь» [3]). Каждый царь го-

---

[1]) Евр. Hel. 276 τὰ βαρβάρων γὰρ δοῦλα πάντα πλὴν ἑνός; тогда какъ греческія монархіи основаны на соглашеніи (ἑκούσιαι, по **Арист. Pol, 3, 10. 11**).

[2]) Curtius производитъ это слово отъ βα и Іон. λεῦ = λαο (ср. Λευτυχίδης), составное слово подобно Στησίχορος, ср. Ζεύξιλεως (Соф. fr. 129 Nauck), ᾧ ὑπεζευγμένοι εἰσὶν οἱ λαοί. (Евстахій говоритъ, стр. 401, 11, Ζεύξιλεως εἴρηται παρὰ τοῖς μεθ' Ὅμηρον ὁ βασιλεύς). Другое производство отъ βα и λευ = λᾶϝα (λᾶας), всходящій на камень относится къ германскому и кельтскому обычаю, чтобы царь представлялся народу на высокомъ камнѣ. Но этотъ обычай не доказанъ для древней Греціи. См Curt. Etym. § 535 (5-е изд.).

[3]) Ил. 9, 69 единственное мѣсто, гдѣ встрѣчается форма βασιλεύτατος. Сравнительная степень βασιλεύτερος встрѣчается три раза въ Иліадѣ (9, 160, 392; 10, 239) и одинъ разъ въ Од. 15, 533. Между тѣмъ какъ βασιλεύς всегда титулъ, ἄναξ вообще значитъ «благородный». Гладстонъ (Homeric Studies. 1, 543) думаетъ, что форма ἄναξ ἀνδρῶν присвоивается только патріархальнымъ начальникамъ, т. е. царямъ, которые были въ то же время родоначальниками правящихъ семействъ, или родовъ. Это трудно доказать. Формула присвоена: 1) Агамемнону, 2) Анхизу, 3) Энею, 4) Авгію, 5) Евфету, 6) Евмелу. Я бы предположилъ просто метрическую причину; каждое изъ этихъ именъ измѣряется: (— — —) и ἄναξ ἀνδρῶν были въ гомеровскомъ гекзаметрѣ удобнымъ началомъ. Приблизительно въ 50 мѣстахъ, гдѣ эта фор-

сподствуетъ на основаніи божескаго и человѣческаго права: Зевсъ даровалъ скипетръ его дому. Отличительный эпитетъ греческихъ царей: «Зевсомъ вскормленный» (διοτρεφής) обозначаетъ вообще «поддерживаемый и просвѣщенный Зевсомъ», но онъ связывается также съ понятіемъ о происхожденіи царя отъ бога или полубога. Царь, во-первыхъ, предводитель на войнѣ; во-вторыхъ, главный судья; въ-третьихъ, предсѣдатель совѣта и народнаго собранія; въ-четвертыхъ, при общественныхъ жертвоприношеніяхъ онъ, какъ глава государства, исполняетъ ту же роль, какую исполняетъ глава семейства при частныхъ; но, съ другой стороны, онъ не облеченъ саномъ жреца [1]). Ему отведена часть (τέμενος) общественной земли [2]) и онъ обязанъ принимать гостей отъ имени государства.

Dike и themis. 10. У Гомера нѣтъ слова для выраженія «законъ» [3]). Слово dike (правосудіе) значитъ «указанная дорога» или «путь, предписанный обы-

---

мула встрѣчается, она предшествуетъ 2-й половинѣ 5-й стопы. Исключеніе составляетъ одинъ случай (Ил. I, 7).

[1]) Аристотель (Politica 3, 14, 12, говоритъ о царяхъ героическаго періода): κύριοι δ'ἦσαν τῆς τε κατὰ πόλεμον ἡγεμονίας καὶ τῶν θυσιῶν, ὅσαι μὴ ἱερατικαί (т. е. жертвоприношенія, требующія жрецовъ, знакомыхъ съ спеціальными обрядами, подобныхъ такимъ, каковы были Евмолпиды. Обязанности жреца остались связанными съ титуломъ царя въ большей части Греціи (архонтъ царь въ Аѳинахъ), тогда какъ въ Спартѣ остались при немъ также воинскія обязанности. Сравн. Ѳукид. I, 13, ἐπὶ ῥητοῖς γέρασι πατρικαὶ βασιλεῖαι.

[2]) Проф. Риджвей въ интересной замѣткѣ «The Homeric System» (Journ. Hellen. Stud. VI, 319), думаетъ, что гомеровскія поэмы указываютъ на «общественную землю»: — общественная земля отдавалась на извѣстное время въ пользованіе членамъ общины, земля же царя составляла исключеніе. Далѣе онъ переводитъ πολυλήιος=богатый ληίς (т. е. животными), а не λήιον (жатвою) и объясняетъ терминъ οὖρα (ἡμιόνων, βοῶν, Ил. 10, 351) какъ древнюю единицу полевой мѣры, разстояніе между первой и послѣдней полосой вспаханнаго въ одинъ день поля. Но трудно принять, что ἐπιξύνῳ ἐν ἀρούρῃ (Ил. 12, 422) обозначало общинное поле; вѣроятнѣе, что спорящіе были сосѣдями по полю.

[3]) Гомеръ употребляетъ только слово νομός (пастбище), но никогда не νόμος.

чаемъ»[1]. Слово themis значитъ «положенное», т. е. во-первыхъ, судебное рѣшеніе въ какомъ-либо частномъ случаѣ, а затѣмъ обычай, основанный на прежнихъ судебныхъ рѣшеніяхъ. Множественное «themistes» значитъ уже цѣлый сводъ такихъ рѣшеній. Гомеровскому царю ввѣрены Зевсомъ такія «themistes» въ томъ смыслѣ, что онъ своимъ авторитетомъ поддерживаетъ прежнія судебныя рѣшенія, на которыхъ основано право его народа. Тотъ дурной царь, кто ставитъ «кривые приговоры»[2]. Совѣтъ (βουλή) состоитъ изъ небольшого числа старшинъ и созывается царемъ для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ[3]. Народное собраніе (ἀγορή) включаетъ въ себѣ всѣхъ свободныхъ людей общины.

Иліада. 11. Иліада изображаетъ намъ жизнь въ греческомъ военномъ станѣ. Совѣтъ состоитъ здѣсь изъ немногихъ выдающихся вождей или царей, которые находятся въ томъ же отношеніи къ ихъ сюзерену Агамемнону, въ какомъ мѣстные вожди находятся къ

---

[1]) Curt. Etym. § 14. Употребленіе слова δίκη въ смыслѣ «обычай», «манера» (ср. нарѣчіе δίκην) находимъ въ Од. (какъ напр. П, 218, ἀλλ' αὕτη δίκη ἐστὶ βροτῶν). Множественное у Гомера = «судебныя рѣшенія». напр. Ил. 16, 534, ὃς Λυκίην εἴρυτο δίκῃσί τε καὶ σθένεϊ ᾧ. Въ Од. 9, 215, гдѣ описанъ дикій Киклопъ οὔτε δίκας εὖ εἰδὼς οὔτε θέμιστας; перв е значитъ судебный приговоръ, второе должно уже понимать въ развитомъ смыслѣ предписанія закона. Ср. Maine, Ancient Law.

[2]) Зевсъ передалъ царю σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θέμιστας (Ил. 9, 99). Судьи поддерживаютъ свои рѣшенія именемъ Зевса — δικασπόλοι οἵ τε θέμιστας πρὸς Διὸς εἰρύαται. Ил. 1, 238. Дурные правители Ил. 16, 387, οἳ βίῃ εἰν ἀγορῇ σκολιὰς κρίνωσι θέμιστας. | ἐκ δὲ δίκην ἐλάσωσι θεῶν ὄπιν οὐκ ἀλέγοντες.

[3]) Гладстонъ (Homeric Studies. III, 98) говоритъ: вообще кажется Βουλή была важнымъ фактомъ въ управленіи, собирая матеріалъ для болѣе открытыхъ обсужденій народнаго собранія, или исполняя волю этого послѣдняго; но всегда пользовалась въ собраніи большимъ интеллектуальнымъ вліяніемъ, что придавало рѣшеніямъ послѣдняго твердость и достоинство, соотвѣтственныя такому важному органу. Въ Ил. 9, 70, мы имѣетъ примѣръ вопроса, переданнаго собраніемъ совѣту γέροντες.

мѣстному царю. Народное собраніе состоитъ изъ воиновъ; вожди говорятъ передъ нимъ, и собраніе выражаетъ свое мнѣніе одобрительными возгласами или ропотомъ недовольства.

Одиссея. Одиссея описываетъ гражданскую жизнь общины, приведенной отчасти въ разстройство, по причинѣ десятилѣтняго отсутствія ея вождя въ Трою. Въ нѣкоторомъ отношенія монархическая система, которую мы видѣли въ Иліадѣ, подверглась измѣненію: 1) хотя принципъ наслѣдственной власти и признается еще, но встрѣчаются уже намеки, что эта власть не абсолютна и не неприкосновенна [1]). Народное собраніе кажется, не играетъ болѣе такую пассивную роль, какъ въ Иліадѣ. Оно является дѣйствительнымъ органомъ народнаго представительства [2]). Но доказать, что все это было такъ въ дѣйствительности, очень трудно; нужно принять во вниманіе исключительное положеніе дѣлъ въ Одиссеѣ.

Религія у Гомера. 12. Въ основаніи гомеровской религіи лежитъ чувство, что «всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду» (Од. 3, 48), и что боги охотно снисходятъ къ этой нуждѣ, если люди почитаютъ ихъ достойнымъ образомъ. Жертва и молитва суть средства найти ихъ помощь и успокоить гнѣвъ. Гомеровское вѣрованіе въ возможность примиренія съ богами выражено въ словахъ стараго витязя

---

[1]) Женихи полагаютъ, что Одиссей умеръ (Од. 2, 183); но наслѣдственное право Телемаха признается (I, 387 ὅ τοι γενεῇ πατρώϊόν ἐστιν), тѣмъ не менѣе Антиной надѣется, что Зевсъ не сдѣлаетъ Телемаха царемъ. Гладстонъ думаетъ (Homeric Studies, III) о формальномъ актѣ, «похожемъ на избраніе или допускающемъ подданныхъ выразить свое желаніе».

[2]) Въ Од., 2,40, Телемахъ обращается къ Agora итакійцевъ, чтобы она поддержала его права, и начинается обсужденіе. Въ Од. 24, 420, итакійцы думаютъ въ Agora отомстить за смерть жениховъ.

Фэникса къ непримиримому Ахиллесу (Ил. 9, 486 и слѣд.): «сынъ мой, смири же ты душу высокую, храбрый не долженъ сердцемъ не милостивъ быть; умолимы и самые боги, столько превысшіе насъ и величьемъ, и славой, и силой.» Люди согрѣшивъ смягчаютъ сердца ихъ пламенными и усердными мольбами, жертвенными возліяніями и сожженіями. Молитвы (Λιταί) суть дочери великаго Зевса, хромыя, сморщенныя, съ робкимъ взглядомъ, должны слѣдовать за Атэ [1]). Такъ, какъ Атэ вѣрна и скора на ногу, то она далеко опережаетъ молитвы и идетъ по всему міру впереди ихъ, вредя людямъ; молитвы же идутъ позади, исправляя нанесенный вредъ. Самые возвышенные примѣры молитвы находимъ мы у Гомера въ 6 и 16 пѣснѣ Иліады: Въ 6, 476, когда Гекторъ, выходя на битву, молитъ боговъ даровать сыну его славную жизнь. Въ 16, 233, когда Ахиллесъ молится Зевсу Пеласгійскому, Додонскому, далеко живущему владыкѣ, о возвращеніи невредимымъ изъ битвы товарища своего Патрокла. Какъ при жертвоприношеніи, такъ и при молитвѣ человѣкъ гомеровской эпохи сносится съ богами безъ посредства жрецовъ.

Жрецы. Жрецы (ἱερεῖς) въ отличіе отъ гадателей (μάντεις), встрѣчаются у Гомера только какъ охранители мѣстной святыни [2]).

---

[1]) ἄτη (отъ ἀάω) значитъ поврежденіе ума. Ср. Milton «Samson» 1676: въ среду ихъ онъ послалъ духъ буйства, который помутилъ ихъ мысли. Ἄτη есть сила, дѣлающая людей несчастными (иногда наказаніе за гордость), такъ что они безпечно грѣшатъ передъ богами.

[2]) Такъ, напр., жрецъ Аполлона Хризейскаго въ Троадѣ, жрецъ Гефеста въ Троадѣ, жрецъ Аполлона Измарскаго во Ѳракіи и т. д. Въ двухъ только мѣстахъ Гомеръ говоритъ о жрецахъ во множественномъ числѣ: 1) Ил. 9, 575, этолійцы посылаютъ θεῶν ἱερῆας ἀρίστους просить помощи у Мелеагра, т. е. жрецовъ главныхъ мѣстныхъ святынь; 2) Ил. 24, 221 ἤ οἵ μάντιές εἰσι θυοσκόοι, ἢ ἱερῆες, гдѣ имѣются въ виду особые обряды. Въ Ил. 16, 234,

Судьба. 13. Въ позднѣйшей греческой поэзіи судьба иногда рѣзко противополагается богамъ и ихъ волѣ. Этого не встрѣчается у Гомера. Судьба и боги являются силами, совокупно дѣйствующими согласно одна съ другой; нѣтъ никакой попытки раздѣлить ихъ или опредѣлить ихъ взаимное отношеніе. Понятіе о судьбѣ выражается двумя словами; то и другое означаютъ «участь»—*αἶσα* и *μοῖρα*. Олицетворенная Αἶσα прядетъ нить жизни человѣка и опредѣляетъ длину ея уже при рожденіи. Подобно Αἶσα—Μοῖρα можетъ быть хороша и дурна; олицетворенная Μοῖρα всегда живетъ въ союзѣ съ богомъ смерти Танатосомъ [1]). Есть еще два слова, обозначающія жребій смерти; «πότμος» (что-либо падающее на кого-нибудь), и *κήρ* (разрушеніе); олицетворенная Κήρ (иногда во множественномъ числѣ) есть богиня, наносящая насильственную смерть, особливо въ сраженіи. Понятіе «о трехъ паркахъ» встрѣчается уже послѣ Гомера, впервые у Гезіода [2]).

Эриніи. Эриніи у Гомера суть карающія силы; онѣ поддерживаютъ правду одинаково между богами и между людьми. Онѣ караютъ всѣ преступленія противъ семьи, въ особенности выполняютъ проклятія родителей, оскорбленныхъ дѣтьми. Онѣ не допускаютъ, чтобы старый или бѣдный былъ безнаказанно обиженъ. Онѣ наказываютъ клятвопреступленія. Однимъ словомъ, онѣ — исполнительницы закона природы. Бессмертный конь Ксанѳъ, получившій внезапно отъ Геры спо-

---

додонскіе Селлы не названы ἱερῆες, но ὑποφῆται Зевса, истолкователи его воли.

[1]) Въ Ил. 21, 209 Μοῖρα есть *пряха* жребія смерти.

[2]) Theog. 218 множественное «Судьбы» встрѣчается только въ Ил. 24, 49 τλητὸν γὰρ Μοῖραι θυμὸν θέσαν ἀνθρώποισιν. Въ Од. 7, 197 πείσεται ἅσσα οἱ αἶσα κατὰ κλῶθες (v. l. κατακλῶθές) τε βαρεῖαι | γεινομένῳ νήσαντο λίνῳ; эти пряхи суть только полуолицетворенное дѣйствіе судьбы, какъ замѣчаетъ Мэрри, не проведенныя олицетворенія, напр. ἅρπυιαι, олицетвореніе бурныхъ вѣтровъ (Од. I, 245 и κραταιΐς (Од. 12, 124).

собность говорить, едва возвѣстилъ Ахиллу его судьбу, какъ Эринніи «голосъ коня перервали» (Ил. 19, 418).

Боги въ Одиссеѣ. 14. Сравнительно съ Иліадой, Одиссея свидѣтельствуетъ о болѣе духовномъ представленіи дѣйствій боговъ. Живая и реальная картина Олимпа и Олимпійскаго двора, какъ представляетъ ее Иліада, сдѣлалась болѣе идеальной. Олимпъ—это отдаленное мѣсто, «гдѣ обитель свою, говорятъ, основали боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, дождь не шумитъ хладоносный, гдѣ не подъемлетъ мятелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ; тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ» (Од. 6. 42 и слѣд.). «Боги нерѣдко, облегшись въ образъ людей чужестранныхъ, входятъ въ земныя жилища, чтобы видѣть своими очами, кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду» (Од. 17, 485): Боги въ Иліадѣ чаще всего проявляютъ свое могущество на тѣлесномъ или на вещественномъ благосостояніи людей; сравнительно рѣдко бываетъ, чтобы они управляли ихъ духомъ, внушая имъ мысль въ рѣшительный моментъ. Въ Одиссеѣ, напротивъ, выступаетъ гораздо рѣзче послѣдняя форма дѣятельности боговъ. «когда свой совѣтъ мнѣ на сердце положитъ втайнѣ Аѳина, тебѣ головою кивну», говоритъ Одиссей своему сыну (Од. 16, 282). Надежда на помощь боговъ сдѣлалась болѣе отвлеченнымъ чувствомъ. «Если бы Кроніонъ отецъ и Паллада великая были наши помощники, стали-ль мы пріискивать новыхъ? Ему отвѣчая сказалъ Телемахъ богоравный: подлинно ты мнѣ надежныхъ помощниковъ назвалъ; высоко, правда, они въ облакахъ обитаютъ» (Од. 16, 260 и слѣд.). Въ то время, какъ понятіе о богахъ сдѣлалось отвлеченнымъ, понятіе о сверхъестественномъ вообще стало принимать разные

фантастическіе образы [1]), находящіеся въ связи съ сказаніемъ моряковъ о землѣ чудесъ внѣ области Эгейскаго моря. Тамъ мы встрѣчаемъ тѣхъ существъ или чудовищъ, которыхъ нельзя назвать ни богами, ни людьми — Калипсо, Киркею, Полифема, Протея, Эола,, Скиллу, Сиренъ.

Нравственность у Гомера. 15. Понятія о добрѣ и злѣ у Гомера такъ же просты, какъ и его религія; но онъ ихъ строго держится. Они начинаются съ семьи.

Семейство. Семейныя узы святы во всѣхъ отношеніяхъ—мужа съ женой, родителей съ дѣтьми, родственниковъ съ родственниками. Многоженство не встрѣчается у грековъ. Образы Гектора и Андромахи- въ Иліадѣ, Менелая и Елены, Алкиноя и Ареты, въ особенности же Одиссея и Пенелопы—въ Одиссеѣ свидѣтельствуютъ о крайне нѣжномъ пониманіи супружеской привязанности. Вотъ, какъ молится Одиссей о дѣвѣ Навзикаѣ: «О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья, давши супруга по сердцу тебѣ, съ изобиліемъ въ домѣ, съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье, гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ, мужъ и жена» (Од. 6, 180). Слуги пользуются поддержкой и помощью отъ господъ, равно

---

[1]) Напр. растеніе «μῶλυ», данное Гермесомъ Одиссею противъ чаръ Киркеи (Од. 10, 302); «неразрывное покрывало» Ино, спасающее Одиссея отъ потопленія (тамъ же 5, 346), мясо быковъ Геліоса, ревущее на вертелѣ при жареніи товарищами Одиссея (12, 395). Король Феаковъ внезапно, превращенный въ камень (тамъ же 13, 163). Предвидѣніе гадателя Теоклимена, предсказывающаго гибель жениховъ (сравн. у Ланга съ видѣніемъ Bergthora Njal въ Story of Burnt Njal ii, 167): „Во мракъ погружены ваши головы, лица и ноги, и голосъ вашъ звучитъ грустью, щоки мокры отъ слезъ, и стѣны и красивая крыша окроплены кровью (Од. 20, 351 и слѣд.). Въ Иліадѣ такія чудеса встрѣчаются только въ позднѣйшихъ частяхъ, какъ-то: говорящій конь (19, 407), самодвижущійся треножникъ Гефеста (18, 376), изъ золота служанки движущіяся, говорящія и мыслящія (тамъ же 418).

какъ и странники: «Зевсъ посылаетъ нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевсу угоденъ» (Од. 208).

Чужеземцы и нищіе. Молящій о помощи ἱκέτης долженъ быть принятъ, хотя бы онъ спасался отъ наказанія за убійство (Ил. 16, 573); ибо Зевсъ покровительствуетъ молящимъ его о помощи и накажетъ всякаго, дѣлающаго имъ зло (Ил. 24, 570).

Рабство. 16. Рабство у Гомера имѣетъ менѣе отталкивающій характеръ, чѣмъ во времена позднѣйшія. Оно составляетъ участь всѣхъ военноплѣнныхъ какъ-бы ни высоко было ихъ происхожденіе; упоминаются также случаи, что дѣти благородныхъ семействъ бывали похищаемы пиратами или купцами (Од. 15. 403 и слѣд.). Рабство признается за большое несчастіе: «тягостный жребій печальнаго рабства избравъ человѣку, лучшаго доблесть въ немъ въ половину Зевсъ истребляетъ» (Од. 17, 322). Самое чувство человѣческаго достоинства, выраженное въ этихъ словахъ, повліяло на смягченіе участи рабовъ. Одиссея указываетъ на примѣры глубоко преданныхъ рабовъ; у Гомера вообще не встрѣчается примѣровъ жестокихъ господъ. Гомеровское рабство было, кажется, только домашнимъ, такъ какъ рабовъ употребляли для работъ въ домѣ и на поляхъ; мы ничего не слышимъ о рабахъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ [1]). Кромѣ рабовъ встрѣчаются также и свободные наймиты (θῆτες, Од. 4. 644)

Ограниченіе сферы themis. 17. Themis, какъ обычай, установленный рѣшеніями верховной власти, признается ограничивающею силою въ широкомъ кругу признаннаго родства. Внѣ этой области, когда грекъ имѣетъ дѣло съ совершенно посторопнимъ человѣкомъ, themis теряетъ силу и тамъ мы встрѣчаемъ одно только

[1]) Въ Од. 2, 482 ἐπάρουρος объясняли какъ adscriptus glebae но это можетъ быть и обозначеніе спеціальнаго занятія θῆτα.

насиліе. Изгнаніе политическое и общественное выражено формулой «безъ рода, закона и очага» [1]). Жизнь убійцы принадлежала родственникамъ убитаго, которые впрочемъ могли принять за нее въ видѣ возмездія и деньги (ποινή). Вообще, можно сказать, что гомеровскіе греки являются даже въ суровое время благороднымъ и великодушнымъ народомъ. У гомеровскихъ грековъ нѣтъ и слѣда восточной низости и жестокости. Ихъ чувство приличія и правдивости замѣчательно тонко даже во многихъ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ позднѣйшіе потомки ихъ были менѣе щекотливы.

Aidôs. Когда гомеровскій человѣкъ совершаетъ что либо противъ themis, то онъ ясно сознаетъ, что другіе будутъ порицать его поступокъ. Это сознаніе есть «αἰδώς»; оно имѣетъ столько значеній, сколько существуетъ проступокъ противъ themis: «чувство чести», «стыда», «почтенія» и т. д.

Nemesis. Чувство же, съ какимъ люди смотрятъ на преступленія другихъ, носитъ названіе nemesis — чувство справедливаго негодованія.

Одиссея по сравненію съ Иліадой. Одиссея сравнительно съ Иліадой содержитъ болѣе указаній о добрѣ и злѣ; въ ней есть нѣкоторыя добавки къ словарю выраженій, касающихся религіозныхъ или нравственныхъ чувствъ [2]).

---

[1]) Ил. 9, 63 ἀφρήτωρ. ἀθέμιστος. Отсюда и изъ 2, 362 и слѣд. я заключаю, что гомеровское семейство было подчинено роду (φρήτρη), а затѣмъ племени (φυλή) I. св. р. 54; но допускаю, что это не можетъ быть доказано для гомеровской эпохи. Гомеру не извѣстны жертвоприношенія отъ цѣлаго рода.

[2]) Такъ напр. слѣд. слова встрѣчаются въ Одиссеѣ и отсутствуютъ въ Иліадѣ: ἁγνή эпитетъ Артемиды, Персефоны и пиршества – ἑορτή: (2) ὁσίη, набожность (единственное значеніе ὅσιος встрѣчается въ обѣихъ поэмахъ: (3) θεουδής богобоязненный какъ эпитетъ νόος или θυμός: (4) νοήμων (встрѣчается въ Иліадѣ какъ

Цивилизація у Гомера. 18. Цивилизація, основанная на такихъ идеяхъ и чувствахъ, была совершенно не похожа на цивилизацію позднѣйшей Греціи. Человѣкъ у Гомера хотя представляетъ уже ясно обрисованный типъ греческой человѣчности и имѣетъ существенныя качества, умственныя и нравственныя, но все его окружающее указываетъ еще на переходное время. Рѣзкіе контрасты встрѣчаются въ изобиліи. Роскошь и блескъ восточныхъ народовъ перемѣшаны съ грубымъ варварствомъ. Обычаи самаго благороднаго рыцарства и самаго утонченнаго обращенія сталкиваются съ суровостью или дикостью. Бываютъ случаи, когда гомеровскій герой является просто дикаремъ [1]).

Археологическое свидѣтельство. 19. Гомеръ даетъ нѣкоторыя общія указанія на степень развитія искусствъ полезныхъ и изящныхъ; въ нѣкоторыхъ случахъ литературныя указанія могутъ быть дополнены, въ настоящее время, указаніями археологическими [2]). Поэтъ, конечно, предполагаетъ, что его слушатели знакомы съ предметами, на которые онъ намекаетъ, потому указанія его часто очень поверхностны. Мы не можемъ обращаться за объясненіемъ къ сценамъ, изображеннымъ на вазахъ, или рельефахъ классической эпохи

собственное имя)—правосудный (въ связи съ δίκαιος),—почти—позднѣйшему σώφρων не встрѣчающимся у Гомера. Слово δίκαιος часто въ Одиссеѣ, въ Иліадѣ же встрѣчается только его превосходная степень (одинъ разъ) и сравнительная (дважды).

[1]) Такъ у Гомера даже самый благородный человѣкъ подверженъ дикимъ взрывамъ ярости, подобно той, въ которой Александръ Македонскій убилъ своего друга Клита, но не возбужденной виномъ какъ въ послѣднемъ случаѣ. Патроклъ убилъ въ гнѣвѣ сына Амфидама во время игры въ кости (Ил. 23.87) Ахиллъ, воплощеніе рыцарской доблести, боится, чтобы дикій звѣрь внутри его не убилъ Пріама, безпомощнаго старца, гостя и просителя. Ил. 23.568—586.

[2]) Эти указанія приведены по отношенію къ тексту Гомера W. Helbig'омъ въ его обширномъ сочиненіи: Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. (Leipzig, Teubner 1887).

Грецін, которая одѣвала гомеровскихъ героевъ въ одежды 6 и 5 вѣка до Р. Х. Единственные памятники, которымъ можно довѣрять для объясненія гомеровской жизни, это памятники болѣе древней эпохи. Область для отыскиванія такихъ свидѣтельствъ очень обширна, какъ-то показываютъ поэмы Гомера. Агамемнонъ получилъ панцырь въ подарокъ отъ кипрскаго царя, Менелай такимъ же образомъ пріобрѣлъ отъ сидонскаго царя чашу для смѣшенія вина съ водою. Одинъ финикійскій купецъ показывалъ матери Эвмея цѣпочку изъ золота и янтаря. Пріамъ предложилъ Ахиллесу ѳракійскій кубокъ [1]).

Употребленіе камня. 20. Умѣніе обрабатывать камень видно изъ упоминаній Гомеромъ жерновов, каменныхъ дисковъ для бросанія, могильныхъ столбовъ (στῆλαι). Залы во дворцѣ Пріама построены были изъ «тесанныхъ камней», равно какъ и домъ Цирцеи (Од. 10, 210). Но дерево предпочиталось камню при постройкѣ болѣе простыхъ домовъ. Гомеръ нигдѣ не упоминаетъ каменныхъ статуй или рельефовъ. Онъ не знаетъ другой обработки камня для декоративныхъ цѣлей, кромѣ обтесыванія (послѣднее означается словомъ ξεστός [2]).

Гомеровскій домъ. 21. Лучшимъ примѣромъ дома гомеровскаго вождя можетъ служить домъ Одиссея;

---

[1]) Главные источники гомеровской археологіи разобраны Helbig'омъ (стр. 1—59). Они суть: 1) финикійскіе, 2) древнегреческіе и италійскіе, 3) сѣверные— напр. одна древняя бронзовая гидра была найдена въ Грахвиллѣ въ Швейцаріи. Въ полосѣ Эгейскаго моря главныя мѣста находокъ были: 1) Гиссарликъ, 2) Ѳера, 3) Іалисъ на Родосѣ, 4) Микены (древности послѣднихъ Гельбигъ относитъ ко времени дорійцевъ, т. е. къ 1100 г. до Р. Х. не задолго до времени Гомера), 5) Спата въ Аттикѣ, 6) Дипилонъ въ Аѳинахъ; тутъ найдены были вазы съ болѣе ясными указаніями на время Гомера, чѣмъ гдѣ либо, хотя изображенные на нихъ корабли имѣютъ носы которые не встрѣчаются ранѣе 800 — 700 г. до Р. Х. (стр. 54—59).

[2]) Helbig, стр. 71—73.

устройство его видно изъ приложеннаго плана [1]). Домъ былъ окруженъ высокою, крѣпкою каменною стѣною, вѣроятно той неуклюжей и неправильной кладки, которая извѣстна подъ именемъ «циклопической». Въ этой крѣпкой стѣнѣ былъ одинъ только входъ черезъ ворота съ тяжелыми и массивными половинками. Снаружи по обѣимъ сторонамъ воротъ находились каменныя скамьи.

Дворъ. Пройдя черезъ ворота (πρόθυρον) посѣтитель вступалъ во дворъ (αὐλή, ἕρκος) непокрытый и немощенный. Этотъ дворъ былъ похожъ на дворъ деревенской избы и также грязенъ [2]). Небольшія пристройки (θάλαμοι) по сторонамъ двора, насупротивъ наружной стѣны, служили сараями, спальнями рабовъ, а иногда даже и членовъ семейства [3]). Въ срединѣ двора находился алтарь «Зевса, покровителя двора» (Ζεὺς ἑρκεῖος), символъ семейнаго согласія [4]).

Этуса и продомосъ. 24. Войдя въ ворота, посѣтитель видѣлъ прямо передъ собою портикъ вдоль стѣны дома. Этотъ портикъ назывался «этуса» (αἴθουσα). Пространство, занятое имъ, называлось продомосъ (πρόδομος) или сѣни.

Оба названія встрѣчаются поперемѣнно, напр., что такой-то спалъ *подъ* этусой (портикомъ) или *въ* продомосѣ (сѣняхъ). Даже знатные гости иногда располагались здѣсь на ночь [5]). Терминъ «αἴθουσα» самъ по

---

[1]) На основаніи плана Protodíkos'а въ его сочин. «De Aedibus Homericis» (Лейпцигъ, 1877).

[2]) Аргосъ, собака Одиссея, лежитъ во дворѣ на навозной кучѣ (Од. 17, 297).

[3]) Въ двухъ случаяхъ по крайней мѣрѣ неженатый сынъ имѣетъ θάλαμος въ αὐλῇ: Фениксъ (Ил. 9, 471 и слѣд.) и Телемахъ (Од. 19, 48).

[4]) Од. 22. 334: здѣсь хозяинъ дома приносилъ жертвы. Въ Антиг. Софокла 487 ὁ πᾶς Ζεὺς ἑρκεῖος=цѣлое семейство.

[5]) Такъ напр. Телемахъ и Писистратъ въ домѣ Менелая въ Спартѣ. Елена приказываетъ приготовить для нихъ постели

себѣ имѣетъ очень общее значеніе, какъ эпитетъ портика, открытаго солнечнымъ лучамъ (αἴθειν). Другой

Планъ дома Одиссея.

портикъ находился на сторонѣ самыхъ воротъ, а иногда и съ обѣихъ остальныхъ сторонъ двора, кото-

въ αἰθούσῃ (Од. 4, 297) и они спятъ ἐν προδόμῳ (тамъ же 302). Такъ въ Ил. 24, 644 αἰθούσῃ=πρόδομος тамъ же 673. Если Одиссей въ своемъ скромномъ платьѣ принужденъ занять жесткое «ложе» въ αἰθούσα, то не мѣстомъ выражено пренебреженіе къ нему, а самымъ поступкомъ.

рый являлся тогда окруженнымъ колоннадой — перистиль позднѣйшихъ временъ. Сюда относится выраженіе въ Иліадѣ (24,323) «коней погналъ отъ преддверья и гулкихъ навѣсовъ крылечныхъ». Такимъ образомъ можно отличить продомосъ съ его этусой отъ «αἴθουσα αὐλῆς», которая въ такомъ случаѣ представляла колоннаду на противоположной сторонѣ или вообще съ другихъ сторонъ двора (Ил. 9,472 и сл.).

23. **Мегаронъ.** Изъ продомоса вели двери въ большую залу (μέγαρον, δῶμα). Въ домѣ Одиссея въ этихъ дверяхъ былъ ясеневый порогъ (μέλινος οὐδός, Од. 17,339): тогда какъ въ противоположныхъ дверяхъ, ведущихъ изъ главной залы въ помѣщеніе женщинъ, порогъ сдѣланъ изъ камня (λάϊνος, Од. 20,258). Каждый порогъ, какъ видно изъ разсказа, нѣсколько возвышался надъ поломъ. Въ одной изъ стѣнъ залы, ближе къ ея глубинѣ, была дверь, немного приподнятая надъ уровнемъ пола (ὀρσοθύρη); она вела въ корридоръ (λαύρη), который шелъ вокругъ залы и сообщался какъ съ дворомъ, такъ и съ внутренностью дома. Въ глубинѣ залы находился очагъ (ἐσχάρη), на которомъ приготовляли пищу; итакъ, зала служила въ одно время и столовой и кухней. Не только гости, но и слуги гомеровскаго князя жили и ѣли вмѣстѣ съ нимъ въ залѣ, причемъ ставилось съ одного конца ея до другого нѣсколько столиковъ; въ домѣ Одиссея такихъ столиковъ было свыше шестидесяти (за каждымъ изъ нихъ помѣщалось только по два человѣка). Въ этомъ отношеніи домашняя жизнь ахейскаго царя походила на жизнь средневѣковаго барона или скандинавскаго вождя.

Женская половина дома. 24. Женская половина дома находилась непосредственно за главной залой и соединялась съ ней дверью съ каменнымъ порогомъ. Эта

часть дома иногда вообще называется θάλαμος [1]). Она заключала семейную половину, или комнаты хозяйки дома (въ нее въ домѣ Пенелопы подымались по лѣстницѣ) и рабочія комнаты рабынь. Сокровищница (θησαυρός) и оружейная (θάλαμος ὅπλων) въ домѣ Одиссея были также въ этой части его. Выраженіе μυχὸς δόμου иногда употребляется для обозначенія части дома за помѣщеніемъ женщинъ. Здѣсь въ домѣ Одиссея была построенная имъ самимъ комната съ кроватью, основаніемъ которой служилъ обрубокъ оливковаго дерева (Од. 23, 192); по этой примѣтѣ онъ убѣдилъ наконецъ Пенелопу въ своей личности [2]).

Аналогія съ позднѣйшимъ греческимъ домомъ. Итакъ, общій планъ гомеровскаго дома соотвѣтствуетъ вообще плану греческаго дома историческихъ временъ. Въ послѣднемъ находится наружный дворъ — гомеровская αὐλή, ἀνδρωνῖτις позднѣйшаго времени. Внутренній дворъ для женщинъ съ комнатами вокругъ его — θάλαμος Гомера, γυναικωνῖτις позднѣйшаго времени. Между обоими отдѣленіями помѣщается главная зала, въ которой

---

1) Отъ собирательнаго θάλαμος должно отличать множественное θάλαμοι—отдѣльныя комнаты во дворѣ. Также μέγαρον зала отличается отъ μέγαρα—рабочія комнаты женщинъ въ θαλαμος'ѣ (Од. 19, 16).

2) См. Protodikos стр. 60. Нѣкоторые вопросы касательно дома Одиссея остаются еще подъ сомнѣніемъ. 1) Что̀ такое былъ θόλος въ αὐλῄ? (Од. 22, 442). Можетъ быть, какъ думали и древніе и какъ думаетъ Protodikos (стр. 24), ταμιεῖον, т. е. кладовая, въ которой сохранялись блюда, кубки и пр. 2) Что́ такое были ῥῶγες μεγάροιο? (Од. 22, 143). Я высказалъ мнѣніе (Journ. Hellen. Stud.), что это были корридоры отъ ὀρσοθύρη до внутренней части дома. Новогреческое ῥοῦγα употребляется въ подобномъ смыслѣ и кажется происходитъ отъ гомеровскаго слова ῥῶγες. Латинское слово ruga (фр. rue) не принимается въ расчетъ. 3) Что́ такое были μεσόδμαι? (Од. 19, 37), можетъ быть балки по длинѣ крыши megaron'а, тогда какъ поперечныя назывались δοκοί, такъ полагаетъ Protodikos (стр. 37). Buchholz (Homer Realien, стр. 109) отвергаетъ это объясненіе δοκοί и μεσόδμαι.

ѣдятъ хозяинъ и гости — μέγαρον, или δῶμα Гомера, а позднѣйшій ἀνδρών [1]).

Внутреннее убранство. 25. Общая зала (μέγαρον) въ домѣ Одиссея, типъ дворца, не вымощена ни камнемъ, ни деревомъ. Полъ здѣсь—просто плотно убитая земля. Тѣмъ не менѣе въ дверяхъ есть пороги: ясеневый въ дверяхъ, ведущихъ со двора, и каменный въ дверяхъ, ведущихъ въ θάλαμος. Въ μέγαρον'ѣ Алкиноя стѣны покрыты бронзовыми листами—способъ украшенія заимствованъ греками изъ Азіи, гдѣ онъ встрѣчался еще цѣлыми столѣтіями позже. Слѣды такого украшенія мы находимъ въ сокровищницахъ Микенъ и Орхомена. Нѣкоторыя деревянныя части гомеровскаго дворца, особенно двери и косяки, также были покрыты золотомъ и серебромъ. Cyanus (κύανος), украшавшій карнизы въ залѣ Алкиноя (Од. 7, 87), принимали прежде за бронзу или сталь; но въ настоящее время не сомнѣваются, что это былъ родъ синей стекляной массы, употреблявшейся какъ искуственная поддѣлка естественнаго ультрамарина; она получалась изъ растертаго лазурика (lapis lazuli) [2]). Блестящій эффектъ металлическаго украшенія стѣнъ во дворцѣ Алкиноя и другихъ декорацій выраженъ фразой: «все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце, иль мѣсяцъ» (Од. 7, 84); это выраженіе употреблено также при описаніи дворца Менелая въ Спартѣ (Од. 4, 45).

---

[1]) Что касается дома въ Тиринѳѣ, см. примѣч. въ концѣ книги. Происхожденіе и время этого дома подвержены сомнѣнію; во всякомъ случаѣ его не должно смѣшивать съ домомъ Одиссея.

[2]) Helbig, стр. 79—82. Объясненіе впервые дано R. Lepsius'омъ. Locus classicus у Теофраста περὶ λίθων § 55, гдѣ различается естественный κύανος (αὐτοφυής) или lapis lazuli отъ искуственнаго (σκευαστός). Обломки алебастроваго фриза съ кусочками синяго стекла были найдены въ Тиринѳѣ, но изъ какого они времени—неизвѣстно.

Поэтъ Иліады не упоминаетъ еще о такихъ украшеніяхъ въ домѣ смертныхъ, можетъ быть, потому, что не имѣетъ случая описывать внутренность дворца; но онъ называетъ домъ бога Посейдона золотымъ, а бога Гефеста—мѣднымъ. Подъ этими эпитетами, употребленными при различныхъ предметахъ обоихъ эпосовъ, должно разумѣть металлическія украшенія на деревѣ или другомъ матеріалѣ. Въ томъ же смыслѣ приложены эпитеты: «золотой» къ скипетру, веретену, хлѣбной корзинкѣ, креслу и пр.; серебряный — къ корзинкѣ для шерсти, ящику, столу и т. д. Зала освѣщалась и согрѣвалась большими мѣдными жаровнями (Λαμπτῆρες), три изъ нихъ вносились въ залу съ наступленіемъ ночи служанками Одиссея; онѣ поджигали огонь сухими щепками и сторожили поочередно, чтобы послѣднихъ было всегда въ запасѣ (Од. 18, 307). Отъ мѣдныхъ жаровень и очага было достаточно дыма, чтобы закоптить луки, копья и другое оружіе, висящее на стѣнѣ (Од. 16, 290). Дымъ выпускался, вѣроятно, черезъ отверстіе въ потолкѣ; но Гомеръ ничего не упоминаетъ объ этомъ [1]).

Обычаи. 26. Объ обычаяхъ, наблюдаемыхъ въ домѣ вождя высшаго ранга, мы можемъ составить себѣ понятіе по пріему Телемаха и его друга (Писистрата, сына Нестора) во дворцѣ Менелая въ Спартѣ. Путешественники подъѣзжаютъ къ наружнымъ воротамъ двора въ колесницѣ, запряженной парой. Спальникъ (θεράπων) докладываетъ хозяину дома и получаетъ отъ него приказаніе распречь лошадей и проводить незнакомцевъ (имена ихъ еще неизвѣстны) въ домъ. Со-

[1]) Такое отверстіе для дыма (καπνοδόκη Іон. форма для καπνοδόχη; аттическая κάπνη или ὀπή) составляетъ принадлежность древнѣйшей формы греко-римскаго дома: ср. Герод. 8, 137. Въ Од. 1, 320 ἀνοπαῖα переводилось словомъ труба, но вѣроятно это просто значитъ верхъ, см. Merry ad loc.

гласно съ этимъ, лошадей отводятъ въ конюшню, а иностранцевъ вводятъ въ залу, убранству которой они изумляются. Отсюда ихъ приглашаютъ въ купальню. Послѣ купанья, натершись оливковымъ масломъ и надѣвъ свѣжее платье, они возвращаются въ большую залу, гдѣ ихъ встрѣчаетъ хозяинъ—Менелай. Они садятся подлѣ него въ креслахъ. Служанка приноситъ серебряный тазъ и золотой рукомойникъ, изъ котораго она льетъ воду на руки гостей. Передъ ними ставятъ «гладкій столъ». «Домовитая ключница» приноситъ хлѣбъ (въ корзинкахъ) и разныя лакомства, между тѣмъ какъ слуга разставляетъ разныя мясныя блюда [1]). Менелай приглашаетъ гостей кушать и въ знакъ особаго уваженія собственными руками «имъ подалъ бычатины жареной кусъ». Менелай не знаетъ еще, кто его гости, но когда въ разговорѣ упоминаетъ имя Одиссея, то слезы навертываются на глаза Телемаха и «въ обѣ схвативши пурпурную мантію руки, ею глаза онъ закрылъ».

Пока Менелай думаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, въ залу входитъ хозяйка дома—Елена [2]). Блистая своей

[1]) Въ гомеровскомъ мірѣ рыба не упоминается какъ деликатное кушанье, скорѣе на нее смотрятъ только какъ на средство спастись отъ голода (Од. 12,329; Од. 4,368). Сравненія, взятыя отъ рыбы, указываютъ на употребленіе ея бѣднымъ людомъ, который не имѣлъ другой животной пищи.

[2]) Лучшимъ примѣромъ общественнаго положенія женщины служитъ Елена въ собственномъ домѣ ея въ Спартѣ. Навзикая же служитъ доказательствомъ того, что поэтъ прекрасно понималъ, что значитъ «хозяйка». При сравненіи положенія женщинъ у Гомера съ позднѣйшимъ положеніемъ ихъ въ исторической Греціи, повидимому болѣе низкимъ, нужно замѣтить, что 1) мы слышимъ только о женахъ и дочеряхъ владѣтельныхъ лицъ, пользующихся выдающимся положеніемъ своихъ мужей и отцевъ. Съ другой стороны, женщины, о которыхъ говорятъ аттическіе писатели, принадлежатъ сравнительно къ бѣдному классу, потому ихъ общественное положеніе естественно болѣе ограничено; 2) интеллектуальный прогрессъ отъ 800—500 до Р. Х. касался болѣе мужчинъ и только въ исключительныхъ случаяхъ жен-

красотой, явилась она изъ внутреннихъ или женскихъ покоевъ, части дома — «благоухающаго θάλαμος», въ сопровожденіи трехъ служанокъ и сѣла въ кресло, къ которому придѣлана подножка. Служанка ставитъ возлѣ нея корзинку на колесахъ, «полную пряжи сученой», а поперекъ кладетъ золотую прялку, обмотанную «шерстью волнистой пурпурнаго цвѣта». Елена и мужъ ея разговариваютъ съ гостями до поздней ночи. Подаютъ ужинъ, и Елена подливаетъ гостямъ «гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвеніе бѣдствій дающаго соку», привезеннаго ею изъ Египта. Затѣмъ, слуги съ факелами провожаютъ обоихъ гостей въ ихъ спальни, расположенныя въ портикѣ: тамъ поставлены кровати, покрытыя пурпуровыми коврами, одѣялами и тяжелыми покрывалами (Од. 4,20—305).

Контрастъ. Если мы сравнимъ это описаніе съ описаніемъ жизни жениховъ на Итакѣ, то поймемъ ловкость и тонкость поэтическаго пріема. Въ домѣ Менелая поэтъ представляетъ благородное и изысканное гостепріимство; въ домѣ же Одиссея, занятомъ чужими, онъ хочетъ изобразить сцену грубаго безпорядка; такъ, одинъ изъ жениховъ «схвативши коровью, въ корзинѣ лежавшую, ногу, сильно ее въ Одиссея швырнулъ» (Од. 20,299 и слѣд.); мы не можемъ допустить, чтобы подобные случаи были характерны для приличнаго гомеровскаго общества.

Гомеровская одежда. Одежда мужчины, по Гомеру, состояла изъ рубахи или туники (χιτών) [1], и поверхъ

щинъ. Женщина, по Гомеру, за 950 лѣтъ до Р. Х. была лучшей подругой своего мужа, чѣмъ аттическая женщина за 450 лѣтъ до Р. Х.

[1]) Въ Ил. 13,685 Ἰάονες (вѣроятно аѳиняне) названы ἑλκεχίτωνες, «влекущіе тунику», т. е. носящіе тунику до полу (χιτών τερμιόεις). Такую тунику носили нѣкогда какъ дорійцы, такъ и

ея плаща (χλαίνη) [1]), который соотвѣтствовалъ верхнему платью ἱμάτιον классической эпохи. Женщина, по Гомеру, носила длинное до пола платье (πέπλος), а на головѣ иногда—высокій уборъ (κεκρύφαλος), надъ срединой котораго была вплетена пестрая лента (πλεκτὴ ἀναδέσμη) [2]), на лбу же блестѣла золотая діадема. Отъ головного убора или отъ самой діадемы ниспадало по плечамъ и спинѣ покрывало (κρήδεμνον, καλύπτρη). Рисуя въ воображеніи такую сцену какъ Елена, стоящая съ Пріамомъ и троянскими старѣйшинами на валахъ Трои (Ил. 3), мы поймемъ, что поэтъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, замѣчаетъ Helbig, неподвижныя формы и яркость цвѣтовъ [3]) Востока, а не гордую свободу и гармоническую симметрію зрѣлаго греческаго искусства. Пріамъ и троянскіе старѣйшины одѣты въ узкія туники, доходящія до земли, поверхъ нихъ наброшены красные, или пурпуровые плащи, ниспадающіе прямо, безъ складокъ; нѣкоторые изъ нихъ богато оторочены золотымъ шитьемъ; на мантіи

іонійцы, но никогда она не была обыденнымъ платьемъ—ее носили: 1) старшины или знатные, 2) въ торжественныхъ случаяхъ. Поэтъ, употребляя ἑλκεχίτωνες, думалъ вѣроятно о праздничныхъ собраніяхъ іонійцевъ, равно какъ и о подобныхъ собраніяхъ на Делосѣ. (Ср. Helbig, стр. 119 и сл.).

[1]) Или φᾶρος, Од. 6,214.

[2]) Schliemann принялъ πλεκτὴ ἀναδέσμη за золотую діадему. Helbig указалъ (стр 158) эту ошибку, каковую слово πλεκτὴ само по себѣ устраняетъ. Діадема была бы ἄμπυξ.

[3]) Гомеровскій словарь цвѣтовъ строго отличаетъ темное отъ свѣтлаго, но очень неясно опредѣляетъ тонкіе оттѣнки цвѣтовъ. Такъ, Гомеръ говоритъ объ одномъ платьѣ, что оно было κυάνεον и что ничего не было μελάντερον (Ил. 24,93), тогда какъ κυάνεος значитъ темно-синій. Онъ называетъ χλωρός цвѣтъ молодой травы (свѣтло-зеленый) и цвѣтъ меда. Поразительную параллель съ χλωρός представляетъ гэльское слово «urail», обозначающее 1) зеленый цвѣтъ всякаго оттѣнка, 2) «цвѣтущій», —свѣжій, пріятный.—когда говорятъ о лицѣ. Такой характеръ гомеровскаго различія цвѣтовъ соотвѣтствуетъ характеру гомеровскаго искусства. Мнѣніе, что «Гомеръ былъ слѣпъ на цвѣта, давно оставлено».

царя, кажется, изображена битва. Верхняя губа у всѣхъ выбрита, бороды клинообразны, волосы падаютъ длинными локонами на щеки, поддерживаясь слегка золотыми спиралями. Елена одѣта въ богато-затканное платье (πέπλος), которое, плотно прилегая, обрисовываетъ ея формы; отъ нея распространяется благоуханіе дорогихъ ароматовъ, на груди ея блеститъ золотая застежка, сдерживающая платье; на шеѣ виситъ ожерелье (ὅρμος), золото котораго образуетъ рѣзкій контрастъ съ темно-краснымъ янтаремъ. На головѣ у ней высокій уборъ, украшенный блестящей діадемой, отъ которой по плечамъ ниспадаетъ покрывало [1]).

Гомеровское вооруженіе. 28. Воинъ у Гомера носилъ вооруженіе, сходное съ вооруженіемъ гоплита историческихъ временъ. Такое вооруженіе есть отличительная черта грековъ, а не Востока. Такъ, іоніецъ Аристагоръ разсказываетъ спартанцу Клеомену, что варвары, которые сражаются луками и короткими копьями, носятъ въ битвѣ короткіе штаны и чалму [2]). Гомеровская оборонительная панопліа состоитъ изъ шлема, панцыря (θώρηξ, состоящаго изъ двухъ половинъ, передней и задней), наколѣнниковъ, пояса [3]), щита и наконецъ «митры» металлическаго (или обложеннаго металломъ) набрюшника, защищающаго тѣло снизу обыкновеннаго пояса [4]). Митра не встрѣчается въ панопліи позднѣйшаго времени. Гомеровскій щитъ имѣетъ круг-

---

[1]) Helbig (стр. 194).

[2]) τόξα—αἰχμὴ βραχέα—ἀναξυρίδες—κυρβασίαι (Her. 5, 49).

[3]) ζωστήρ. Слово ζῶμα въ Иліадѣ обозначаетъ, вѣроятно, выдающуюся часть внизу панцыря, (θώρηξ), чтобъ удерживать ζωστήρ на его мѣстѣ; въ Одиссеѣ ζῶμα имѣетъ нѣсколько другое значеніе: это нѣчто въ родѣ широкаго пояса, который носили вмѣсто панцыря, когда требовалось болѣе легкое вооруженіе.

[4]) Въ Il. 4, 187 говорится, что μίτρη сдѣлана мѣдниками (χαλκῆες).

лую форму, но находятся указанія, что продолговатый щитъ также былъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, изъ поэтическихъ преданій: такъ, щитъ Аякса сравнивается съ башней (Ил. 7,219 и сл.), что указываетъ на продолговатую его форму [1]). Гомеровскій гоплитъ представляется намъ болѣе неуклюжимъ, чѣмъ гоплитъ историческихъ временъ; его вооруженіе тяжело, угловато и сидитъ на немъ не очень ловко. Военная колесница, столь важная принадлежность поединковъ временъ Гомера, вышла изъ употребленія въ греческихъ войскахъ еще за 700 лѣтъ до Р. Х. [2]).

Гомеровское искусство. 29. Искусство у Гомера чисто декоративное и служитъ для украшенія предметовъ, обыденно употребляемыхъ, какъ-то: чашекъ и другихъ сосудовъ, мебели, оружія или платья. Трудно, но интересно было-бы опредѣлить дѣйствительное состояніе искусства, современнаго гомеровскимъ поэмамъ. Здѣсь мы приводимъ въ общихъ чертахъ результаты, къ которымъ пришли многіе археологи: 1) древніе предметы искусства, найденные въ гробницахъ Микенъ, древнѣе, чѣмъ завоеваніе Пелопоннеса дорійцами, т. е. древнѣе 1100 г. до Р. Х. Въ нихъ мы встрѣчаемъ три главные элемента: искусную ювелирную работу, вѣроятно, фригійскаго происхожденія; работу ранняго греческаго искусства, лучшими представителями котораго служатъ украшенія на клинкахъ мечей; и наконецъ въ значительно меньшемъ числѣ—финикійскую работу. 2) За древнѣйшимъ періодомъ слѣдовалъ промежутокъ времени отъ 1100—800 г. до Р. Х., кото-

[1]) Сравн. W. Leaf, въ Journ. Hellen. Stud. IV, 283; онъ объяснилъ нѣкоторыя стороны гомеровскаго вооруженія. Между прочимъ στρεπτὸς χιτών (Ил. 5, 113), по его мнѣнію, есть рубашка, носимая подъ панцыремъ, чтобъ защищать тѣло отъ металла.

[2]) Въ военныхъ пѣсняхъ Архилоха, Алкея и Тиртея не извѣстно употребленіе ἅρμα.

рый какъ въ греческомъ искусствѣ, такъ и въ исторіи составляетъ почти пробѣлъ. Затѣмъ, около 800—750 года, начинается возрожденіе искусства на Востокѣ и переносится черезъ посредство финикіянъ въ Грецію. Это возрожденное искусство въ особенности проявляется въ металлическихъ издѣліяхъ, какъ напр. въ финикійскихъ бронзовыхъ бокалахъ, въ Британскомъ музеѣ, и глиняныхъ вазахъ,—родосскія вазы. 3) Намеки на искусство въ Гомерѣ относятся ко времени отъ 1100 — 800 г. до Р. Х., т. е. къ періоду сравнительнаго паденія искусства между двумя періодами его процвѣтанія. Искусство у Гомера ближе всего подходитъ къ микенскому [1]), но позднѣйшему и болѣе грубому; вліяніе же возрожденія въ 8-мъ столѣтіи, если его вообще можно замѣтить, только еще начинается.

Щитъ Ахиллеса. Наиболѣе современное поэту произведеніе искусства, описанное имъ, есть щитъ Ахиллеса (Ил. 18,478 и слѣд.). Средняя часть этого щита (ὀμφαλός или выпуклость) украшена изображеніями земли, неба, моря, солнца, луны и звѣздъ. На наружномъ краѣ его представлена рѣка-океанъ, окружающая землю. Между наружнымъ краемъ и среднною щита въ концентрическихъ кругахъ были изображены разныя сцены изъ человѣческой жизни: осажденный городъ, мирный городъ, пашня, жатва, сборъ винограда, нападеніе льва на быковъ, овцы на пастбищѣ, пляски юношей и дѣвъ. Murray [2]) прекрасно возстановилъ щитъ на основаніи ассирійскихъ, финикійскихъ, египетскихъ и древне-греческихъ источниковъ. Онъ замѣтилъ, что на щитѣ, несмотря на общія картины

---

[1]) Такъ, кубокъ Нестора (Ил. 11, 632) съ двумя πυθμένες аналогиченъ съ нѣкоторыми микенскими кубками, въ которыхъ πυθμένες оказываются золотыми рукоятками кубка.

[2]) History of Greek Sculpture, гл. III, стр. 44.

изъ жизни людей, не встрѣчаются изображенія кораблей—этотъ пропускъ естественъ былъ бы у ассиріянъ, но страненъ у грековъ; на щитѣ не находится также изображенія обрядовъ греческой религіи [1]).

Участіе воображенія. Helbig думаетъ, что отдѣльныя сцены, изображенныя на щитѣ, поэтъ дѣйствительно нашелъ на какихъ-нибудь произведеніяхъ искусства, но что въ цѣломъ щитъ есть дѣло вымысла: онъ доказываетъ только артистическое чувство поэта, но принадлежитъ вѣку еще не дозрѣвшему до столь сложнаго пластическаго выполненія [2]). Несомнѣнно, что въ цѣломъ—щитъ есть произведеніе фантазіи; вопросъ же состоитъ въ томъ, на сколько дѣйствительное искусство повліяло на поэта при описаніи имъ мелкихъ подробностей щита. Неоспоримо одно только, что поэтъ зналъ, что можно спаивать различные металлы, чтобъ достичь большаго разнообразія и красоты; на это указываетъ описаніе щита: поле его золотое, виноградные льстья серебряные, окраина—бронзовая и пр. Нѣкоторые бронзовые клинки мечей, найденные въ Микенахъ, покрыты темною металлическою эмалью, въ которую

[1]) Такъ называемый ковчегъ Кипсела, описанный Павзаніемъ, относится къ 7-му стол. до Р. Х.; на ковчегѣ, въ противоположность щиту, изображены лица не безыменныя, а хорошо извѣстныя изъ греческой миѳологіи, имена ихъ были написаны возлѣ. См. Murray, lc. cit., стр. 47 и 61.

[2]) Вообще грекъ у Гомера проявляетъ свой артистическій вкусъ 1) отвращеніемъ отъ безобразнаго и безсмысленнаго; чудовище какъ Сцилла—не эллинскаго происхожденія; 2) чувствительностью къ физической красотѣ, даже старика. — Ахиллъ напр. удивляется пріятному обращенію старца Пріама; точно такъ было и въ позднѣйшія времена: напр., красивые старцы выбирались для участія въ процессіи панаѳинейской (θαλλοφόροι. Michaelis, Parthenon, стр. 330 и сл.); 3) въ особенности же удивленіемъ формамъ человѣческаго тѣла, такъ напр. тѣломъ Гектора (Ил. 22, 369, ср. Геродота 9, 25); Агамемнона сравниваютъ за его голову и глаза съ Зевсомъ, за плотность—съ Ареемъ, за грудь—съ Посейдономъ (Ил. 2, 477); Фидій былъ первымъ, изобразившимъ Зевса по Гомеру.

были вставлены фигуры изъ золотыхъ пластинокъ; золоту искусственно придавались различные оттѣнки [1]).

Другія произведенія искусства. Золотая застежка (περόνη) Одиссея (Од. 19, 226) представляла собаку, схватившую передними лапами молодого козленка, старающагося вырваться изъ нихъ; она, можетъ быть, существовала въ дѣйствительности. Животныя и сцены битвъ, выкованныя на золотомъ поясѣ Геракла (Од. 11,610), напоминаютъ нѣкоторыя изображенія на родосскихъ вазахъ [2]). Но другихъ указаній на греческое искусство, вызванное финикіянами въ 8-мъ столѣтіи до Р. X., у Гомера не встрѣчается, и даже мѣсто, гдѣ говорится о поясѣ Геракла, признается позднѣйшею вставкою въ Одиссею.

Восточный отпечатокъ на гомеровскомъ искусствѣ. Все вышесказанное относительно наружнаго вида и одежды греческихъ героевъ можетъ быть распространено и на общій видъ гомеровскаго дома и на гомеровское искусство. Современный туристъ, попавъ во дворецъ гомеровскаго царя, представилъ бы себѣ, что онъ находится скорѣе во дворцѣ Сенхериба въ Ниневіи, или Хирама въ Тирѣ, чѣмъ въ греческомъ домѣ [3]).

Единицы цѣнности. 31. Гомеръ не упоминаетъ о чеканной монетѣ. Иногда онъ говоритъ «о вѣсѣ одного таланта» нечеканенаго золота [4]). Быкъ служитъ обыкновенно единицею цѣнности. Такъ, рабыня, умѣющая вышивать, стоитъ четыре быка. Лаэртъ далъ двадцать быковъ за Евриклею; красиво сдѣланный треножникъ

---

[1]) Проф. Gardner въ Macmillan's Magazine, т. LIV, стр. 377, на котораго ссылается Köhler въ Mittheilungen Deutsch. Inst. Athen. VII, 244.

[2]) Тамъ-же, стр. 378.

[3]) Helbig, стр. 318.

[4]) Оно не высоко въ цѣнѣ. Въ Ил. 23, 751 полталанта золота служитъ только третьей наградой за бѣгъ:—вторая награда—быкъ, а первая—серебряный кубокъ.

оцѣнивается въ двѣнадцать быковъ, золотое вооруженіе стоитъ сто быковъ. Дѣвушки-невѣсты «умножаютъ быковъ» своего отца, получавшаго ихъ въ видѣ свадебнаго подарка отъ счастливыхъ жениховъ [1]).

Письменность. Существованіе особеннаго рода письменнаго алфавита можно доказать упоминаемыми въ Ил. 6, 168 «страшными знаками»; но въ другихъ мѣстахъ у Гомера позднѣйшее слово «писать» (γράφω) означаетъ только «царапать» или «вырѣзывать». Вопроса о письменности мы коснемся еще въ 4-й главѣ.

Ремесленники. Въ Одиссеѣ встрѣчается слово, обозначающее человѣка, искуснаго въ какомъ-либо дѣлѣ или ремеслѣ (δημιοεργός). Этотъ терминъ прилагается 1) къ прорицателямъ, 2) врачамъ, 3) пѣвцамъ, 4) глашатаямъ, 5) ремесленникамъ. Торговля не пользовалась еще большимъ уваженіемъ у грековъ. Одинъ феакійскій князь говоритъ, насмѣхаясь надъ Одиссеемъ, что тотъ не похожъ на «человѣка, опытнаго въ воинскихъ играхъ», а скорѣе «на начальника матросовъ, то-есть купца» (πρηκτῆρες. Од. 8, 161).

Жизнь въ сравненіяхъ. Кромѣ самаго содержанія поэмъ, мы находимъ указанія на жизнь эпохи въ многочисленныхъ сравненіяхъ. Они говорятъ намъ о кораблестроеніи, матеріалъ для котораго привозятъ мулы съ горъ, объ изготовленіи колесницъ, о каменщикахъ, плотникахъ. Женщины «изъ Каріи или Меоніи» красятъ красной краской слоновую кость, чтобы сдѣлать изъ нея рѣзныя украшенія на уздечку княжескаго

---

[1]) См. Butcher и Lang'a Odyssey. Note 5, стр. 410; ἔδνα у Гомера всегда обозначаетъ подарки жениха отцу невѣсты, это есть цѣна за невѣсту—«калымъ» у жителей по Волгѣ. Греки гомеровскихъ временъ въ дѣйствительности покупали себѣ женъ: ср. Аристот. Pol. II. 8 § 19. говоря о варварскихъ обычаяхъ древней Греціи τὰς γυναῖκας ἐωνοῦντο παρ' ἀλλήλων. Гомеровскія μείλια—подарки отца дочери невѣстѣ; подарки жениха невѣстѣ называются δῶρα. У Пиндара ἔδνα всегда=φερνή. свадебный подарокъ.

коня. Упоминается искусство «обдѣлывать золотомъ серебро». Нерѣшительная битва сравнена съ колебаніемъ вѣсовъ въ рукахъ «прилежно работающей женщины»: она вѣситъ шерсть, выпрявши которую «можетъ получить скудную плату для своихъ дѣтей». Мы видимъ сосѣдей, спорящихъ о границахъ своихъ владѣній «съ орудіями мѣры въ рукахъ», или искуснаго всадника [1], гонящаго четырехъ лошадей по большой дорогѣ въ городъ и перескакивающаго съ одной на другую, къ изумленію народа. Поздній часъ послѣ полудня есть часъ, «въ который судья, разрѣшивши юношей тяжбу, домой вечерять утомленный уходитъ»[2].

Сцены на щитѣ. На щитѣ Ахиллеса встрѣчаемъ двѣ сцены изъ городской жизни. Одна изъ нихъ представляетъ свадебную процессію, съ горящими факелами, при пѣніи свадебныхъ пѣсенъ. Другая — споръ на рынкѣ о платѣ за кровь убитаго человѣка; убійца клянется, что онъ заплатилъ, родственникъ же убитаго отрицаетъ это, и старшины, сидя полукругомъ на тесаныхъ камняхъ, рѣшаютъ дѣло. Въ деревенскихъ сценахъ на щитѣ — паханье, жатва, сборъ винограда, пастбище — мы видимъ пріятную и веселую сторону сельской жизни. Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе пляски: «юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ, пляшутъ, въ хоръ круговидный сплетяся руками».

¹) Ил. 15,679; единственное указаніе въ Ил. на верховую ѣзду (κελητίζειν), ибо нѣтъ необходимости предполагать въ 10,513, что Одиссей и Діомедъ ѣдутъ верхомъ на коняхъ Реса, а не гонятъ ихъ передъ собой. Въ Од. 5,371, Одиссей во время кораблекрушенія садится верхомъ на балку κέληθ᾽ ὣς ἵππον ἐλαύνων. Въ двухъ другихъ случаяхъ гомеровскія сравненія указываютъ на предметы, не употребляемые гомеровскими героями: 1) употребленіе трубы (σάλπιγξ), Ил. 18,219; 2) варенье мяса въ котлѣ, (λέβης) Ил. 21,362.

²) Од. 12, 440; это опредѣленіе времени ἀγορὰ πλήθουσα (раннее передъ обѣдомъ) или ἀγορᾶς διάλυσις (раннее послѣ обѣда) совершенно сходно съ опредѣленіемъ времени у позднѣйшихъ грековъ.

Дѣвушки одѣты въ платья изъ тонкаго полотна, а юноши—въ красиво-сотканныя туники, чистотою подобныя «блестящему елею». На дѣвушкахъ возложены вѣнки: юношей украшаютъ золотые ножи на серебряныхъ цѣпочкахъ. «Они то вертятся быстро кругомъ, то пляшутъ рядами на встрѣчу другъ другу. И купа селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ, сердечно имъ восхищаясь».

Погребальные обычаи. 33. Гомеровскіе греки сжигали своихъ мертвыхъ. Когда тѣло положено было на костеръ, то приносили жертвы; обиліе ихъ соотвѣтствовало знатности умершаго. Если онъ былъ могущественнымъ княземъ, то убивалось множество быковъ, овецъ, вмѣстѣ съ ними—любимыя его лошади и собаки; трупы ихъ бросались на костеръ. Тѣло умершаго поливалось жиромъ жертвъ; мази и медъ ставились возлѣ костра. Послѣ сожженія тѣла, горячій пепелъ гасился виномъ. Друзья собирали затѣмъ обгорѣвшія кости, обмывали ихъ виномъ и елеемъ, завертывали въ дорогія ткани и, наконецъ, клали ихъ въ урну (λάρναξ); урну ставили въ могилу (κάπετος) и надъ нею насыпали круглый холмикъ изъ земли и камней (τύμβος и σῆμα) [1], на вершинѣ котораго сооружали колонку изъ камня (στήλη). Полагали, что душа умершаго не могла вступить въ сонмъ другихъ тѣней загробнаго міра, пока тѣло не было почтено погребальными обрядами (Ил. 23,71). Въ обычаѣ сожженія мертвыхъ греки были согласны съ другими индо-европейскими народами исключая персовъ. У семитскихъ народовъ преобладалъ обычай

[1]) У Гомера подробно описаны три случая сожженія труповъ: Ил. 23,110 и слѣд. (Патрокла); Ил. 24,786 и слѣд. (Гектора); Од. 24, 63 (Ахилла). Убіеніе троянскихъ плѣнныхъ при похоронахъ Патрокла составляетъ исключеніе; эта черта единственной жестокости въ своемъ родѣ; поэтъ имѣлъ въ виду указать на Ахилла, обезумѣвшаго отъ горя.

погребать мертвыхъ. У грековъ и римлянъ историческихъ временъ встрѣчаемъ сожженіе и погребеніе.

Состояніе послѣ смерти. 34. Мѣстопребываніе усопшихъ, по Гомеру,—«домъ Гадеса». «'Αΐδης» «Невидимый» у Гомера всегда есть собственное имя, обозначающее бога преисподней. Между землей и жилищемъ Гадеса лежитъ переходная область мрака—Эребъ; Тартаръ, темница Титановъ и другихъ открытыхъ враговъ Зевса, находится такъ же глубоко подъ Гадесомъ, какъ тотъ подъ землею. Душа (ψυχή) умершаго сохраняетъ у Гадеса видъ, званіе и занятіе живого человѣка. Но тѣмъ не менѣе душа есть только подобіе (εἴδωλον), «духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный» (Ил. 23,103). Какъ представлялъ себѣ это Гомеръ, видно изъ употребленія мѣстоименія αὐτός. Въ отличіе отъ души въ загробномъ мірѣ, дѣйствительнымъ «самъ» (αὐτός) считалось каждое тѣло, оставшееся на землѣ (Ил. 1, 4), или человѣкъ въ томъ видѣ, какъ прежде жилъ до смерти (Од. 11,574) [1]). Такъ, въ египетской книгѣ мертвыхъ [2]) встрѣчаемъ рисунокъ умершаго человѣка (αὐτός) въ моментъ молитвы богу солнца; душа почившаго стоитъ, поджидая позади его. Когда Одиссей пожелалъ вызвать души усопшихъ, то вырылъ яму кубической формы и пустилъ въ нее кровь овцы, принесенной въ жертву; души усопшихъ, вызванныя молитвами Одиссея, вышли изъ Эреба, чтобы пить эту кровь (Од. 11,36). Напившись

[1]) Точно также въ Одиссеѣ, 11,602, αὐτός есть настоящій Геркулесъ, какъ онъ существовалъ послѣ обоготворенія въ отличіе отъ εἴδωλον въ жилищѣ Гадеса.

[2]) Bunsen'a Egypt (т. I, стр. 26, transl.), приведено у Гладстона въ Homeric Synchronism, стр. 261. «Книга мертвыхъ» или «Чинъ погребенія» есть «собраніе молитвъ мистическаго характера, относящихся къ будущему загробному существованію души» (R. S. Poole въ Encycl. Brit. VII, стр. 721). Новѣйшее изданіе: *Naville* «Das aegyptische Todtenbuch». Berlin. (2 тома, фоліо).

крови, души пріобрѣли нѣкоторыя способности живыхъ людей; такъ, напр., онѣ узнали Одиссея и могли говорить съ нимъ [1]).

Гомеръ не знаетъ «острововъ блаженныхъ», они впервые упоминаются у Пиндара. Въ области далекаго Запада находятся, по Гомеру, «Елисейскія поля». «Гдѣ живетъ Радамантъ златовласый, гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка, гдѣ ни мятелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ, гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, океаномъ съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ»; туда не умирая перейдетъ Менелай, потому что жена его Елена—дочь Зевса. (Од. 4,563 и слѣд.).

Таковы главныя черты гомеровской эпохи. Поэзія Гомера, художественно представившая ее, получаетъ значеніе исторіи, такъ какъ ясно, что она внушена дѣйствительною жизнью; была ли эта жизнь современна поэту, или извѣстна ему только изъ сохранившихся преданій, для насъ безразлично.

---

[1]) См. Од. 11,153,390. Не каждый разъ упоминается, что тѣни пьютъ кровь, но поэтъ повидимому считалъ это главнымъ условіемъ: см. Merry примѣч. къ Од. 11,96.

ГЛАВА III.

Гомеръ въ древности.

Вліяніе гомеровскихъ поэмъ. 1. Мы до сихъ поръ разсматривали общій характеръ гомеровскихъ поэмъ и гомеровскаго міра. Ближайшимъ вопросомъ для насъ теперь будетъ изслѣдованіе вліянія Гомера на древнюю Грецію. Это вліяніе прежде всего касалось греческой литературы, но скоро проникло гораздо глубже, во всю жизнь греческаго народа. Панегиристы Гомера, по свидѣтельству Платона, говорили, что онъ «воспиталъ Грецію» [1]). Въ нѣкоторомъ смыслѣ это можетъ быть сказано о всякомъ великомъ національномъ поэтѣ, а о Гомерѣ въ особенности; но не существуетъ другого примѣра, въ которомъ бы воспитательная сила народной поэзіи дѣйствовала столь непосредственно и совершенно на духъ народа.

Долгое время Гомеръ былъ извѣстенъ греческому міру единственно, или главнымъ образомъ, посредствомъ изустнаго разсказа въ собраніяхъ. Какъ понималъ разсказчикъ свою обязанность, сдѣлается для насъ яснѣе, если мы начнемъ съ отношенія Гомера къ странствующимъ пѣвцамъ.

Странствующіе пѣвцы у Гомера. 2. Иліада нигдѣ не упоминаетъ прямо пѣвца (ἀοιδός) [2]) преданій. Въ ней

[1]) Rep. 606. E ὅταν Ὁμήρου ἐπαινέταις ἐντύχῃς, λέγουσιν ὡς τὴν Ἑλλάδα πεπαίδευκεν οὗτος ὁ ποιητής.

[2]) Въ Ил. 24, 720 παρὰ δ' εἷσαν ἀοιδούς. (θρήνων ἐξάρχους) „пѣвцы" при трупѣ Гектора были только запѣвалами, такъ какъ женщины подхватывали ихъ своимъ плачемъ. Единственное другое мѣсто, гдѣ Иліада содержитъ это слово 18, 604, μετὰ δέ σφιν

правда сказано, что ѳракійскій пѣвецъ Ѳамирисъ хвалился «что побѣду похитить онъ въ пѣсняхъ, если и музы при немъ воспоютъ» (2,597), за это гнѣвныя музы, встрѣтивъ его на пути отъ Эврита Эвхалійскаго, ослѣпили и похитили къ пѣснямъ божественный даръ. Здѣсь, кажется, мы имѣемъ указанія па такого поэта, который, во-первыхъ, самъ читалъ свои стихи; во-вторыхъ, которому знакомы состязанія въ поэзіи; въ-третьихъ, который бывалъ гостемъ у вождей. У Ахиллеса нѣтъ пѣвца, который развлекалъ бы его въ ставкѣ; онъ самъ играетъ на лирѣ и поетъ «о славѣ героевъ» (κλέα ἀνδρῶν) 9,189). Патроклъ ожидаетъ въ молчаніи, пока Ахиллесъ «не окончитъ своихъ пѣснопѣній».

Одиссея. Одиссея указываетъ уже на опредѣленное положеніе пѣвца по профессіи (ἀοιδός). Во дворцѣ Алкиноя, царя феакійскаго, глашатай царскій вводитъ слѣпого пѣвца Демодока и сажаетъ его, среди гостей (8,65), на высокое кресло, украшенное серебромъ. Демодокъ поетъ «славу героевъ» (κλέα ἀνδρῶν 8, 73) подъ звуки лиры, выбравъ эпизодъ спора Одиссея съ Ахиллесомъ. Затѣмъ общество выходитъ смотрѣть игры атлетовъ. Въ другой разъ, когда поетъ на пиру Демодокъ, тема для его пѣнія—опять изъ «Троянскихъ преданій»—дана самимъ царственнымъ хозяиномъ, пожелавшимъ слышать эпизодъ о деревянномъ конѣ; и пѣвецъ начинаетъ съ указаннаго ему мѣста (ἔνθεν ἑλών, 8,500).

Въ Итакѣ, во время отсутствія Одиссея, женихи заставили пѣвца Фемія пѣть на своихъ пирахъ. Онъ пѣлъ «плачевное возвращеніе ахеянъ изъ-подъ Трои».

ἐμέλπετο θεῖος ἀοιδός (φορμίζων „игралъ для плясуновъ“ въ одной изъ сценъ Щита); это мѣсто не встрѣчается ни въ одной рукописи, оно было взято Вольфомъ изъ Аѳенея (стр. 180, D), который порицаетъ Аристарха, вычеркнувшаго его изъ текста.

Это увеличило горе Пенелопы и она попросила перемѣнить тему; но Телемахъ замѣтилъ, что не должно порицать пѣвца за эту избранную имъ тему, такъ какъ люди наиболѣе восхищаются пѣсней, содержащей самую свѣжую новость (I, 352). И такъ, въ Одиссеѣ упоминается о двухъ большихъ темахъ для пѣвцовъ; 1) «Гибель Иліоса» (Ἰλίου οἶτος, 8,578), и 2) «Возвращеніе ахеянъ» (Ἀχαιῶν νόστος 1, 326); послѣдняя считается «новѣйшей».

Изъ сравненій, которыя относятся къ искусству пѣвцовъ, замѣчательны: во-первыхъ, сравненіе сдѣланное свинопасомъ Эвмеемъ, который, желая представить Пенелопѣ увлекательность разсказа прибывшаго чужеземца (Одиссея), говоритъ: «онъ восхитилъ меня сидя со мной (Од.17,518) такъ, какъ восхищаетъ человѣка пѣвецъ, котораго боги научили пѣть слова, возбуждающія радость смертныхъ, желающихъ его непрестанно слушать». Во-вторыхъ, сравненіе легкости, съ какою натягивается лукъ Одиссеемъ—со скоростью, съ которой «пѣвецъ пріобыкшій цитрой звонкой владѣть начинать пѣснопѣнья готовясь строитъ ее». (Од. 22, 405).

Вотъ существенныя черты пѣвца или «аэда», какимъ мы находимъ его въ Одиссеѣ: 1) онъ поетъ по внушенію «божества» (ὁρμηθεὶς θεοῦ. Од. 8,499) или «музы»; 2) поетъ для избранныхъ гостей на пиру знатнаго человѣка; 3) сопровождаетъ свое пѣніе звуками лиры; 4) его пѣсня не слишкомъ длинна, хотя и содержитъ нѣкоторые цѣльные эпизоды, взятые изъ обширной повѣсти (напр. изъ похода въ Трою). Если же хозяинъ потребуетъ отъ пѣвца какого-либо отдѣльнаго эпизода, то онъ начинаетъ прямо съ указаннаго ему мѣста.

3. Послѣ описанія «аэдовъ» въ Одиссеѣ, остается пробѣлъ въ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ ними. За-

тѣмъ, уже въ началѣ историческихъ временъ, мы встрѣчаемъ публичныхъ рецитаторовъ, или рапсодовъ (ῥαψῳδός), замѣнявшихъ въ извѣстной степени гомеровскихъ аэдовъ. Древнѣйшіе рапсоды, безъ сомнѣнія, были сами эпическими поэтами, но нельзя предполагать, чтобы это такъ оставалось и послѣ шестого столѣтія до Р. Х. «Рапсодъ» строго значитъ «пѣвецъ сшитыхъ стиховъ»: Пиндаръ (Nem. 2,2) это парафразируетъ ῥαπτῶν ἐπέων ἀοιδός. «Сшивать стихи»— была метафора вмѣсто «сочинять стихи» [1]). Рапсодъ значитъ только рецитировалъ поэтическія произведенія. Это слово, впрочемъ, особенно соотвѣтствуетъ однообразному теченію стиховъ эпоса въ противоположность строфамъ лирики. Но никакъ нельзя объяснять имъ происхожденіе эпоса изъ небольшихъ сказаній.

4. Публичная рецитація поэмъ Гомера рапсодами можетъ быть прослѣжена приблизительно съ 600 г. до Р. Х. и, безъ сомнѣнія, имѣла мѣсто гораздо раньше этого времени. Съ ней встрѣчаемся мы въ Сикіонѣ, въ Сиракузахъ, на Делосѣ, Хіосѣ, Кипрѣ и въ Аѳинахъ. Это показываетъ, какъ широко распространены были поэмы Гомера по греческому міру уже съ раннихъ временъ, какъ у дорійцевъ, такъ и между іонійцами. Въ Аѳинахъ даже было обязательно предписано рецитировать (ῥαψῳδεῖσθαι) Гомера на Великихъ Панаѳинеяхъ,—праздникѣ, бывавшемъ одинъ разъ въ четыре года [2]). Этотъ законъ вѣроятно относится къ 600—500 г. до Р. Х. Далѣе было предписано, чтобы рапсоды на Панаѳинеяхъ рецитировали отдѣльныя части Гомера

---

[1]) Hes. fr. (Гомеръ и Гезіодъ) ἐν νεαροῖς ὕμνοις ῥάψαντες ἀοιδήν (ср. «pangere versus»). ὕμνος можетъ быть (отъ ὑφαίνω) ὑφ—νος= =пряжа, хотя невѣроятно, чтобы въ Одиссеѣ 8, 429 (ἀοιδῆς ὕμνον ἀκούων) слово было употреблено съ сознаніемъ этого значенія.

[2]) καθ' ἑκάστην πενταετηρίδα. Ликургъ «Leocrat». § 102.

по порядку, а не выбирали ихъ по своему усмотрѣнію [1]).

Мѣсто Геродота, гдѣ онъ говоритъ о рецитаціи Гомера въ Сикіонѣ, замѣчательно еще тѣмъ, что показываетъ силу вліянія Гомера на народный духъ грековъ. Клисоенъ, тиранъ Сикіона (600—570 до Р. Х.), будучи жестокимъ врагомъ Аргоса, «прекратилъ состязанія рапсодовъ», говоритъ Геродотъ, потому что «въ гомеровскихъ поэмахъ Аргосъ и аргивяне почти вездѣ восхваляются». Думали, что подъ гомеровскими поэмами нужно здѣсь разумѣть такія, которыя прямо относятся къ Аргосу, какъ напр. Өиваиду; но и въ Иліадѣ аргивяне играютъ важную роль; это имя было собирательнымъ для всего греческаго народа и Агамемнонъ называется господиномъ «Аргоса и острововъ».

Гомериды. 5. На островѣ Хіосѣ жило большое семейство или даже цѣлый родъ, называвшійся гомеридами; полагали, что они были рапсодами, но это сомнительно. Родъ гомеридовъ впервые упоминается у Страбона (около 18 года по Р. Х.); онъ говоритъ, что гомериды гордятся своимъ происхожденіемъ отъ Гомера; но не указываетъ на связь ихъ съ рецитаціей или изученіемъ гомеровской поэзіи. Терминъ «гомериды» у Пиндара и Платона не имѣетъ, кажется, ничего общаго съ семействомъ на Хіосѣ, а просто обозначаетъ «любителей» или «знатоковъ» Гомера, т. е. то же, что и

[1]) Diog. Laertius I, 2, 57. Солонъ ἐξ ὑποβολῆς γέγραφε ῥαψωδεῖσθαι, οἷον ὅπου ὁ πρῶτος ἔληξεν, ἐκεῖθεν ἄρχεσθαι τὸν ἐχόμενον. Plato «Hipparchus» 228. B. Гиппархъ заставилъ рецитаторовъ гомеровскихъ поэмъ ἐξ ὑπολήψεως ἐφεξῆς αὐτὰ διιέναι т. е., чтобы одинъ смѣнялъ попеременно другого. Общій смыслъ ἐξ ὑποβολῆς ясно тотъ же самый; единственный вопросъ только въ томъ, значитъ ли это: 1) «съ общепринятаго текста» или 2) «послѣдовательно»—каждый рецитаторъ имѣлъ бы свою собственную роль, данную ему.

болѣе прозаическій терминъ «гомерики» (Ὁμήρειοι или Ὁμηρικοί) [1].

Рапсоды въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х. 6. Указаніе Геродота на вліяніе Гомера согласно съ изображеніемъ гомерическаго рапсода въ діалогѣ Платона «Іонъ»; изъ него мы узнаемъ, въ чемъ состояло призваніе рапсодовъ за 400—350 лѣтъ до Р. Х. Іонъ, уроженецъ Ефеса, рапсодъ по профессіи, путешествовалъ изъ города въ городъ, рецитировалъ и объяснялъ Гомера передъ многолюдными собраніями. Его слушали на праздникѣ Асклепія въ Эпидаврѣ; теперь онъ пришелъ въ Аѳины рецитировать на Панаѳинеяхъ. Въ такихъ случаяхъ рапсодъ являлся обыкновенно на подмосткахъ (βῆμα), въ богато-вышитомъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ. Онъ рецитировалъ драматически, съ соотвѣтственными жестами и декламаціей. Іонъ говоритъ, что, рецитируя, онъ чувствуетъ сильное возбужденіе: въ трогательныхъ мѣстахъ его глаза наполняются слезами, въ страшныхъ—его волосы на головѣ подымаются дыбомъ. Его слушаютъ «болѣе двадцати

---

[1]) Все, что мы знаемъ о гомеридахъ, можетъ быть сведено къ слѣдующему: 1) Слово это впервые встрѣчается у Пиндара Nem. 2. 2. Ὁμηρίδαι ῥαπτῶν ἐπέων ἀοιδοί: здѣсь оно не относится спеціально къ семейству на Хіосѣ и схоліастъ говоритъ, что Ὁμηρίδαι здѣсь просто называются рецитаторы Гомера, не имѣющіе никакого права называться его потомками; впрочемъ, онъ присовокупляетъ, что слово Ὁμηρίδαι первоначально обозначало потомковъ Гомера; вѣроятно, это мнѣніе онъ основалъ исключительно на формѣ самаго слова. У Платона слово Ὁμηρίδαι встрѣчается трижды (Ion 530 D, Rep. E, Phaedr. 252 B) и значитъ люди, занимающіеся гомеровской поэзіей. Схоліастъ у Плат. Theaet. 179 E (τῶν Ἡρακλειτείων, ἢ ὥσπερ σὺ λέγεις, Ὁμηρείων), имѣетъ Ὁμηρίδας φησὶ τοὺς Ἡρακλειτείους διὰ τὸ τῆς ἀπαιδευσίας θράσος—схоліастъ, кажется, разумѣетъ Ὁμηρίδαι въ смыслѣ Ὁμήρειοι. 2) Семейство или родъ на Хіосѣ назывался Ὁμηρίδαι и упоминается Страбономъ XIV, стр. 645: онъ говоритъ, что такъ называлось ἀπὸ τοῦ ἐκείνου γένους, въ томъ смыслѣ, что Гомеръ былъ изъ Хіоса. Гарпократіонъ, въ своемъ лексиконѣ, упоминаетъ также родъ гомеридовъ, но замѣчаетъ, что дѣло еще спорное, были ли они потомками Гомера.

тысячъ», и по всѣмъ расчетамъ мы должны допустить, что это дѣйствительно такъ было. Стоя на подмосткахъ, рапсодъ видитъ свое собственное настроеніе отраженнымъ въ морѣ приподнятыхъ лицъ; слушатели вмѣстѣ съ нимъ изумляются, негодуютъ, плачутъ. Іонъ чистосердечно признается Сократу, что рапсодъ, котораго не слушаютъ серьезно, который можетъ только смѣшить, имѣетъ достаточную причину самому быть серьезнымъ, потому что онъ можетъ лишиться платы за трудъ.

Это мѣсто важно, какъ свидѣтельство того интереса, съ которымъ греки еще за 4 вѣка до Р. X. вникали въ духъ Гомера. Они требовали, чтобы рапсодъ не только удовлетворялъ одно ихъ любопытство, но дѣйствовалъ бы и на душу. Онъ долженъ былъ всецѣло передавать имъ гомеровскую поэзію. Съ своей стороны, рапсодъ Іонъ цѣнитъ себя и своихъ собратовъ по профессіи выше рецитаторовъ, или актеровъ. Рапсоды стоятъ въ умственномъ родствѣ съ самимъ Гомеромъ, въ нихъ какъ бы вошла часть его души. По собственному выраженію Іона, они «одержимы» Гомеромъ. Сократъ, у Платона, съ тонкою ироніею выражаетъ это уподобленіемъ: муза, говоритъ онъ, подобна камню, который Еврипидъ называлъ магнитомъ, но который обыкновенно называютъ камнемъ гераклейскимъ; поэтъ есть первое звено магнитной цѣпи; а слушатели—послѣднее; рапсодъ же связываетъ то и другое. Предшественниками Іона по профессіи были: Орфей, или Тамирисъ—въ Иліадѣ, Фемій—въ Одиссеѣ, котораго называетъ Сократъ «рапсодомъ итакійскимъ».

7. Іонъ посвятилъ себя исключительно Гомеру; онъ не претендуетъ напр. на знаніе Гезіода, по преимуществу, или на знаніе Архилоха. Хотя и были, по его словамъ, рапсоды, занимавшіеся Орфеемъ или Му-

зеемъ, но большинство занималось исключительно Гомеромъ.

Пѣлся ли когда-либо Гомеръ. Рапсоды времени Платона никогда не пѣли Гомера подъ музыку; правда, что слово ἄδειν—пѣть употреблено о рецитаціи Іона (Плат. Іонъ 532 С, 535 А), но оно могло обозначать всякую торжественную рецитацію; такъ Θукидидъ употребляетъ это слово, говоря о чтеніи стиха оракула (2,53). Пѣли ли вообще когда-либо Иліаду и Одиссею подъ музыку, очень сомнительно. Нѣкогда дѣйствительно существовали героическія сказанія, которыя пѣлись подъ звуки лиры. Но самая форма гомеровскаго стиха едва ли соотвѣтствуетъ такому назначенію. Въ гимнѣ къ Делосскому Аполлону (ст. 170) рапсодъ держитъ лиру, но это могло быть условнымъ символомъ происхожденія искусства рапсодовъ отъ гомеровскихъ «аэдовъ». Гезіодъ описываетъ, какъ боги дали ему вѣтвь лавра, въ свидѣтельство его призванія, и рапсоды гезіодовой школы носили посохъ ῥάβδος, а не лиру.

Рапсодъ какъ толкователь. Іонъ не только рецитировалъ Гомера, но и объяснялъ его. На Панаθинеяхъ, состязающіеся рапсоды рецитировали одинъ за другимъ по порядку: каждый начиналъ тамъ, гдѣ кончалъ его предшественникъ. Объясненія Іона могли имѣть мѣсто только отдѣльно отъ рецитаціи и присоединялись къ ней тогда, когда Іонъ бывалъ единственнымъ рецитаторомъ. Изъ діалога Платона ясно, что эти объясненія Іона были просто реторическимъ парафразомъ; онъ гордился своимъ краснорѣчіемъ и богатствомъ, какъ онъ говоритъ, «своихъ мыслей о Гомерѣ». «Я украсилъ Гомера такъ», утверждаетъ онъ, «что его поклонники должны бы дать мнѣ золотой вѣнецъ». Безъ сомнѣнія, онъ, подобно многимъ другимъ своимъ

товарищамъ, разсуждалъ объ аллегоріяхъ, которыя извращенный умъ открывалъ въ Гомерѣ.

Гомеръ какъ воспитатель. 8. Изученіе Гомера въ школахъ описано въ Протагорѣ Платона. Когда мальчикъ вступалъ въ школу, его учили читать, потомъ давали ему поэтовъ. Ученики сидѣли на скамьяхъ, а учитель «клалъ передъ ними», объяснялъ, «творенія хорошихъ поэтовъ», которыхъ они должны были старательно изучать [1]). Повидимому, изученіе происходило по рукописнымъ экземплярамъ, которые ученики имѣли передъ собой, а не было только изустнымъ. Обученіе служило не только къ образованію литературнаго вкуса ученика и передачѣ ему древнихъ сказаній, но въ особенности преслѣдовало нравственную цѣль, обращало главное вниманіе на нравственныя наставленія (νουθετήσεις) поэта и на восхваленіе великихъ людей древности, «чтобы ученикъ подражалъ ихъ примѣрамъ и старался сдѣлаться такимъ же, какъ они». (Плат. Прот. 326 А).

9. Съ этой точки зрѣнія Гомера считали лучшимъ и величайшимъ воспитателемъ. Въ Симпосіонѣ Ксенофонта (3,5) одинъ изъ гостей говоритъ: «Мой отецъ, заботясь, чтобъ я сдѣлался хорошимъ человѣкомъ, заставилъ меня выучить поэмы Гомера, и теперь я могъ бы сказать всю Иліаду и Одиссею наизусть». «Гомеръ, царь поэтовъ, говоритъ почти о всѣхъ дѣлахъ человѣческой жизни; поэтому, если кто-либо изъ васъ хочетъ сдѣлаться хорошимъ хозяиномъ, или ораторомъ, или полководцемъ, или желаетъ уподобиться Ахиллесу, Аяксу, Нестору, Одиссею, тотъ пусть изучаетъ Го-

---

[1]) Плат. Прот. 325 E παρατιθέασιν αὐτοῖς ἐπὶ τῶν βάθρων ἀναγιγνώσκειν ποιητῶν ἀγαθῶν ποιήματα καὶ ἐκμανθάνειν ἀναγκάζουσιν. ἐκμανθάνειν здѣсь можетъ означать выучивать наизусть, смыслъ, какой слово это имѣетъ въ Legg. 811 A.

мера» (тамъ же 4,6). На Гомера смотрѣли, говоритъ Исократъ, какъ на воплощеніе народнаго эллинскаго чувства. Никто другой не могъ столь ясно выразить эллинское міровоззрѣніе въ противоположность варварскому [1]).

Плутархъ разсказываетъ, что Алкивіадъ, будучи еще юношей, зашелъ однажды къ школьному учителю и попросилъ списокъ Гомера; тотъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ Гомера [2]), Алкивіадъ далъ ему за это пощечину и вышелъ молча. Изъ этого разсказа можно заключить, что хотя Гомера употребляли одинаково при обученіи дѣтей и взрослыхъ, но онъ больше соотвѣтствовалъ пониманію послѣднихъ; таково, вѣроятно, было и мнѣніе учителя, у котораго не нашлось Гомера. До насъ дошелъ забавный отрывокъ изъ комедіи Аристофана («Пирующіе» Δαιταλεῖς), гдѣ одинъ старикъ экзаменуетъ своего сына «въ трудныхъ словахъ у Гомера» (Ὁμήρειοι γλῶσσαι) и задаетъ ему вопросы, что̀ значитъ *ἀμενηνὰ κάρηνα* и т. п.; а молодой человѣкъ, представитель новыхъ идей и новорожденной любви къ сутяжничеству, спрашиваетъ въ свою очередь отца объ устарѣлыхъ словахъ въ законахъ Солона [3]).

10. Въ «Лягушкахъ» Аристофана нѣкоторые поэты охарактеризованы тѣми своими ученіями, на которыя они обращали особое вниманіе; такъ, Орфей учитъ мистическимъ обрядамъ и воздержанію отъ животной пищи. Музей даетъ пророчества и научаетъ какъ изгонять чуму. Гезіодъ есть поэтъ семейныхъ людей. Гомеръ — поэтъ преимущественно воиновъ [4]).

---

[1]) Панегерикъ § 159.

[2]) Плут. Алкивіадъ 7, *βιβλίον ᾔτησεν Ὁμηρικόν, εἰπόντος δὲ τοῦ διδασκάλου μηδὲν ἔχειν Ὁμήρου κονδύλῳ καθικόμενος παρῆλθεν.*

[3]) Это мѣсто объясняется Лисіемъ (въ 10 рѣчи § 15 и слѣд.), гдѣ приводятся слова изъ „древнихъ законовъ Солона“, уже непонятныя въ 400-мъ году до Р. Х.

[4]) Гомеръ учитъ *τάξεις, ἀρετάς, ὁπλίσεις ἀνδρῶν* (*Лягушки* 1036).

Рапсодъ Іонъ говоритъ Сократу про себя, что не знаетъ навѣрно, сдѣлало ли изученіе Гомера изъ него хорошаго возницу, или медика, или рыбака, или прорицателя; но увѣренъ, что сдѣлался хорошимъ полководцемъ. Аѳиняне, замѣтилъ съ насмѣшкой Сократъ, нуждаются въ такихъ вождяхъ какъ ты и странно, что они тебя не пригласили къ себѣ на службу; Іонъ отвѣчалъ, что отъ этого удержало аѳинянъ ихъ предубѣжденіе противъ иностранцевъ.

Знаменитый протестъ Платона противъ воспитательнаго значенія миѳовъ въ особенности направленъ противъ Гомера, но, кажется, онъ существенно не повліялъ на положеніе Гомера въ дѣлѣ воспитанія эллиновъ. Въ концѣ перваго столѣтія нашей эры Діонъ Хризостомъ говоритъ, что поэмы Гомера все еще употреблялись при начальномъ обученіи дѣтей [1]).

Вліяніе Гомера на греческую религію. 11. Геродотъ замѣчаетъ (2,13), что Гомеръ и Гезіодъ создали греческую Ѳеогонію; они выполнили это, въ четырехъ отношеніяхъ. Они дали богамъ ихъ прозванія (ἐπωνυμίαι), Гомеръ называетъ Зевса Κρονίδης, Аѳину Τριτογένεια; опредѣлили область дѣйствія каждаго— Посидонъ есть богъ моря, Аресъ — богъ войны и пр.; обозначили ихъ занятія (τέχναι) — Гефестъ есть ремесленникъ, Аѳина учитъ вышивать; указали на ихъ личную и нравственную характеристику (εἴδη). Такое мнѣніе Геродота о Гезіодѣ вѣрно въ томъ смыслѣ, что его Ѳеогонія есть собраніе генеалогическихъ подробностей. Гомеръ же старался гораздо шире выразить народныя понятія о богахъ; онъ создалъ типы боговъ, какъ они жили въ воображеніи грековъ. Хотя, правда, что, даже не гонявшіеся за аллегоріями, писатели думали, что онъ иногда съ

[1]) Εὐθὺς ἐξ ἀρχῆς, or. 11, стр. 308.

сознательною дидактическою цѣлью измѣнялъ типы боговъ. Такъ, Исократъ говоритъ, что Гомеръ представилъ совѣщаніе боговъ съ намѣреніемъ, чтобы показать, что если даже сами боги не знаютъ будущаго, то тѣмъ менѣе могутъ знать его люди [1]).

12. Но творенія, созданныя наивнымъ геніемъ поэта, не слѣдуетъ разсматривать столь узко. Гомеровская миѳологія содержитъ разнообразные элементы, принадлежащіе къ разнымъ періодамъ міровоззрѣнія, сліяніе которыхъ не совершилось еще вполнѣ. Грубыя и смѣшныя черты не исключены, но безобразныя стороны, общія всѣмъ первобытнымъ миѳологіямъ, совершенно устранены. Не встрѣчается любовныхъ сношеній боговъ въ образѣ животныхъ; нѣтъ Кроноса, пожирающаго своихъ дѣтей, какъ у Гезіода. Такія описанія изобиловали въ древнихъ греческихъ храмовыхъ легендахъ, какъ это видно изъ Павзанія, но ничего подобнаго не допускалъ геній великаго поэта. Далѣе, Гомеръ оказалъ великую услугу грекамъ, внушивъ имъ сознаніе, что ихъ собственное религіозное чувство было выше ихъ миѳологіи—черта, наблюдаемая и у другихъ народовъ; она проявляется естественно яснѣе, когда получаетъ поэтическое выраженіе.

Герои. Гомеръ былъ высшимъ авторитетомъ во всемъ, что касалось героевъ, упомянутыхъ въ обѣихъ его знаменитыхъ поэмахъ. Нѣкоторые изъ этихъ героевъ сдѣлались въ историческое время предметомъ почитанія, но у Гомера не встрѣчаемъ указаній на обоготвореніе людей послѣ смерти [2]). Гомеровскія поэмы,

---

[1]) Adv. Sophistas, § 2.

[2]) Такъ, въ Иліадѣ (3,243) Діоскуры—просто люди, умершіе и погребенные въ Лакедемонѣ. Позднѣйшее преданіе о ихъ попемѣнномъ безсмертіи мы встрѣчаемъ въ Одиссеѣ (11,299—304). Гезіодъ первый назвалъ героевъ ἡμίθεοι (Op. 160); Гомеръ никогда ихъ такъ не называетъ исключая Ил. 12,23 стихъ позд-

кажется, имѣли, отрицательное вліяніе на разнообразные мѣстные культы въ позднѣйшее время. Обыкновенно, жрецы, принявшіе преданіе отличное отъ разсказаннаго Гомеромъ, сами должны были доказывать его справедливость. Но мы не должны придавать слишкомъ большого значенія подобному ограничивающему вліянію, такъ какъ иногда его совсѣмъ не замѣчалось [1]).

Взглядъ грековъ на Гомера какъ на историка. 13. Греки справедливо смотрѣли на Гомера, какъ на своего древнѣйшаго историка. Но характеръ историка, который они придавали ему, не соотвѣтствовалъ тому, на который онъ дѣйствительно имѣлъ право, какъ бытописатель древнѣйшей цивилизаціи. Они вѣрили, что событія и лица, имъ описанныя, существовали въ дѣйствительности. Это общее вѣрованіе не теряло своей силы отъ критики мелочей, или отъ разницы во взглядахъ на сверхъестественные элементы. Ѳукидидъ отличался въ этомъ случаѣ отъ Геродота только тѣмъ, что онъ гомеровскихъ героевъ низводилъ на уровень обыкновенныхъ людей, но содержаніе поэмъ для него было не менѣе реально, чѣмъ и для Геродота. Ѳукидидъ смотритъ на Каталогъ Гомера, какъ на историческій документъ, преувеличивающій, можетъ быть, числа, но тѣмъ не менѣе вообще достовѣрный. Онъ считаетъ феаковъ за историческій народъ, обитавшій на Коркирѣ.

Древнія ссылки на его авторитетъ. Ссылки на авторитетъ Гомера встрѣчаются не рѣдко въ древне-греческой литературѣ. Такъ, когда предстояло вторженіе

нѣйшей интерполяціи. Всякій выдающійся свободный человѣкъ у него называется ἥρως (родств. лат. vir). Культъ ἥρωες впервые упомянутъ у Пиндара.

[1]) Гробницу Кастора показывали и въ Аргосѣ (Plut. Quaest. Gr. c. 23). Гомеровское сказаніе объ убійствѣ Агамемнона (Od 4,530) и миѳъ объ Эдипѣ отличны отъ позднѣйшихъ варіантовъ.

Ксеркса, Спарта и Аѳины послали просить помощи у Гелона Сиракузскаго; Гелонъ заявилъ, что онъ поможетъ, если его изберутъ главнымъ начальникомъ; спартанцы отвѣтили на это, что Агамемнонъ повернулся бы въ гробу, услышавъ такое предложеніе, аѳиняне же дали тонко замѣтить, что они послали уже, согласно Гомеру, наилучшаго человѣка—Менесѳея военачальникомъ подъ Трою [1]). Когда аѳиняне спорили съ мегарянами за обладаніе островомъ Саламиномъ, то привели мѣсто изъ Иліады 2, 558, изъ котораго видно, что саламинянинъ Аяксъ ставилъ свои корабли подлѣ аѳинскихъ (Арист. Ритор. I, 15). Периклъ, въ надгробной рѣчи, по свидѣтельству Ѳукидида, говорилъ, что Аѳины по своимъ достоинствамъ не нуждаются въ похвалѣ Гомера [2]). Смыслъ этого мѣста будетъ понятенъ, если припомнимъ, что греческія государства и отдѣльные роды приводили Гомера въ доказательство своего доисторическаго величія; въ другомъ мѣстѣ Ѳукидидъ противопоставляетъ невзрачность Микенъ его времени прошедшему величію этого города, описанному Гомеромъ.

Поэмы, приписываемыя Гомеру въ древности. 14. Уже въ 7-мъ вѣкѣ до Р. Х. кромѣ Иліады и Одиссеи Гомеру приписывались народомъ и другія поэмы. Каллинъ, жившій около 690 г. до Р. Х., считалъ, по словамъ Павзанія (9, 9, 5), Гомера авторомъ эпоса Ѳиваиды. Изъ Геродота слѣдуетъ, что эпосъ Кипріи и другой эпосъ Эпигоны признавались за творенія Гомера. Геродотъ не выражаетъ въ этомъ отношеніи своего мнѣнія о Эпигонахъ, а замѣчаетъ только, что Го-

---

[1]) Herod. 7, 159—161, ср. Ил. 7, 125 и 2, 552.

[2]) Thuc. 2, 41, § 4: ср. 1, 10, § 1 (въ Микенахъ).

меръ не могъ быть авторомъ Кипрій, такъ какъ въ нихъ находится фактъ, противорѣчащій Иліадѣ [1]).

Это показываетъ, какъ мало обращали тогда вниманія на стиль, языкъ и духъ произведеній поэта; если только не было явнаго противорѣчія, то все, приписываемое поэту, признавалось подлиннымъ, или же вопросъ оставался открытымъ. Комическая поэма «Маргитъ» приписывалась Аристотелемъ Гомеру [2]). Многія другія юмористическія произведенія также приписывались Гомеру, изъ нихъ наиболѣе извѣстна пародія «Война мышей и лягушекъ» (Батрахоміомахія) [3]). Такъ называемыя эпиграммы суть не что иное, какъ отрывки народныхъ стихотвореній, пріобрѣтшихъ характеръ пословицъ; нѣкоторыя изъ нихъ очень древни [4]). Гимны также считались произведеніями Гомера. Ѳу-

---

[1]) Herod. 2, 117 (Cypria); 4, 32 (Epigoni). По Кипріямъ, какъ это указываетъ Геродотъ, Парисъ переправился въ три дня изъ Спарты прямо въ Трою, тогда какъ по Иліадѣ онъ по дорогѣ посѣщаетъ еще Сидонъ. Ранѣе того, какъ Кипріи были приняты въ эпическій киклъ, это мѣсто было измѣнено (какъ мы знаемъ изъ Прокла): вставлена была буря, которою Парисъ отнесенъ былъ въ Сидонъ.

[2]) Poet. 4. Маргитъ—безтолковая личность, пробующая всевозможное, но ничего неумѣющая. Только немногіе стихи дошли до насъ, изъ нихъ характеренъ: πόλλ'ἠπίστατο ἔργα, κακῶς δ'ἠπίστατο πάντα (Plat.) Alcib. II, 147 B). Произведеніе это не старѣе 700 г. до Р. Х. Аристотель принимаетъ его за гомеровское начало комедіи, тогда какъ серьезные эпосы были началомъ трагедіи.

[3]) Это комико-героическое стихотвореніе, отъ котораго осталось 305 стиховъ, не можетъ быть старѣе 160 г. до Р. Х.; оно приписывалось нѣкоторыми Пигрету, брату (?) Артемизіи, около 475 до Р. Х. Позднѣйшія παίγνια были безъ сомнѣнія на основаніи «Маргита» приписываемы Гомеру.

[4]) 16 «эпиграммъ», содержащія всѣ вмѣстѣ 109 гекзаметровъ, обыкновенно печатались вмѣстѣ съ поэмами Гомера (какъ напр. у Didot). Изъ 16 только 3 содержатъ по 10 стиховъ. Упоминаемыя въ нихъ мѣстности всѣ находятся на западномъ берегу Малой Азіи (исключая 16-ой эпиграммы, въ которой рѣчь идетъ объ Аркадіи): именно Эолійская *Киме* (2, 4) *Неонтэйхосъ* колонія Киме на рѣкѣ *Гермосъ* (1), гора *Ида* (10), Эолійско-іонійская *Смирна* и рѣка *Мелетъ* (4). Іонійскія *Эритры* напротивъ Хіоса (7) и мысъ *Мимасъ* (6). *Самосъ* (заглавіе 12-й эпигр.). Быть можетъ

кидидъ (3, 104) цитируетъ гимнъ Аполлону Делосскому, говоря объ іонійскихъ праздникахъ на Делосѣ, и положительно считаетъ Гомера и слѣпого пѣвца «на скалистомъ Хіосѣ» за одно лицо.

Извѣстія о жизни Гомера. 15. Это приводитъ насъ къ древнимъ извѣстіямъ о жизни Гомера. Очень вѣроятно, что почти всѣ эти извѣстія основаны на поэмахъ, приписываемыхъ Гомеру народнымъ преданіемъ; въ нихъ, думали, содержатся указанія самого поэта о своей жизни. Въ особенности это относится къ разнообразнымъ легендамъ о его мѣсторожденіи. Въ Маргитѣ говорится напр., что авторъ былъ «старецъ, божественный пѣвецъ», пришедшій въ Колофонъ. Делосскій гимнъ подтверждалъ мнѣніе о происхожденіи Гомера съ острова Хіоса. Одна изъ эпиграммъ приводилась въ пользу Смирны, другая поддерживала Кимé. Прочими соперниками были: небольшой островъ Іосъ въ группѣ Кикладъ, на которомъ показывали гробницу Гомера, затѣмъ Родосъ, Саламинъ, Итака, Аргосъ, Аѳины, Ѳессалія и Египетскія Ѳивы. Но излюбленными мѣстами были Смирна, Хіосъ и Колофонъ; изъ нихъ древній міръ указывалъ преимущественно на Смирну [1]. Замѣчательно, что изъ большихъ іоній-

самая интересная изъ этихъ эпиграммъ есть 4-ая; въ ней поэтъ жалуется на дурной пріемъ въ Кимé, куда онъ пришелъ изъ Смирны, и думаетъ уходить отъ негостепріимныхъ людей.

[1]) Антипатръ Сидонскій (около 100 г. до Р. Х.), въ своей эпиграммѣ (Anthol. Planudea 4, 296), ставитъ напередъ трехъ главныхъ соперниковъ:—οἱ μὲν σου Κολοφῶνα τιθηνήτειραν, Ὅμηρε, οἱ δὲ καλὰν Σμύρναν, οἱ δ᾽ ἐνέπουσι Χίον. Другая эпиграмма была ἑπτὰ πόλεις διερίζουσιν περὶ ῥίζαν Ὁμήρου | Σμύρνα, Ῥόδος, Κολοφών, Σαλαμίν, Ἴος, Ἄργος, Ἀθῆναι. Двѣ другія версіи этого съ небольшою разницею встрѣчаются въ Anthol. Plan. 4, 297, 298. Извѣстно латинское двустишіе «Smyrna, Rhodos, Colophon, Salamis, Chios, Argos, Athenae, Orbis de patria certat, Homere, tua». Египетскія Ѳивы прибавлены у Лукіана Encom. Demosth. § 9. Свида приводитъ громадный списокъ включая даже Римъ. Страбонъ упоминаетъ Смирну какъ τὴν ὑπὸ τῶν πλείστων λεγομένην αὐτοῦ

скихъ городовъ только Милетъ не связанъ съ Гомеромъ никакимъ преданіемъ.

Жизнь Гомера. Всѣ дошедшія до насъ греческія жизнеописанія Гомера принадлежатъ къ болѣе позднему времени и вѣроятно были составлены не раньше второго вѣка по Р. Х., богатаго разными риторическими поддѣлками. Тѣ, которые приписывали жизнеописаніе Гомера на іонійскомъ діалектѣ Геродоту, противорѣчатъ мѣсту его исторіи, гдѣ онъ говоритъ, что Гомеръ жилъ за 850 лѣтъ до Р. Х. Нѣкоторые современники Геродота, можетъ быть, принимали болѣе раннее время. Поэмы Гомера, какъ говоритъ сказаніе, были сохранены и распространены не сыномъ его, а другомъ— Креофиломъ Самосскимъ, потомки котораго, поселившіеся на Критѣ, передали ихъ спартанцу Ликургу: въ лицѣ его, можетъ быть, мы видимъ одного изъ первыхъ рапсодовъ, который былъ въ то же время и поэтъ.

Древнѣйшія свидѣтельства о Гомерѣ. Древнѣйшее указаніе на Гомера въ литературѣ встрѣчается въ одномъ потерянномъ для насъ стихотвореніи Каллина, около 690 г. до Р. Х., упоминаемомъ Павзаніемъ, какъ сказано выше (§ 14). Древнѣйшее свидѣтельство о Гомерѣ въ отрывкѣ, дошедшемъ до насъ, принадлежитъ философу Ксенофану Колофонскому (около 500 л. до Р. Х.); онъ говоритъ, что Гомеръ и Гезіодъ приписали богамъ все, что есть постыднаго у людей [1].

πατρίδα. См. Geddes. Problem of the Hom, Poems, стр. 239. Замѣчательно, что древніе миѳы (сократившіеся вь «vitae») называютъ Гомера Μελησιγενής, сыномъ рѣки Мелеса у Смирны и Нимфы Хризэнды. Смирна была эоло-іонійскимъ городомъ.

[1]) У Секста Эмпирика adv. Mathem. 9, 193 πάντα θεοῖς ἀνέθηκαν Ὅμηρός θ' Ἡσίοδός τε ὅσσα παρ' ἀνθρώποισιν ὀνείδεα καὶ ψόγος ἐστί κλέπτειν μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπατεύειν. Сатирикъ Тимонъ (270 л. до Р. Х.) называлъ Ксенофана ὁμηραπάτης ἐπικόπτης (порицатель гомеровскихъ вымысловъ), или, по Kühn'у, Ὁμηροπάτης, т. е. попиратель Гомера. Гераклитъ, современникъ Ксенофана, говорилъ,

Древнѣйшую цитату изъ Гомера мы находимъ въ сохранившемся отрывкѣ изъ Симонида Кеосскаго [1]), родившагося за 556 лѣтъ до Р. Х.; онъ приводитъ мѣсто Ил. 6, 148, какъ изреченіе «Хіосскаго мужа».

Такимъ образомъ, хотя у древнихъ грековъ личность Гомера не подлежала сомнѣнію, но тѣмъ не менѣе она была темна и окружена разными легендами. Мы видѣли, что подобная же неопредѣленность господствовала въ вопросѣ о подлинности его твореній: каждое произведеніе въ эпическомъ размѣрѣ приписывали Гомеру, если оно только было достаточно хорошо по содержанію. Однимъ словомъ, до Александрійской эпохи Греція смотрѣла на Гомера безъ всякой критики.

16. Но хотя онъ не былъ предметомъ критическаго изученія, тѣмъ не менѣе однакожъ вліялъ на умственную дѣятельность. Въ шестомъ, пятомъ и четвертомъ столѣтіи до Р. Х. гомеровская поэзія давала разнообразное занятіе остроумнымъ или легкомысленнымъ людямъ. Почти въ самомъ началѣ философскаго созерцанія въ Греціи нравственное чувство нѣкоторыхъ мыслителей возстало противъ Гомеровскаго изображенія боговъ. Протестъ Ксенофана мы только что привели. Отсюда развилась школа толкователей Гомера, находившихъ вездѣ аллегорію.

Аллегорическое толкованіе. Къ аллегоріи всегда прибѣгали защитники Гомера. Θеагенъ Регійскій около 525 г. до Р. Х. упоминается какъ древнѣйшій изъ этихъ аллегориковъ [2]). Онъ соединилъ два способа

(это упоминаетъ Діогенъ Лаэртійскій 9, 1), что Гомеръ и Архилохъ достойны плети. Геракл., стр. 119.

[1]) Или Симонидъ Аморгинскій (660 л. до Р. Х.), какъ полагаетъ Bergk, на основаніи стиля (Poet. Lyr. 3 изд. стр. 1146). Отр. 85 ἓν δὲ τὸ κάλλιστον Χῖος ἔειπεν ἀνήρ, οἵηπερ φύλλων γενεή, τοίηδε καὶ ἀνδρῶν.

[2]) Θεαγένης ὁ Ῥηγῖνος, ὁ κατὰ Καμβύσην γεγονώς упоминается у Tatiana adv. Graec. § 48 (цитир. у Евсевія Praep. Evang. X. 2)

аллегорій, которые впослѣдствіи различались — нравственный (или умственный) и физическій: такъ, Гера была воздухъ; Афротида—любовь. Нравственная аллегорія продолжена въ слѣдующемъ столѣтіи Анаксагоромъ: онъ объяснялъ Зевса как разумъ, Аѳину какъ искусство. Физическій способъ аллегоріи былъ развитъ Метродоромъ изъ Лампсака. Аристотель также говоритъ объ аллегорикахъ, какъ о «древнихъ толкователяхъ Гомера» (οἱ ἀρχαῖοι Ὁμηρικοί) и замѣчаетъ, что «они видятъ малое сходство и упускаютъ изъ виду большое». (Metaph. 13. 6,7). Аллегорики классическаго періода нашли себѣ соревнователей въ неоплатоникахъ третьяго столѣтія по Р. Х., которые открывали въ Гомерѣ свои собственныя мистическія ученія [1].

Реторическая критика. 17. Реторическая діалектика занялась также Гомеромъ, иногда примѣняя родъ софистическаго анализа, чтобы показать несообразности въ мысляхъ и языкѣ Гомера. Софистъ Протагоръ, примѣнившій этотъ методъ къ Симониду (у Платона Prot. 399 A), возражаетъ противъ выраженія μῆνιν ἄειδε θεά, ибо поэтъ по его мнѣнію долженъ былъ просить богиню, а не приказывать ей [2]. Иногда мы слышимъ

во главѣ ряда древнѣйшихъ писателей о поэзіи, рожденіи и времени жизни поэта. Во времена Платона (ср. Іонъ 530 D) лучшей славой какъ толкователь Гомера пользовался Стесимбротъ Ѳазосскій и Метродоръ Лампсакскій, они упомянуты вмѣстѣ съ Ѳеагеномъ и Анаксагоромъ въ Scholia Veneta. Вольфъ прекрасно характеризуетъ методъ аллегористовъ „interpretatione corrigere fabulas atque ad physicam et moralem doctrinam suae aetatis accommodare denique historias et reliqua fere omnia ad involucra exquisitæ sapientiae trahere coeperunt“ (Proleg. CXXXVI).

[1]) Порфирій (около 270 г. по Р. Х.), ученикъ Плотина, оставилъ намъ примѣръ подобной аллегоріи въ своемъ трактатѣ Περὶ τοῦ ἐν Ὀδυσσείᾳ τῶν Νυμφῶν ἄντρου, гдѣ гротъ Нимфъ въ Одиссеѣ описанъ иносказательно съ точки зрѣнія неоплатониковъ.

[2]) Εὔχεσθαι οἰόμενος ἐπιτάττει (Арист. Poet 21). См. Spengel συναγωγὴ τεχνῶν стр. 45. Аристрофанъ насмѣхается надъ этимъ софистическимъ методомъ въ «Лягушкахъ», гдѣ Еврипидъ критикуетъ употребленіе нѣкоторыхъ словъ у Эсхила.

декламаціи на темы изъ Гомера. Такъ, софистъ Гиппій дѣлаетъ Гомера предметомъ «рѣчей» на олимпійскихъ праздникахъ. Въ одномъ діалогѣ Платона (Гиппій младшій) Гиппій увѣряетъ, что Ахиллесъ—самый храбрый, Несторъ—самый мудрый и Одиссей—самый низкій изъ характеровъ Гомера. Оба эти метода, аналитическій и декламаторный, были вѣроятно примѣнены и извѣстнымъ порицателемъ Гомера Зоиломъ Амфипольскимъ (около 280 г. до Р. Х?), который служитъ прекраснымъ типомъ этого класса софистовъ [1]).

Раціонализирующая критика. 18. Другой методъ объясненія Гомера старался свести разсказъ поэта на общеизвѣстный, историческій фактъ. Өукидидъ даетъ примѣры этого; онъ говоритъ, что греческіе вожди отправились въ Трою не потому, что они обѣщали отцу Елены отмстить за нее, а потому, что они были подчинены Агамемнону; далѣе онъ объясняетъ десятилѣтнее сопротивленіе Трои тѣмъ, что греческія войска отчасти были заняты добываніемъ провіанта. Мы можемъ предположить, что этотъ методъ былъ вполнѣ развитъ Каллисөеномъ (около 330 г. до Р. Х.), который въ своей исторіи Греціи посвятилъ троянской войнѣ цѣлую главу. То же направленіе часто замѣчается у позднѣйшихъ писателей, какъ напр. у Полибія, Діодора, Страбона и Павзанія [2]).

Замѣчанія Аристотеля о Гомерѣ, характеризующія эпическую поэзію, были упомянуты въ главѣ I (стр. 4).

---

[1]) Lehrs думаетъ, что изъ сочиненій, приписываемыхъ Зоилу, ψόγος Ὁμήρου было декламаціей, между тѣмъ какъ κατὰ τῆς τοῦ Ὁμήρου ποιήσεως λόγοι ἐννέα (Suidas) было соч. въ духѣ софистическаго анализа.

[2]) Прагматическій методъ критики особенно связанъ съ именемъ сицилійца Эвгемера (около 330 г. до Р. Х.); отличительной чертой его теоріи было, что боги, точно также какъ герои, были людьми и только послѣ смерти обоготворены потомствомъ. Такимъ образомъ раціонализмъ Өукидида не доходитъ до крайностей Эвгемеризма.

Аристотель написалъ также дошедшій до насъ трактатъ о трудностяхъ, встрѣчающихся у Гомера [1]).

19. Но только въ Александріи развилась истинная критика Гомера. Матеріалы для нее были впервые собраны въ такихъ большихъ библіотекахъ какъ Александрійская и Пергамская. Наши знанія объ этихъ матеріалахъ мы почерпаемъ изъ гомеровскихъ схолій.

Александрійскіе матеріалы для критики Гомера. Изданія Гомера въ Александрійской библіотекѣ раздѣлялись главнымъ образомъ на два класса: 1) Изданія, извѣстныя подъ собственными именами издателей. Древнѣйшее изданіе этого класса носило имя Антимаха изъ Клароса въ Іоніи (около 410 г. до Р. Х.). Такія изданія иногда упоминаются отдѣльно подъ именемъ издателя, напр. ἡ Ἀντιμάχειος (sc. ἔκδοσις) или они цитируются какъ цѣлое, напр. «частное изданіе» (αἱ κατ' ἄνδρα) [2]). 2) Другой классъ состоялъ изъ изданій, извѣстныхъ только по имени городовъ. Таковы были изданія массалійское, хіосское, аргивское, синопское, кипрское [3]); когда ихъ

---

[1]) ἀπορήματα (или ζητήματα или προβλήματα) Ὁμηρικά. Порфирій часто ссылается на этотъ трактатъ въ своихъ собственныхъ ζητήματα Ὁμηρικά, но книга, изъ которой онъ приводитъ мѣста, не могла быть, какъ полагаетъ Lehrs, дѣйствительно произведеніемъ Аристотеля (De Aristarchi Stud. Hom., стр. 222). Термины ἐνστατικοί (порицатели) и λυτικοί (защитники) спеціально употреблялись о грамматикахъ, порицавшихъ или защищавшихъ мѣста въ Гомерѣ.

[2]) У Аристарха было по меньшей мѣрѣ шесть такихъ изданій отъ конца 5-го до начала 2-го столѣтія до Р. Х.,—это Антимаха, Зенодота, Ріана (александрійскаго поэта), Созигена, Филемона и Аристофана. У Дидима (около 30 г. до Р. Х.) было изданіе Каллистрата, а можетъ быть и другихъ. У Плат. (Alcib. 7) школьный учитель (около 420 г. до Р. Х.) говоритъ, что онъ имѣлъ Гомера, «исправленнаго имъ самимъ» (ὑφ' αὑτοῦ διωρθωμένον). Анекдотъ указываетъ на свободу, какая въ каждой διόρθωσις въ прежнее время давалась частному капризу.

[3]) ἡ Μασσαλιωτική, ἡ Ἀργολική, ἡ Σινωπική, ἡ Κυπρία (или Κύπριος); эти пять изданій были, кажется, единственными городскими изданіями, которыми пользовался Аристархъ. Они приведены здѣсь въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ болѣе частому

приводили въ совокупности, то называли «городскими изданіями» (αἱ κατὰ πόλεις) [1]. Нѣтъ доказательствъ, чтобы они представляли текстъ, утвержденный для общаго употребленія. Вѣроятно, что ихъ названія обозначаютъ мѣсто ихъ происхожденія, причемъ ихъ корректора остались неизвѣстны. Кромѣ этихъ двухъ разрядовъ изданій извѣстны и другіе тексты, которые назывались «обыкновенными» или «народными» (κοιναί, δημώδεις). О нихъ писали, что они изданы «съ меньшимъ стараніемъ» (εἰκαιότεραι) въ противоположность другимъ, отличавшимся большею тщательностью или ученостью (χαριέστεραι).

Древняя вульгата. Взятые вмѣстѣ списки, извѣстные александрійцамъ, основывались на древнемъ текстѣ вульгаты, источники которой намъ неизвѣстны. Это доказывается небольшою только разницею въ текстѣ этихъ списковъ. Александрійскіе критики указываютъ на разницу въ чтеніи только отдѣльныхъ стиховъ, или на очень незначительные пропуски, или прибавки. Не встрѣчается слѣдовъ большой разницы въ чтеніи, или въ расположеніи. Этого не могло случиться, если бы ранѣе не существовало общаго традиціоннаго основанія.

Зенодотъ. 20. Ранняя пора гомеровской критики въ Александріи относится къ періоду отъ 270 г. до 150 г. до Р. Х. и связана съ именами Зенодота, Аристофана, Аристарха.

Зенодотъ, уроженецъ Ефеса, былъ назначенъ библіотекаремъ Александрійскаго музея Птоломеемъ Филадель-

---

или рѣдкому упоминанію въ схоліяхъ. Изданія изъ Массаліи и Аргоса содержали Одиссею и Иліаду вмѣстѣ; о другихъ мы въ этомъ отношеніи ничего не знаемъ. Критское изданіе (Κρητική) вѣроятно не было подъ руками у Аристарха. Αἰολική цитируется только для нѣкоторыхъ варіантовъ въ Одиссеѣ. См. Ludwich, Aristarchus, Homerische Textkritik, I, 4.

[1]) Такъ αἱ ἀπὸ (или ἐκ, или διὰ) τῶν πόλεων: или подобно αἱ τῶν πόλεων, или αἱ πολιτικαί.

фомъ, царствовавшимъ отъ 285 до 247 г. до Р. Х. Имъ изданы гомеровскія поэмы и гомеровскій словарь (Ὁμηρικαὶ γλῶσσαι). Во главѣ новой школы критиковъ онъ явился человѣкомъ даровитымъ, съ критическимъ направленіемъ ума, но безъ соотвѣтственнаго критическаго метода. Онъ требовалъ изученія гомеровскаго стиля; но не съумѣлъ поставить это изученіе на твердую почву. Одной изъ причинъ этого было то, что онъ часто пренебрегалъ различіемъ между гомеровскимъ употребленіемъ слова и обыденнымъ. Что касается діалекта, то онъ не зналъ строгой разницы между древне-іонійскою и ново-іонійскою рѣчью. Надѣясь слишкомъ на свое чутье гомеровскаго духа, онъ допустилъ нѣсколько произвольныхъ поправокъ; тѣмъ не менѣе имъ былъ открытъ новый методъ критики; его сочиненіе пріобрѣло большую славу и пользовалось продолжительнымъ вліяніемъ.

Аристофанъ. 21. Аристофанъ Византійскій, около 200 до Р. Х., былъ ученикомъ Зенодота и наслѣдникомъ его (хотя и не непосредственнымъ) по должности библіотекаря. Онъ также издалъ критически Гомера. Мы не можемъ доказать, чтобъ его сочиненіе основывалось на трудѣ Зенодота; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно превосходитъ послѣдній. Аристофанъ обращалъ большое вниманіе на свидѣтельства рукописей. Его блестящее образованіе часто позволяло ему защищать чтенія, которыя его предшественники слишкомъ опрометчиво изгнали изъ текста [1]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда Зенодотъ выпускалъ стихъ изъ текста (οὐδὲ ἔγραφε), Аристофанъ ограничивался постановкой передъ нимъ знака, чтобы показать, что онъ ложенъ ἀθετεῖν. Разница критики этихъ двухъ ученыхъ хорошо выражена въ примѣрѣ, приведенномъ Lehrs'омъ (стр. 352). Анакреонъ описываетъ козленка, лишеннаго κεροέσσης... ματρός. Зенодотъ исправилъ ἐροέσσης («милой») на основаніи того, что только самцы имѣютъ рога. Аристофанъ защищалъ первое чтеніе, до-

Аристархъ. 22. Аристархъ [1]), уроженецъ Самоѳракіи, былъ ученикомъ Аристофана и его наслѣдникомъ по должности главнаго библіотекаря. Время его дѣятельности обнимаетъ первую половину второго вѣка до Р. Х.; высшей степени она достигла около 160 г. до Р. Х. Онъ способствовалъ изученію Гомера тремя своими трудами; 1) συγγράμματα, разсужденія спеціально по гомеровскому вопросу, часто въ полемическомъ духѣ; 2) ὑπομνήματα, полные комментаріи къ тексту Гомера; они имѣли отчасти законченную форму, отчасти были отрывочны и записаны имъ самимъ для пользованія при чтеніяхъ, или составлены его слушателями; 3) ἐκδόσεις—изданія текста; онъ публиковалъ ихъ два [2]), второе изданіе явилось, кажется, позже комментарій и вѣроятно было послѣднимъ трудомъ его по Гомеру. Въ своемъ текстѣ Гомера онъ употреблялъ особые условные знаки, родъ шифра, посредствомъ котораго его читатели съ перваго раза могли видѣть, что онъ считаетъ какой-либо стихъ просто за вставку или думаетъ, что поставленъ не на своемъ мѣстѣ, или что въ немъ есть нѣчто, объясненное уже въ комментаріяхъ. Эта система знаковъ употреблялась александрійцами еще до него и особенно развилась у позднѣйшихъ грамматиковъ [3]).

казывая что поэты приписываютъ рога самцамъ и самкамъ безразлично. Schol. Pind. Ol. 3.52: Aelian Hist. An. 7.39.

[1]) Главные авторитеты по Аристарху: K. Lehrs De Arist. Studiis Homericis (3 изд. 1882 г.) и A. Ludwich, Aristarchs Homerische Textkritik (2 т. 1884—1885).

[2]) Аммоній, ученикъ Аристарха написалъ трактатъ περὶ τοῦ μὴ γεγονέναι πλείονας ἐκδόσεις τῆς Ἀρισταρχείου διορθώσεως. Ludwich согласенъ съ Lehrs'омъ, объясняющимъ это мѣсто: «не больше двухъ». Я признаюсь, что такое объясненіе мнѣ кажется, нѣсколько натянутымъ. Аммоній написалъ также περὶ τῆς ἐπεκδοθείσης διορθώσεως. Можетъ быть онъ хотѣлъ сказать, что вторая рецензія была только видоизмѣненіемъ первой?

[3]) σημεῖα, употребляемыя Аристархомъ, кажется, не превышали числомъ шести. 1) ὀβελός: (или „копье")—ставился передъ

Характеристика его труда. 23. Аристархъ былъ одинъ изъ величайшихъ ученыхъ и наилучшій критикъ Гомера въ древности. Его дѣятельность можетъ быть разсмотрѣна съ трехъ сторонъ. Во-1-хъ, онъ старательно изучалъ гомеровское употребленіе словъ, зная, что критика текста должна быть основана на полномъ знакомствѣ съ языкомъ. Прежніе грамматики занимались только рѣдкими или устарѣлыми словами (γλῶσσαι). Аристархъ же старался находить особенности въ употребленіи Гомеромъ и обыкновенныхъ словъ, напр. онъ замѣтилъ, что «ὧδε» у Гомера всегда значитъ «такъ» (а не «здѣсь» или «сюда»), что Гомеръ употребляетъ глаголъ βάλλειν, говоря о пораженіи на разстояніи, а οὐτάζειν, о пораженіи вблизи, πόβος въ смыслѣ «бѣгства»; πόνος исключительно о войнѣ; что Ὄλυμπος (въ Иліадѣ) означаетъ настоящую гору. Во-2-хъ, при редакціи текста онъ особенное вниманіе обращалъ на авторитетъ рукописей. Если ихъ свидѣтельства возбуждали въ немъ со

стихомъ, чтобъ показать его подложность (ἀθέτησις). Этотъ знакъ знали уже Зенодотъ и Аристофанъ. 2) διπλῆ ⊰, (такъ >, ⊱ или <) служило для указанія на комментаріи Аристофана и ставилась противъ стиха, содержащаго что либо замѣчательное по языку или по содержанію. 3) διπλῆ περιεστιγμένη ⸖, ставилась передъ стихомъ, который Аристархъ читалъ иначе, чѣмъ Зенодотъ 4) ἀστερίσκος * безъ другого знака указываетъ только на повтореніе стиха, какъ напр. онъ былъ поставленъ передъ стихомъ Иліады (2,180) потому что этотъ стихъ идентиченъ съ стихомъ 164; но если стихъ казался не подлиннымъ въ одномъ изъ двухъ мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчался, то въ этомъ мѣстѣ ставился астерискъ съ обелосомъ *—. 5) антисигма) и 6) στιγμή или точка употреблялась вмѣстѣ. Аристархъ думалъ, что за Ил. 2,192 непосредственно должны слѣдовать стихи 203—205, онъ поставилъ) передъ 192 и точки передъ 203—205. (въ cod. Venet A знакъ (поставленъ по ошибкѣ, см. Ludwich I стр. 209). Точно также передъ Ил. 8,535,537 стояла антисигма, а передъ 538—541 точки, потому что послѣдняя группа повторяла первую. Стигма употреблялась и одна, чтобы указать на сомнительность стиха. Аристофанъ употреблялъ κεραύνιον ⊤ какъ сложный обелосъ, передъ цѣлымъ рядомъ подложныхъ стиховъ. Антисигма съ точками употреблялась иногда для обозначенія тавтологіи .). но эти послѣдніе два знака не были извѣстны Аристарху.

мнѣнія, онъ руководствовался «обычаемъ поэта» [1]). Онъ былъ далекъ отъ необдуманнаго исправленія текста и повидимому чрезвычайно остороженъ. Въ противоположность Зенодоту онъ воздерживался отъ чисто конъектуральныхъ чтеній. Позднѣйшіе критики даже порицали его за чрезмѣрную осторожность и, можетъ быть, они были отчасти справедливы [2]). Въ 3-хъ, онъ объяснялъ содержаніе Гомера; сравнивалъ гомерическіе варіанты миѳовъ съ таковыми же у другихъ писателей. Онъ, кажется, составилъ карту троянской равнины и греческаго лагеря и замѣтилъ напр., что Гомеръ обозначаетъ Ѳессалію словами Ἄργος Πελασγικόν, а Пелопонесъ Ἄργος Ἀχαϊκόν.

Дидимъ. 24. Все, что мы знаемъ о дѣятельности Аристарха, дошло до насъ путемъ, который интересно прослѣдить. Во время Августа, спустя приблизительно 120 лѣтъ послѣ смерти Аристарха, Дидимъ, александрійскій грамматикъ, прозванный за свое чрезвычайное прилежаніе Χαλκέντερος, написалъ трактатъ объ Аристарховой рецензіи Гомера (περὶ τῆς Ἀρισταρχείου διορθώσεως). Цѣлью Дидима было опредѣлить чтенія, признанныя Аристархомъ. Почему же оказалась нужда въ такомъ сочиненіи? Потому что полагали, что настоящія копіи Аристархова текста сгорѣли во время александрійской войны Цезаря (47 г. до Р. Х.). Но такое предположеніе едва-ли кажется возможнымъ, такъ какъ критика Аристарха развивалась постепенно и

---

[1]) τὸ ἔθιμον τοῦ ποιητοῦ, Аполлоній Дисколъ synt. стр. 77 (Lehrs стр. 360) говоритъ, что это заставило Аристарха писать πῶς δαὶ τῶν Τρώων φυλακαὶ вмѣсто πῶς δ'αἱ (Ил. 10,408).

[2]) Lehrs стр. 363: «Minime audax Aristarchus imo mihi certum est si quid Aristarchus peccarit in contrarium peccasse». Ср. тамъ-же стр. 359 (ὑπὸ περιττῆς εὐλαβείας οὐδὲν μετέθηκεν). Вольфъ (Prolegomena гл. I) ставитъ Аристарху въ вину его чрезмѣрную прозаическую осторожность (nimia sobrietus acuminis), вслѣдствіе которой онъ слишкомъ много отрицалъ, но указываетъ и на его хорошую сторону, что онъ ничего не вводилъ опрометчиво.

была изложена въ цѣломъ рядѣ сочиненій; вѣроятнѣе, задача Дидима была полное знакомство съ взглядами и мнѣніями Аристарха, основанными на тщательномъ собраніи и сличеніи разнообразныхъ текстовъ Гомера.

Аристоникъ. Аристоникъ Александрійскій, младшій современникъ Дидима, написалъ трактатъ о критическихъ знакахъ, употребленныхъ Аристархомъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ (περὶ σημείων Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσείας); въ этой книгѣ онъ привелъ мнѣнія Аристарха о стихахъ, передъ которыми были поставлены различные знаки.

Геродіанъ и Никаноръ. Геродіанъ (около 160 г. послѣ Р. Х.) написалъ разсужденіе о просодіи и удареніяхъ въ Иліадѣ (Ἰλιακὴ προσωδία). Никаноръ (130 г. послѣ Р. Х.) написалъ книгу о гомеровской интерпункціи (περὶ στιγμῆς)—которая доставила ему прозвище στιγματίας.

Извлеченіе. 25. Около 200—250 г. одинъ грамматикъ задумалъ сдѣлать извлеченіе изъ этихъ четырехъ писателей: Дидима, Аристоника, Геродіана и Никанора. Онъ составилъ извлеченія въ формѣ непрерывныхъ замѣтокъ къ тексту Гомера. Такъ появилось извлеченіе изъ четырехъ трактатовъ, которое для краткости мы будемъ просто называть Epitomé.

Codex Venetus A. Въ десятомъ столѣтіи переписчикъ Иліады списалъ и Epitomé на поляхъ. Но еще до этого времени первоначальная форма Epitomé подверглась измѣненію и къ ней примѣшались нѣкоторые чуждые элементы. Копія съ рукописи десятаго вѣка есть знаменитый Codex Venetus A Иліады № 454 библіотеки св. Марка въ Венеціи [1]). Epitomé (особенно

[1]) Содержаніе Epitomé такъ описано ея авторомъ (ср. Ludwich I стр. 79) въ формулѣ, которую переписчикъ Venetus A повторяетъ при концѣ каждой книги: παράκειται τὰ Ἀριστονίκου σημεῖα, καὶ τὰ Διδύμου περὶ τῆς Ἀρισταρχείου διορθώσεως, τινὰ δὲ καὶ ἐκ τῆς Ἰλιακῆς προσῳδίας Ἡρωδιανοῦ καὶ Νικάνορος περὶ τῆς Ὁμηρικῆς στιγμῆς.

та часть, гдѣ идетъ рѣчь о Дидимѣ) содержитъ все, что мы знаемъ о взглядахъ Аристарха. Эта рукопись также одна изъ тѣхъ, въ которыхъ содержатся критическіе знаки Аристарха (§ 22). Схоліи А были впервые изданы Виллуазономъ въ 1788. Онѣ заключаютъ схоліи, взятыя изъ другихъ источниковъ, нежели Epitomé. Объ этихъ-то схоліяхъ мы и поговоримъ теперь.

Рецензія Аристарха не канонизирована въ цѣломъ. Изслѣдованія Аристарха никогда не признавались въ цѣломъ, какъ основа текста. Но его критическіе пріемы имѣли болѣе широкое вліяніе, чѣмъ какой-либо другой авторитетъ. Вѣроятно, что между 200 и 400 г. по Р. Х. явилась вульгата (древній общепринятый текстъ, измѣненный въ частностяхъ), образовавшаяся постепенно изъ сравненія взглядовъ Аристарха, поскольку они были извѣстны, съ взглядами другихъ критиковъ [1].

Раздѣленіе на книги. 26. Раздѣленіе Иліады и Одиссеи на 24 книги въ каждой, обозначаемыя буквами греческой азбуки, приписывалось то Аристарху (который употреблялъ это дѣленіе въ своей рецензіи), то Аристофану или Зенодоту [2]. Ничто не указываетъ на автора этого дѣленія. Все, что мы знаемъ, состоитъ въ томъ, что оно существовало уже въ третьемъ столѣтіи до Р. Х., такъ что во всякомъ случаѣ старше Аристофана и Аристарха, но, можетъ быть, не старше Зенодота; болѣе этого мы ничего не можемъ сказать. Одно только ясно, что чисто механическое и произвольное дѣленіе носитъ печать эпохи, которая старалась литературный матеріалъ привести въ порядокъ, удобный для изученія и ссылокъ. Это поддерживаетъ взглядъ,

---

[1]) См. W. Christ въ Prolegomena къ его изд. Иліад. (1884), стр. 102.

[2]) Ср. Ludwich II стр. 220 и. 195.

что поэмы Гомера были раздѣлены такъ въ Александріи въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Х.

Писатели пятаго и четвертаго столѣтія до Р. Х. указываютъ на мѣста въ Гомерѣ, просто называя лицъ или событія, о которыхъ идетъ рѣчь. Такъ, Геродотъ (2, 116) приводитъ изъ Ил. 6, 289 и слѣд. какъ «мѣсто, гдѣ отличается Діомедъ» (ἐν Διομήδους ἀριστηίῃ). Θукидидъ (1, 10) ссылается на каталогъ ἐν νεῶν καταλόγῳ; Платонъ указываетъ (Crat. стр. 428 C) на Ил. 9, 640 и слѣд. какъ въ «просьбахъ» (ἐν λιταῖς); Аристотель (Poet.) упоминаетъ Од. 8, 521 ἐν Ἀλκίνου ἀπολόγῳ (заглавіе, извѣстное также Платону Resp. 614 B и собственно относящееся къ 9—12 кн. Одиссеи) и Од. 19, 386 и слѣд.: ἐν τοῖς νίπτροις. Такихъ обозначеній было достаточно для возобновленія въ памяти мѣстъ поэмъ, въ большинствѣ случаевъ совпадающихъ съ названіями рапсодій или пѣсенъ, на которыя поэмы были раздѣлены для рецитаціи [1]). Упомянутое дѣленіе такого рода развилось изъ древнихъ предписаній о послѣдовательной рецитаціи на праздникахъ (стр. 87) и преданіе о немъ сохранилось, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время даже послѣ алфавитнаго дѣленія на книги, принятаго въ Александріи. Подъ заглавіе одной пѣсни иногда подходило болѣе одной изъ нашихъ книгъ: такъ, Διομήδους ἀριστεία соотвѣтствовало нашей 5-й и (по крайней мѣрѣ части) 6-й. Чаще же одна наша книга содержитъ болѣе одной пѣсни, такъ напр. 2-я книга заключаетъ «сонъ» и «каталогъ».

---

[1]) Многія древнія названія рапсодій сохранились у Эліана. Var. Hist. 13, 14. См. Christ. Proleg. стр. 7. Должно отличать отъ этихъ заглавій фразы, составленныя случайно для обозначенія короткихъ мѣстъ изъ поэмъ, такъ Θукид. 1, 9 ἐν τοῦ σκήπτρου τῇ παραδόσει (= Ил. 2, 108 и слѣд.): Arist. Hist. An. 9, 32 ἐν τῇ τοῦ Πριάμου ἐξόδῳ (= Ил. 24, 136 и слѣд.) Strabo 1. 17 ἐν πρεσβείᾳ (=Ил. 3, 222 и слѣд.): Paus. I, 18, 2 ἐν Ἥρας ὅρκῳ (=Ил. 15, 36 и слѣд.).

Кратетъ и пергамская школа. 27. Большая библіотека, основанная Эвменомъ II въ Пергамѣ, въ Мизіи, въ началѣ 2-го столѣтія до Р. X., скоро сдѣлалась соперницей болѣе древняго подобного учрежденія въ Александріи а вмѣстѣ съ тѣмъ развилось соперничество и между ихъ школами гомеровской интерпретаціи. Кратетъ родомъ изъ Маллоса въ Киликіи, бывшій библіотекаремъ въ Пергамѣ во время Аристарха, составилъ также комментаріи къ Гомеру [1]). Существенная разница между обѣими школами касалась главнымъ образомъ двухъ сторонъ:

1) Александрійская школа, представителемъ которой былъ Аристархъ, занималась преимущественно грамматикой. Въ особенности же александрійцы старались найти точныя правила для склоненій и спряженій. Кратетъ хотя былъ далекъ отъ отрицанія опредѣленныхъ законовъ въ языкѣ, но подобно другимъ стоикамъ главное вниманіе обращалъ на правильную рѣчь (Ἑλληνισμός). Онъ считалъ, что александрійцы слишкомъ далеко зашли въ своей любви къ правильности. И въ то время, какъ тѣ держались грамматическихъ правилъ, при образованіи формъ словъ, Кратетъ основывался на исключеніяхъ.

«Аналогія» и «аномалія». Это выражено въ словахъ, что Аристархъ—защитникъ аналогіи (ἀναλογία), а Кратетъ—«аномаліи» (ἀνωμαλία) [2]).

2) Аристархъ, какъ мы видѣли, не пренебрегалъ вопросами, касающимися непосредственно текста Го-

[1]) Ludwich (I. стр. 43) согласно съ Wachsmuth'омъ (De Cratete Mallota стр. 31. 1860) сомнѣвается въ томъ, чтобы Кратетъ издалъ и текстъ Гомера.

[2]) Wachsmuth de Cratete стр. 15. Gellius 2, 25 (гдѣ онъ говоритъ о Кратетѣ и Аристархѣ: ἀναλογία est similium similis declinatio... ἀνωμαλία est inaequalitas declinationum consuetudinem sequens.

мера, какъ напр. топографіи, древностей. Кратетъ же пошелъ дальше: онъ понялъ, что гомеровская критика должна обнимать массу проблемъ философскихъ, историческихъ и физическихъ, на которыя наводилъ Гомеръ. Онъ нашелъ у Гомера не только аллегоріи, но даже астрономическія и космическія теоріи, которыя согласовались съ теоріями стоиковъ. Съ его точки зрѣнія Гомеръ преслѣдовалъ не только поэтическія цѣли (ψυχαγωγία), но въ особенности поучительныя (διδασκαλία); это мнѣніе впослѣдствіи пользовалось популярностью. Чтенія Кратета часто упоминаются и иногда остроумны. Но тѣмъ не менѣе онъ и его школа имѣли сравнительно малое вліяніе на гомеровскій текстъ. Нѣсколько колкихъ стиховъ [1]) свидѣтельствуютъ о его насмѣшливомъ отношеніи къ александрійскому «педантическому словопренію».

Димитрій. 28. Изъ числа другихъ древнихъ ученыхъ, занимавшихся Гомеромъ, нельзя не упомянуть о Димитріи изъ Скепсиса въ Троадѣ (около 190 г. до Р. Х.), пользовавшагося славою въ древности за свои работы по гомеровской топографіи. Его Τρωϊκὸς διάκοσμος «Разстановка Троянцевъ»—сочиненіе въ 30 книгахъ о Каталогѣ троянскихъ силъ въ Иліадѣ 2. Онъ соглашался съ мнѣніемъ лучшихъ древнихъ авторитетовъ, отрицавшемъ увѣренія жителей греческаго города Иліона, что этотъ городъ находился на мѣстѣ древней Трои. Его сочиненіе, часто упоминаемое древними писателями, соединяло въ себѣ многостороннюю и глубо-

---

[1]) У Геродика (ap. Athen. стр. 222 A), который описываетъ послѣдователей Аристарха, какъ они вόрчатъ по угламъ, занятые односложными словами: γωνιοβόμβυκες, μονοσύλλαβοι οἷσι μέμηλεν τὸ σφὶν καὶ σφῶιν καὶ τὸ μὶν ἠδὲ τὸ νίν. Аристархъ доказалъ, что Гомеръ употреблялъ только μιν, а не νιν.

кую ученость съ высшею степенью критическаго остроумія *).

Евстаѳій. Между древнимъ и новымъ изученіемъ Гомера стоитъ большая компиляція Евстаѳія, архіепископа Ѳессалоникійскаго, во 2-й половинѣ 12-го столѣтія. Этотъ трудъ озаглавленъ Παρεκβολαὶ εἰς τὴν Ὁμήρου Ἰλιάδα καὶ Ὀδύσσειαν, т. е. «извлеченія» относительно поэмъ [1]). Эти извлеченія сдѣланы изъ большаго числа прежнихъ писателей и содержатъ различныя толкованія по языку и содержанію Гомера *).

Схоліи. 29. Многіе остатки древнихъ сочиненій по Гомеру сохранились для насъ въ схоліяхъ, которыя, особенно схоліи Иліады, чрезвычайно важны для пониманія поэта. Схоліи въ Codex Venetus (A) Иліады исходятъ главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ. 1) Одинъ изъ нихъ есть Epitomé четырехъ трактатовъ вышеописанныхъ. Схоліи изъ этого источника—самыя цѣнныя. 2) Другимъ источникомъ служитъ цѣлый сводъ комментарій, избранныхъ изъ разныхъ авторовъ и собранныхъ позже времени Порфирія (около 270 г. по Р. X.), «гомеровскими проблемами» котораго составители значительно попользовались. Въ противоположность Epitomé, схоліи изъ этого источника занимались менѣе критикой текста, а болѣе аллегоріями, миѳологіей и критикой поэтическаго стиля. Эти схоліи

---

*) Въ противоположность сужденію Джебба о Димитріи, Cauer въ своей рецензіи приводитъ слова Hercher'a изъ его Homerische Aufsätze, что Димитрій in wissenschaftlicher Lüge Erhebliches leistet. Вообще Джеббъ не пользовался указаннымъ сочиненіемъ Hercher'a. *Прим. переводчика.*

[1]) παρεκβάλλειν—здѣсь „дѣлать извлеченія во время чтенія".

*) Наравнѣ съ комментаріемъ Евстаѳія можно упомянуть Ἐξήγησις Ἰλιάδος византійскаго филолога Цецеса (1143 г.). Комментарій Евстаѳія напечатанъ впервые въ 1542 г. Послѣднее изданіе въ 2-хъ томахъ Lipsiae 1825—30. *Прим. переводчика.*

сохранились не только въ Venetus A, но съ нѣкоторыми измѣненіями также и въ другихъ рукописяхъ [1]).

Нашъ текстъ Гомера. 30. Результаты изслѣдованій древняго изученія Гомера, кратко изложенныя на предидущихъ страницахъ, имѣютъ болѣе, чѣмъ историческій интересъ, и болѣе, чѣмъ критическое значеніе по отношенію къ частностямъ: они устанавливаютъ общее заключеніе чрезвычайной важности относительно всего существующаго текста Гомера [2]). Это заключеніе можно выразить такъ: мы видѣли, что изданія,

[1]) Они суть: B=Codex Venetus № 453 (11 или можетъ быть 10 вѣка); V=cod. Victorianus № 16—въ Мюнхенской библіотекѣ (16-го стол.?) содержитъ только схоліи безъ текста; cod. Townleianus—въ Британскомъ музеѣ, его считали источникомъ V и L=cod. Lipsiensis. См. Ludwich I, стр. 83 и слѣд. Болѣе короткія схоліи, извѣстныя подъ названіемъ «brevia», «vulgata», «minora» или «Didymi», находятся во многихъ рукописяхъ и впервые изданы въ 1517; онѣ почти не имѣютъ значенія.

Что касается схолій Одиссеи, то наиболѣе важна рукопись Harleianus, № 5674, въ Британскомъ музеѣ, относящаяся къ тринадцатому столѣтію.

[2]) Важнѣйшія рукописи Иліады слѣдующія: 1) A=codex Venetus A въ библіотекѣ св. Марка № 454 (10-го столѣтія), на пергаментѣ въ 327 стр. Нѣсколько древнихъ листовъ (всего 19) испорчены въ различныхъ мѣстахъ и возстановлены позднѣйшею рукою. Особенный интересъ этой рукописи заключается въ схоліяхъ и критическихъ знакахъ Аристарха. Текстъ ея Иліады разнится отъ текста другихъ нашихъ рукописей: онъ написанъ строго подъ вліяніемъ чтеній Аристарха. 2) B, см. предыдущее примѣчаніе. 3) C=Laurentianus 32, 5 въ bibliotheca Laurentiana во Флоренціи (10-го или 11-го столѣтія). 4) D=Laurent. 32, 15 (11-го столѣтія) можетъ быть лучшій послѣ A. 5) Townleianus, см. предыдущее примѣчаніе. Существуетъ нѣсколько отрывковъ болѣе старыхъ, чѣмъ A, не имѣющихъ критическаго значенія; сюда относятся: 1) три отрывка на папирусѣ, найденные въ Египтѣ, изъ нихъ два вѣроятно принадлежатъ 1-му столѣтію до Р. Х. 2) 800 стиховъ изъ разныхъ мѣстъ Иліады въ рукописи 6 го вѣка (codex Ambrosianus), изд. въ Миланѣ кардиналомъ Маи 1819 г. 3) Сирійскій палимпсестъ (въ Британскомъ музеѣ) 6-го или 7-го вѣка содержитъ 3873 стиха изъ книгъ 12—16 и 18—24. Для текста Одиссеи лучшія рукописи суть: Harleianus (см. выше въ текстѣ) и Augustanus (Monacensis), № 519 B въ мюнхенской библіотекѣ, 13-го столѣтія по каталогу, но вѣроятнѣе 14-го или 15-го столѣтія. См. La Roche „Homer. Textkritik“ стр. 481.

которыми пользовался Аристархъ, представляли болѣе древній общепринятый текстъ, или вульгату, и что одно изъ этихъ изданій было изданіе Антимаха (около 400 г. до Р. Х.), въ немъ разночтенія были такъ же незначительны, какъ и въ другихъ. Отсюда слѣдуетъ, что общепринятый текстъ 200 г. до Р. Х. основывался на таковомъ же текстѣ 5-го столѣтія до Р. Х. Аристархъ не произвелъ измѣненій въ передачѣ этого общепринятаго текста. Онъ не дѣлалъ грубыхъ конъектуръ и произвольныхъ переставленій, а передалъ, что́ получилъ, стараясь представить это въ болѣе чистой формѣ прилежнымъ сличеніемъ, и такимъ образомъ сравнительно съ небольшими измѣненіями текстъ дошелъ до времени нашихъ рукописей. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что нашъ общепри-принятый текстъ существенно тотъ же, какой былъ извѣстенъ Аристарху, и, по всей вѣроятности, онъ покоится на томъ же основаніи, какъ и текстъ, который читали Платонъ и Өукидидъ.

ГЛАВА IV.

Гомеровскій вопросъ.

1. Съ давнихъ поръ и до четвертаго вѣка до Р. Х. кромѣ Иліады и Одиссеи Гомеру приписывали еще и нѣкоторыя другія поэмы (см. стр. 97). Критика александрійскихъ ученыхъ 3-го вѣка до Р. Х. пришла къ заключенію, что только Иліада и Одиссея были подлинными твореніями Гомера. Но древнее изслѣдованіе объ авторствѣ Гомера не пошло дальше, если не считать немногихъ ученыхъ, мнѣнія которыхъ остались безъ вліянія на современниковъ.

Хоризонты. О существованіи древнихъ хоризонтовъ (χωρίζοντες «отдѣляющіе»), признававшихъ Гомера авторомъ только одной Иліады и приписывавшихъ Одиссею другому поэту, мы знаемъ косвенно по намекамъ на нихъ въ схоліяхъ кодекса Venetus. Такъ схоліастъ къ Иліадѣ 12,45 приводитъ чтеніе Аристарха изъ соч. πρὸς τὸ Ξένωνος παράδοξον» (противъ парадокса Ксенона). Въ связи съ этимъ упоминается имя грамматика Гелланика, старшаго современника Аристарха. Изъ выраженія οἱ χωρίζοντες можно заключить, что Ксенонъ и Геллникъ были только самыми выдававшимися членами литературной партіи, раздѣлявшей ихъ взгляды [1]. Но мы не знаемъ ничего объ ихъ доказательствахъ исключая того, что они основывались отчасти на стилѣ. Хоризонты не имѣли вліянія на древній литературный міръ. Сенека говоритъ о вопросѣ.

[1]) См. Bernhardy Grich. Lit. II. 114.

ихъ занимавшемъ, топомъ, показывающимъ, что онъ былъ хорошо извѣстенъ въ первомъ столѣтіи нашей эры, но на него смотрѣли какъ на безплодное словопреніе [1]); такъ что Свида (около 1100 по Р. Х.) могъ еще утверждать, что Иліада и Одиссея—безспорно [2]) творенія Гомера. Въ дѣйствительности же древней критикѣ не была чужда идея «о многихъ Гомерахъ» [3]). Но это выраженіе не имѣетъ ничего общаго съ послѣдующими новыми теоріями о совмѣстной работѣ многихъ поэтовъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ. «Многіе Гомеры» были просто поэты, желавшіе украсить свои самостоятельныя произведенія знаменитымъ именемъ.

Гомеровскій вопросъ въ наше время. 2. Современному изслѣдователю Иліады и Одиссеи представляются двѣ слѣдующія проблемы:

а) Фактъ существованія самихъ поэмъ. Греческая литература начинается прямо съ этихъ совершенныхъ произведеній, но несомнѣнно, что и до нихъ существовали грубыя попытки, о которыхъ намъ ничего неизвѣстно. Это явленіе было менѣе страннымъ для древнихъ Грековъ, чѣмъ для насъ, потому что они не знали другой литературы, кромѣ своей собственной. Оно становится яснымъ только при сличеніи съ другими древними литературами, въ которыхъ ничего подобнаго не встрѣчаемъ.

---

[1]) De Brevitate Vitae c. 13 (eiusdemne auctoris essent Ilias et Odyssea).

[2]) *ἀναμφίλεκτα* (s. v. Ὅμηρος): мѣсто приведенное и у Geddes'а какъ доказательство, что о хоризонтахъ молчали и древность не хотѣла ихъ слушать. (Problem of the Homeric Poems p. 6.)

[3]) *Ὅμηροι γὰρ πολλοὶ γεγόνασι ζήλῳ τοῦ πάλαι τὴν κλῆσιν λαμβάνοντες.* Proclus (комментаторъ Гезіода), ap. Gaisford Poet. Min. Gr. iii. Scholia p. 6 цитир. у Geddes'а (Problem of the Homeric Poems p. 7), который прибавляетъ еще Евстафія 4) *ὡς δὲ καὶ πολλοὶ Ὅμηροι.* Проклъ доказывалъ, что соперникъ Гезіода въ традиціон. «спорѣ» былъ не самъ Гомеръ, а нѣкій фокейскій «Гомеръ» изъ болѣе поздняго времени.

b) Вторая проблема вытекаетъ изъ внутренняго характера поэмъ. Каждая изъ нихъ составляетъ одно органическое и художественное цѣлое; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя части каждой нарушаютъ, кажется, главный планъ или свидѣтельствуютъ о болѣе слабой техникѣ. Какъ же мы можемъ согласовать въ одно и то же время общее единство съ частными противорѣчіями?

Эти двѣ проблемы служатъ основаніемъ «гомеровскаго вопроса» [1]). Новое критическое обсужденіе этого вопроса началось только съ Prolegomena Вольфа (1795).

3. Уже ранѣе Вольфа нѣкоторыми учеными высказывались мнѣнія, на которыя можно смотрѣть отчасти какъ на предвѣстія его взглядовъ. Но они, если не были просто предположеніями, то основывались на древнемъ преданіи, что поэмы Гомера оставались разрозненными, пока Пизистратъ не приказалъ собрать ихъ въ одно цѣлое. Въ доказательство послѣдняго приводили извѣстное мѣсто изъ Іосифа Флавія (живш. около 90 года по Р. Х.). «Настоящее употребленіе алфавитнаго письма», говоритъ Іосифъ, не могло быть извѣстно грекамъ времени Троянской войны. Греки не имѣли литературы до Гомера; Гомеръ жилъ послѣ этой войны; но говорятъ даже (φασίν), что и самъ онъ не оставилъ потомству своей поэзіи письменно, а она была передана изустно по памяти (διαμνημονευομένην) и впослѣдствіи собрана изъ отдѣльныхъ пѣсенъ (ἐκ τῶν ᾀσμάτων ὕστερον συντεθῆναι): отсюда произошло множество разночтеній, встрѣчаемыхъ теперь [2]).

Здѣсь Іосифъ не только передаетъ преданіе о собраніи пѣсенъ Пизистратомъ, но и рѣшительно гово-

---

[1]) Ср. Volkmann „Geschichte u. Kritik der Wolfschen Prolegomena zu Homer, c. I.

[2]) Іосифъ κατὰ Ἀπίωνος I. 2 p. 175 (Bekk), гдѣ онъ доказываетъ, что изъ умолчанія греческихъ писателей нельзя вывести доказательства противъ древности еврейскаго народа.

ритъ, что, по общему мнѣнію грековъ, Гомеръ не употреблялъ письма, что поэмы передавались только по памяти и что этотъ послѣдній фактъ объясняетъ неточность ихъ текста.

4. Ученые новыхъ временъ до Вольфа руководствовались подобными намеками древнихъ. Исаакъ Казаубонъ (1559—1613), ссылаясь (въ одномъ примѣчаніи къ Діогену Лаэртскому. 9, 12 на вышеприведенное мѣсто Іосифа. замѣтилъ, что мы едва-ли можемъ надѣяться на возстановленіе подлиннаго текста Гомера, какъ бы древни ни были наши рукописи. Голландскій ученый Яковъ Перизоній въ своихъ Animadversiones Historicae, (1684) упомянувъ свидѣтельство Іосифа, сопоставляетъ его съ другими свидѣтельствами древности.

Бентли въ своихъ «Remarks» къ соч. Anthony Collins'a (1713) «Discourse of Free thinkig» предполагаетъ, что поэтъ по имени Гомеръ жилъ около 1050 г. до Р. X. и написалъ Иліаду равно какъ и Одиссею. Каждая поэма состояла изъ пѣсенъ, читавшихся отдѣльно поэтомъ. Эти пѣсни распространялись такимъ образомъ, пока не были собраны во время Пизистрата (около 550 г. до Р. X.) [1]) въ видѣ нашихъ двухъ поэмъ.

5. **Джіамбаттиста Вико** изъ Неаполя (род. 1668) коснулся происхожденія гомеровскихъ поэмъ въ пѣ-

[1]) Ср. Bentley въ „English Men of Letters, pp. 146 и слѣд.“ Коллинсъ увѣрялъ, что Иліада есть извлеченіе изъ всѣхъ наукъ и искусствъ. и что Гомеръ назначалъ свои поэмы вѣчности, чтобы „развлекать и наставлять человѣчество“ Бэнтли возражалъ на это: «могу васъ увѣрить, что бѣдный Гомеръ при тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ такія отдаленныя времена не думалъ такъ высоко. Онъ написалъ рядъ пѣсенъ и рапсодій для собственнаго исполненія, за которое получалъ небольшую плату и хорошія кушанья на праздникахъ, или въ другіе дни веселья. Илліаду онъ написалъ для мужчинъ, а Одиссею для женщинъ». Слово „рядъ“ здѣсь не объяснено, но вѣроятно Бэнтли не предполагалъ связнаго ряда, такъ какъ онъ продолжаетъ „эти пѣсни были собраны въ форму единаго эпоса только во время Пизистрата, т. е. 500 лѣтъ спустя».

скольких заметках к своему сочиненію «De uno universi iuris principio» (1720). Взглядъ Викó совершенно соотвѣтствуетъ взгляду Бэнтли, высказанному имъ въ возраженіи Коллинсу, что гомеровская поэзія не есть сознательное произведеніе глубоко философскаго мышленія, а отраженіе первобытнаго вѣка. Во второмъ изданіи Scienza Nuova (1730) Викó пошелъ дальше. Онъ говоритъ, что Гомеръ есть собирательное имя, служащее для обозначенія твореній многихъ поэтовъ, которые въ теченіе многихъ поколѣній постепенно составляли поэмы, собранныя впервые пизистратидами въ нашу Иліаду и Одиссею. Но, продолжаетъ Викó, хотя было много Гомеровъ, мы можемъ говорить главнымъ образомъ только о двухъ:—Гомерѣ Иліады, рожденномъ на сѣверо-востокѣ Греціи (т. е. Ѳессаліи), и о Гомерѣ Одиссеи, жившемъ позднѣе и происходившемъ съ юго-запада Греціи (т. е. изъ западнаго Пелопоннеса и принадлежащихъ къ нему острововъ). Викó не привелъ критическихъ доказательствъ своихъ положеній и не имѣлъ вліянія на Вольфа и вольфіянцевъ. Тѣмъ не менѣе его теорія заслуживаетъ вниманія какъ замѣчательный примѣръ ученаго инстинкта [1].

Робертъ Вудъ. Но наибольшимъ значеніемъ до появленія Prolegomena безъ сомнѣнія пользовалось сочиненіе Роберта Вуда «Essay on the Original Genius of

[1]) Профессоръ Флинтъ въ монографіи о Викó (1884), pp. 173—178. даетъ полный и ясный отчетъ о гомеровской теоріи послѣдняго. Не заходя подобно Флинту такъ далеко, чтобы считать „открытіе“ Викó „истиннаго Гомера“, какъ онъ самъ выражается за полное предвѣстіе такъ называемой Вольфовой теоріи (p. 176). я допускаю, что заслуга Викó едва-ли была оцѣнена въ достаточной степени. Вольфъ, спустя нѣсколько времени послѣ изданія Prolegomena, обратилъ вниманіе на Викó, благодаря Мелхіору Чезаротти (переводчику Гомера и Оссіана). Замѣтка Вольфа о Викó въ Museum der Alterthumswissenschaft I. 1807, pp. 555 сл., помѣщена также въ его Kleine Schriften II. p. 157 сл.

Homer» (1769) [1]. Въ одной изъ главъ онъ разбираетъ вопросъ; было-ли извѣстно Гомеру искусство письма и отвѣчаетъ отрицательно. Этотъ взглядъ никогда до того времени не проводился съ критической основательностью. Вольфъ (род. 1759) прочиталъ «опытъ» Вуда, будучи студентомъ въ Геттингенѣ, и упоминаетъ о немъ съ похвалой въ своихъ Prolegomena [2]. Ученіе Вуда о незнаніи Гомеромъ искусства письма сдѣлалось дѣйствительно краеугольнымъ камнемъ теоріи Вольфа.

Prolegomena Вольфа. 6. Prolegomena Вольфа—небольшая книга въ octavo 280 стр.—вышла въ Галле въ 1795 г. и посвящена David Ruhnken'у какъ «вождю научныхъ критиковъ» [3]. Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній о критикѣ Гомера, Вольфъ разсуждаетъ объ исторіи его поэмъ отъ 950 г. предъ Р. Х. приблизи-

---

[1]) Гейне, бывшій тогда по общему мнѣнію первымъ гуманистомъ Германіи, рецензировалъ трудъ Вуда съ большимъ энтузіазмомъ: «мы не видали» говоритъ онъ «до сихъ поръ человѣка, который бы такъ глубоко проникъ въ духъ Гомера». Первый нѣмецкій переводъ появился въ 1773 г., второй. вновь просмотрѣнный, въ 1778 г., оба были сдѣланы профессоромъ Михаелисомъ въ Геттингенѣ, гдѣ Вольфъ окончилъ курсъ въ 1789 г. Вольфъ (Proleg. XII) цитируетъ второе англійское изданіе 1775.

[2]) с. XII гдѣ, говоря о „celebratissimus liber" Вуда, онъ замѣчаетъ (въ примѣчаніи): „plura sunt scite et egregie animadversa, nisi quod subtilitas fere deest, sine qua historica disputatio persuadet, non fidem facit".

[3]) На „Prolegomena" стоитъ римская цифра I, и на стр. 24 мы читаемъ „pars prima", но вторая часть, въ которой должно было ожидать объясненій основанія критики текста Гомера, никогда не появлялась въ свѣтъ. Этотъ трудъ былъ не первымъ вкладомъ Вольфа въ Гомеровскую литературу, хотя ему было всего 36 лѣтъ, когда онъ появился. Въ „опытѣ" (versuch), посвященномъ Гейне (1779), онъ высказалъ свои взгляды на древность письма въ Греціи, которые можно встрѣтить и въ его введеніяхъ къ Иліадѣ и Одиссеѣ, вышедшихъ въ 1784; это было до публикаціи Виллуазона (1788). Вольфъ преувеличивалъ разница между древними рукописями, о которой сообщалось въ „Scholia Veneta"; рецензируя изданіе Виллуазона онъ говоритъ, какъ о доказанномъ, что Гомеръ долгое время передавался изустно.

тельно до Пизистрата (около 550 г. до Р. Х.), въ періодъ, названный имъ эпохою процвѣтанія іонійской поэзіи. Вотъ четыре основныя положенія, которыя онъ старается доказать: a) Гомеровскія поэмы составлены безъ помощи письма, которое въ 950 году до Р. Х. было или совсѣмъ неизвѣстно, или еще не употреблялось греками для литературныхъ цѣлей [1]).

Поэмы передавались изустно и такимъ образомъ потерпѣли много перемѣнъ, явившихся или случайно, или нарочно сдѣланныхъ рапсодами. b) Даже послѣ того, какъ поэмы были записаны около 550 г. до Р. Х., онѣ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, сдѣланнымъ преднамѣренно исправителями «текста» (διασκευασταί), или учеными критиками, которые хотѣли обработать поэмы и ввести въ нихъ извѣстныя правила искусства и формы діалекта. c) Въ Иліадѣ проведено единство артистически; въ Одиссеѣ оно достигаетъ еще болѣе высшей степени [2]). Это единство, впрочемъ, не принадлежитъ первоначальнымъ поэмамъ, оно было вве-

[1]) Онъ утверждаетъ, что поэмы такого объема какъ наша Иліада и Одиссея не могли быть сочинены безъ помощи письма. Если бы даже это было возможно, то поэтъ не могъ бы надѣяться найти читателей: — „поэмы его походили бы на огромный корабль, построенный внутри материка человѣкомъ, не знакомымъ съ мореходнымъ искусствомъ и не имѣющимъ ни приспособленій для передвиженія корабля, ни даже моря, чтобы сдѣлать пробное плаваніе.

[2]) Такъ, онъ говоритъ (Proleg. c. XXXI), что пѣсни «carmina», составляющія Иліаду и Одиссею хотя и отдѣлены одна отъ другой по времени на одно или на два столѣтія (это значитъ, что Вольфъ хотѣлъ позднѣйшія рапсодіи отнести ко времени 750—700 г. до Р. Х.) «обманываютъ насъ общимъ единствомъ и сходствомъ характера. Всѣ рапсодіи имѣютъ тотъ же тонъ, то же нравственное основаніе, тотъ же языкъ, тотъ же размѣръ». И такъ (Proleg. c. XXVII), говоритъ онъ въ особенности въ Одиссеѣ «admirabilis summa et compages pro praeclarissimo monumento Graeci ingenii habenda est», но прибавляетъ (c. XXVIII), что этого окончательнаго соединенія мы не можемъ ожидать отъ древняго поэта, который только рецитировалъ отдѣльныя рапсодіи (singulas tantum rhapsodias decantantem).

дено при искусственной обработкѣ въ позднѣйшую эпоху. d) Первоначальныя поэмы, изъ которыхъ составились наша Иліада и Одиссея, не принадлежали одному и тому же поэту.

Вольфъ признаетъ личность Гомера. 7. Но Вольфъ далеко не отрицалъ личности Гомера. Онъ полагалъ, что какой-либо поэтъ съ большимъ талантомъ, котораго онъ называетъ часто прямо Гомеромъ, «началъ пряжу и выпрялъ нить извѣстной длины». Даже болѣе, этотъ Гомеръ «выпрялъ» большую часть пѣсенъ, которыя позднѣе были соединены въ Иліаду и Одиссею; такъ говорится въ Prolegomena [1]. Это же самое еще яснѣе выражено Вольфомъ въ Введеніи къ его изданію Иліады, вышедшему нѣсколько позднѣе Prolegomena [2]: «не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что Иліаду и Одиссею началъ и довелъ до извѣстнаго предѣла одинъ и тотъ же поэтъ, предпринявшій ихъ... Можетъ быть наука никогда не будетъ въ состояніи указать даже приблизительно точно тѣ мѣста, съ которыхъ начались новыя нити или прибавки къ «пряжѣ»; но, если не ошибаюсь, всегда можно будетъ доказать, что большую часть отдѣльныхъ пѣсенъ мы должны приписать Гомеру, а остальную—Гомеридамъ, которые продолжили начатыя имъ нити».

---

[1]) Proleg. c. XXVIII ad fin. Atque haec ratio eo probabilior fiet, si ab ipso primo auctore filum fabulae jam aliquatenus deductum esse apparebit.—Ib. c. XXXI. At nonne omnibus erit manifestum... totas rhapsodibs inesse quae Homeri non sunt, id est ejus, a quo major pars et priorum rhapsodiarum series deducta est?

[2]) Praefat. p. XXVIII. Quoniam certum est, tam in Iliadae quam in Odyssea orsam telam et deducta aliquatenus fila esse a vate qui princeps ad canendum accesserat... forsitan ne probabiliter quidem demonstrari poterit, a quibus locis potissimum nova subtemina et limbi procedant; at id tamen, ni fallor, poterit effici. ut liquido appareat Homero nihil praeter majorem partem carminum tribuendam esse, reliqua Homeridis, praescripta lineamenta persequentibus.

8. Въ приведенной выдержкѣ ничто такъ не поражаетъ насъ, какъ предсказаніе Вольфа, что невозможно будетъ никогда точно указать въ поэмахъ мѣста, гдѣ начинали и гдѣ кончали разные авторы. Если Вольфъ «большую часть» поэмъ приписывалъ одному великому поэту, то къ этому побуждали его внутренній характеръ ихъ,—блестящій геній и общее единство. Но, съ другой стороны, все доказательство его теоріи было чисто внѣшнимъ. Оно основывалось на нѣкоторыхъ историческихъ соображеніяхъ о древней греческой цивилизаціи и о развитіи поэтическаго искусства. Онъ самъ, словами достойными упоминанія, разсказываетъ намъ, что чувствовалъ, когда обращался отъ своей теоріи снова къ простому чтенію поэмъ: углубляясь въ этотъ потокъ эпическаго разсказа, разливавшагося въ широкую рѣку, я забывалъ о своихъ теоріяхъ; увлекательная гармонія и единство въ поэмахъ представлялись мнѣ въ полной силѣ; я негодовалъ на себя за свой скептицизмъ, лишившій меня вѣры въ единаго Гомера [1]).

Возраженія на взгляды Вольфа о древности письма. 9. Главнымъ основаніемъ теоріи Вольфа служитъ отрицаніе употребленія греками письменности за 950 лѣтъ до Р. Х. Это предположеніе Вольфа далеко не такъ незыблемо, какъ онъ полагалъ.

Должно принять во вниманіе слѣдующее: а) правда, что дошедшія до насъ греческія надписи обыкновенно не древнѣе 7-го вѣка до Р. Х.; но нельзя предполагать, что употребленіе письма на массивныхъ памятникахъ предшествовало употребленію его въ обыден-

[1]) Praef. ad Iliad, p. XXII: quoties... penitus immergor in illum veluti prono et liquido alveo decurrentem tenorem actionum et narrationum: quoties animadverto ac reputo mecum quam in universum aestimanti unus his carminibus insit color... vix mihi quisquam irasci et succensere gravius poterit, quam ipse facio mihi.

номъ быту; обратное предположеніе болѣе вѣроятно. Если же греческое письмо на камнѣ неуклюже, то это еще не доказываетъ, что греки имѣли мало упражненія въ немъ, а скорѣе, что они еще не пріобрѣли достаточнаго навыка въ вырѣзываніи буквъ на твердомъ камнѣ [1]); хотя и задолго до этого времени могли уже достигнуть ловкости въ письмѣ на матеріалѣ болѣе мягкомъ, но къ сожалѣнію болѣе подверженномъ вліянію времени, какъ то: на листьяхъ, выдѣланной кожѣ [2]), деревѣ или воскѣ.

b) Торговыя сношенія между греками и финикіянами, отъ которыхъ греки заимствовали алфавитъ, вѣроятно, были часты начиная съ 1100 г. до Р. Х., а можетъ быть даже раньше. Финикіяне же, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ, съ древнѣйшихъ временъ употребляли письмо не только «для памяти объ общественныхъ дѣлахъ», но и «для домашнихъ потребностей» (εἴς τε τὰς περὶ τὸν βίον οἰκονομίας καὶ πρὸς τὴν τῶν κοινῶν ἔργων παράδοσιν) [3]). Странно было бы тогда, если такой живой народъ, какъ греки, не подражалъ бы

---

[1]) Hicks въ своемъ прекрасномъ «руководствѣ къ греческимъ историческимъ надписямъ» замѣчаетъ (стр, 1): «безъ сомнѣнія неуклюжія буквы на древнихъ мраморахъ доказываютъ, что искусство письма было мало знакомо грекамъ даже въ 7-мъ столѣтіи до Р. Х.» Но, не говоря о древнѣйшихъ «киклическихъ» поэмахъ, достовѣрно извѣстно, что уже поэты, жившіе въ началѣ 7-го столѣтія, употребляли письмена, какъ это мы увидимъ далѣе.

[2]) Гумбольдтъ (Atlas p 66), замѣчаетъ, что древне-мексиканскіе манускрипты были писаны на оленьей кожѣ, бумажной ткани, или на бумагѣ, приготовленной изъ растенія «maguy», и предполагаетъ, что у грековъ употребленіе выдѣланной кожи для письма могло предшествовать употребленію бумаги. Мы знаемъ, что оно вообще предшествовало употребленію «папируса». Мнѣніе Вольфа, что такія кожи (διφθέραι) для письма перешли къ грекамъ съ Востока не ранѣе какъ около 776 г. до Р. Х. (sub epocham Olympiadum), нуждается еще въ доказательствѣ и противно всякой вѣроятности.

[3]) κατὰ Ἀπίωνος I. 6.

этому примѣру до 7-го столѣтія до Р. Х., т. е. до времени довольно уже поздняго въ общемъ развитіи этого народа.

c) Мы знаемъ, что длинныя эпическія поэмы (нѣкоторыя изъ извѣстныхъ подъ названіемъ киклическихъ), никогда не пользовавшіяся такою популярностью, какъ Гомеръ, происходятъ изъ 8-го столѣтія до Р. Х., и было бы совсѣмъ невѣроятно, чтобы эти относительно мало извѣстныя произведенія сохранялись безъ помощи письма. Таковы напр. *Кипріи*, приписываемыя Стасину, и *Эѳіопида* Арктина. Архилохъ и другіе поэты начала 7-го столѣтія несомнѣнно писали свои произведенія. Впрочемъ, самъ Вольфъ допускаетъ случайное употребленіе письма поэтами раньше 776 г. до Р. Х. [1]).

d) Вообще больше вѣроятности на сторонѣ взгляда, что *σήματα λυγρά* въ Ил. 6, 168 означаютъ какое то алфавитное или силлабическое письмо [2]). Но, допуская даже, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ не встрѣчается ни

---

[1]) Вольфъ, очень добросовѣстный изслѣдователь, допуская, что Арктинъ и другіе поэты начала 8-го столѣтія до Р. Х. писали уже свои поэмы, не согласенъ признать, что вся Греція пользовалась искусствомъ письма. Но зачѣмъ проводить такую точную границу именно 776 или 800 г. до Р. Х.? И допуская древнюю, но мало распространенную письменность, почему не допустить Гомеру быть однимъ изъ немногихъ, знавшихъ это искусство?

[2]) *πόρεν δ' ὅ γε σήματα λυγρὰ γράψας ἐν πίνακι πτυκτῷ θυμοφθόρα πολλά. δεῖξαι δ' ἠνώγειν ᾧ πενθερῷ.* На десятый день ликійскій царь *ἤτεε σῆμα ἰδέσθαι* (176), получивъ *σῆμα κακόν* (178), рѣшился убить Беллерофонта. Но, какъ давно уже замѣтилъ Kreuser (Vorfragen über Homeros стр. 202, 1828), *πτυκτῷ* значитъ, что *σήματα* (или *σῆμα*) могли быть поняты самимъ Беллерофонтомъ; выраженіе *πολλά* предполагаетъ скорѣе слова чѣмъ образное письмо. Ulrici (Geschichte der Hellenischen Dichtkunst I, 226) держится мнѣнія, что *δεῖξαι* не можетъ относиться къ буквамъ; но почему? Thirlwall говоритъ (Hist. of Gr. I, 502, ed. 1855) могло значить «предложить» (или лучше, можетъ быть, «представить»). Monro (прим. къ Il. 6, 168 ed. 1884) и Taylor (Alphabet II, 117) склоняются къ высказанному нами въ текстѣ.

одного намека на письменность, все же изъ этого умолчанія нельзя вывести никакого доказательства, такъ какъ въ героической поэзіи, предназначенной для рецитаціи, оно могло быть обычнымъ.

e) Геродотъ, говоря объ одной греческой надписи, которую онъ видѣлъ въ Ѳивахъ, полагаетъ, что она вырѣзана за нѣсколько столѣтій до его времени [1]). Подобную вѣру въ глубокую древность письменъ можно найти и вообще въ греческой литературѣ 5-го и 4-го вѣка до Р. Х. [2]).

f) Новѣйшія изслѣдованія показали несостоятельность доказательства, что поэмы были сочинены задолго до времени, когда ихъ записали, потому что въ нихъ встрѣчается звукъ дигамма, не обозначаемый никакимъ знакомъ даже въ самыхъ древнихъ рукописяхъ Гомера [3]).

g) Понятіе «литературное употребленіе письма» требуетъ объясненія. Если мы подъ этимъ разумѣемъ, «широкое распространеніе рукописей въ многочисленныхъ экземплярахъ для читающей публики», то дѣйствительно ничего подобнаго не встрѣчается до послѣдней половины 5-го столѣтія до Р. Х. Но представимъ себѣ, что если кто-нибудь сочинилъ бы нѣсколько стиховъ и боялся ихъ позабыть, то неужели, умѣя обращаться съ «финикійскими знаками» для записыванія денеж-

---

[1]) Her. 5, 59 ταῦτα ἡλικίην ἂν εἴη κατὰ Λάϊον τὸν Λαβδάκου (т. е. значительно древнѣе троянской войны по миѳической хронологіи). Намъ не требуется точно знать древность надписи, достаточно, что Геродотъ не стѣснялся высказать свою догадку, какъ нѣчто само собой понятное.

[2]) Такъ у Эврипида въ Hipp. 451 кормилица говоритъ, что любовныя похожденія боговъ извѣстны всѣмъ, имѣющимъ γραφὰς τῶν παλαιτέρων — разумѣя (какъ мнѣ кажется), не рисунки, а буквы. Точно также въ Ифигеніи въ Авлидѣ (vs. 35) Агамемнонъ пишетъ письмо. Но эти доказательства изъ косвенныхъ литературныхъ свидѣтельствъ зависятъ въ такой степени отъ общаго тона и цѣльности разсказа, что мы не можемъ привести ихъ здѣсь вполнѣ.

[3]) См. ниже § 39.

ныхъ расчетовъ и другихъ замѣтокъ, онъ не записалъ бы своихъ стиховъ? Напротивъ, это дѣйствительно и дѣлали, какъ допускаетъ даже Вольфъ, уже ранѣе 776 г. до Р. Х.; такимъ образомъ записанные стихи хотя и предназначались для чтенія только самого автора, или нѣсколькихъ его знакомыхъ, но цѣль была достигнута.

Выводы. 10. Итакъ, въ теоріи Вольфа, мы должны различать три положенія, основанныя на разныхъ степеняхъ вѣроятія—сочиненіе въ умѣ, изустную передачу и преданіе потомству. Что касается сочиненія въ умѣ, то нельзя отрицать возможности, чтобы какой-либо особенно даровитый человѣкъ не могъ составить на память всю нашу Иліаду и Одиссею безъ помощи письма; такъ какъ извѣстны подобные примѣры замѣчательной памяти [1]). Относительно устной передачи слѣдуетъ замѣтить, что въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ гомеровскія поэмы извѣстны были грекамъ вообще только въ отрывкахъ изъ рецитацій. Серьезное затрудненіе возникаетъ исключительно только для теоріи преданія потомству. Трудность состоитъ не столько въ невозможности для человѣческой памяти исполнить это, сколько въ томъ, что точная передача текста такихъ обширныхъ произведеній и въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій безъ помощи письма требовала бы особыхъ учрежденій, о которыхъ намъ ничего неизвѣстно. По ближайшей аналогіи (Индія) слѣдовало бы предположить религіозное или жреческое вчинаніе. Мы должны

[1]) Средневѣковая нѣмецкая поэма «Parzival», содержащая болѣе 24.000 стиховъ, была сочинена въ 13-мъ столѣтіи Wolfram von Eschenbach'омъ, бѣднымъ рыцаремъ, который сознается, что не умѣлъ ни читать, ни писать. Lachmann ссылается на этотъ примѣръ. Но прежде, чѣмъ примѣнять его въ гомеровскомъ вопросѣ, слѣдуетъ точно узнать, не пользовался-ли Eschenbach помощью писца.

бы были представить себѣ цѣлыя жреческія коллегіи, въ которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе люди посвящали бы свою жизнь этому дѣлу. Но такое представленіе совершенно не вяжется съ свободой духа, которой были проникнуты эллинская жизнь и искусство; оно не можетъ также согласоваться и съ тѣмъ, что мы знаемъ о странствующихъ рапсодахъ. Слѣдовательно общій выводъ таковъ: нельзя доказать, что гомеровскія поэмы были написаны въ иное время, нежели ихъ сочиняли, или вскорѣ послѣ сочиненія. Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій онѣ извѣстны были грекамъ изъ устъ рапсодовъ; но этотъ фактъ не опровергаетъ присутствія у рапсодовъ писанныхъ копій, и, съ другой стороны, одна чисто устная передача едва-ли возможна.

Преданіе о Пизистратѣ. 11. Слѣдующимъ доказательствомъ противъ употребленія Гомеромъ письма было для Вольфа преданіе, что разрозненныя поэмы Гомера были впервые собраны и записаны въ Аѳинахъ во время Пизистрата. Это преданіе и темно и сомнительно. Оно не встрѣчается ни у одного изъ латинскихъ писателей до Цицерона, а у греческихъ — даже до Павзанія [1]). По другому пре-

[1]) Cic. De Orat. 3, 34, 137, qui primus Homeri libros, confusos antea, sic disposuisse dicitur ut nunc habemus. Pausan. 7. 26. Πει-σίστρατος ἔπη τὰ Ὁμήρου διεσπασμένα τε καὶ ἄλλα ἀλλαχοῦ μνημονευόμενα ἠθροίζετο. Одна изъ біографій Гомера (которыя всѣ вѣроятно древнѣе христіанской эры) приводитъ надпись на одной изъ статуй Пизистрата въ Аѳинахъ, въ которой онъ будто бы самъ говоритъ—τὸν Ὅμηρον ἤθροισα, σποράδην τὸ πρὶν ἀειδόμενον. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы такая статуя существовала послѣ 510 года до Р. Х. и эта надпись—просто реторическая подделка позднѣйшихъ временъ и можетъ быть это былъ первый источникъ разсказа, впервые явившагося у Цицерона. Одно Scholium къ Плавту, найденное послѣ Вольфа и изданное Ритчелемъ (die Alexandr. Bibliotheken p. 4) разсказываетъ это преданіе въ нѣсколько болѣе обстоятельной формѣ. Pisistratus sparsam prius Homeri poesin... sollerti cura in ea quae nunc extat redegit volumina, usus ad hoc opus divinum industria quattuor celeberrimorum et eruditissimorum hominum, videlicet Concyli (?), Onomacriti

данію, болѣе древнему, Ликургъ впервые, около 776 г. до Р. Х., привезъ на материкъ Греціи полный списокъ гомеровскихъ поэмъ, которыя были раньше извѣстны только отрывками [1]). Если мы признаемъ даже достовѣрность преданія о Пизистратѣ, то, основываясь на немъ только, мы не можемъ отрицать первоначальнаго единства поэмъ; такъ какъ если въ продолженіе столѣтій рапсодіи рецитировались отдѣльно, то легко могли явиться недоразумѣнія по поводу ихъ настоящаго порядка и отношенія ихъ къ общему плану великой эпопеи. Не пренебрегая совершенно преданіемъ, мы можемъ представить себѣ, что Пизистратъ не создалъ новое еди-

---

Atheniensis, Zopyri Heracleotae, Orphei Crotoniatae. Это извѣстіе заимствовано изъ замѣтки Цецеса (12-го стол.), впервые обнародованной Кейлемъ: Ὁμηρείους δὲ βίβλους... συντέθεικαν σπουδῇ Πεισίστρατος (? Πεισιστρατίδαι) παρὰ τῶν τεσσάρων τούτων σοφιστῶν ἐπὶ κογκύλον, Ὀνομακρίτου τε Ἀθηναίου, Ζωπύρου τε Ἡρακλεώτου καὶ Κροτωνιάτου Ὀρφέως. Другая варіація публикована Крамеромъ изъ одной парижской рукописи: οἱ δὲ τέσσαρσί τισι τὴν ἐπὶ Πεισιστράτου διόρθωσιν. ἀναφέρουσιν Ὀρφεῖ Κροτωνιάτῃ, Ζωπύρῳ Ἡρακλεώτῃ, Ὀνομακρίτῳ Ἀθηναίῳ καὶ καγ ἐπι κογκυλω. На поляхъ парижской рукописи читаемъ Ἀθηνοδώρῳ ἐπίκλην (ἐπίκλησιν) Κορδυλίωνι, что означаетъ вѣроятно, что Аѳинодоръ Кордиліонъ, пергамскій грамматикъ 2-го столѣтія до Р. Х., считался источникомъ преданія. Для испорченныхъ словъ ἐπὶ κογκύλον и καγ ἐπὶ κογκυλω сдѣлана была конъектура, что онѣ означаютъ ἐπικὸν κύκλον и что принятыя за имя человѣка онѣ привели къ преданію о четвертомъ членѣ этой коммиссіи. Но все это подлежитъ сомнѣнію. См. Volkman'a pp. 333 и слѣд. Ономакритъ былъ прорицатель и издатель оракуловъ Мусея; Гиппархъ, сынъ Пизистрата, изгналъ его изъ Аѳинъ за подделку одного оракула, въ которой уличилъ его лирическій поэтъ Ласосъ Герміонскій (ἐμποιέων ἐς τὰ Μουσαίου χρησμόν — Her. 7, 6).

[1]) По мнѣнію Плутарха греки собственной Греціи около 776 г. до Р. Х. знали Гомера только по наслышкѣ, такъ какъ немногія лица имѣли отрывки его поэмъ, пока Ликургъ не привезъ полнаго ихъ списка изъ Крита, гдѣ онѣ сохранялись потомками друга Гомера, Креофила: — ἦν γάρ τις ἤδη δόξα τῶν ἐπῶν ἀμαυρὰ παρὰ τοῖς Ἕλλησιν, ἐκέκτηντο δὲ πολλοι μέρη τινά, σποράδην τῆς ποιήσεως, ὡς ἔτυχε, διαφερομένης (Lucurg c. 4). Преданіе о Ликургѣ упоминается въ 4-мъ столѣтіи до Р. Х историкомъ Эфоромъ и Гераклидомъ Понтійскимъ.

ство поэмъ, а старался только возстановить старое, которое было нарушено [1]).

Естественность и искуственность. 12. «Гомеровскія поэмы искусственны», говоритъ Вольфъ, «но эта икусственность очень близка къ естественности, она вытекаетъ изъ прирожденной склонности человѣка къ доброму и прекрасному, а не изъ формальныхъ школьныхъ правилъ» [2]). Здѣсь мы видимъ вліяніе эпохи Вольфа, которая возставала противъ педантическихъ правилъ псевдоклассицизма. Искусство было связано тогда абстрактными законами о «единствахъ» и т. д.: оно стало синонимомъ холодной расчетливости. «Естественнымъ сдѣлалось поэтому все, что противорѣчило «искусственности», т. е. вольность, оригинальность, геній [3]). Смѣшеніе двухъ понятій долго запутывало гомеровскій вопросъ въ Германіи. Вольфъ былъ про-

---

1) Такъ понималъ Ритчль, принимавшій преданіе о Писистратѣ.

2) Proleg c. XII p. XLII. Въ 1735 г. Thomas Blakwell, профессоръ греческаго языка въ Эбердинѣ обнародовалъ свое «изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Гомера»; эта книга произвела впечатлѣніе и за границей, потому что она въ противоположность общему мнѣнію указывала, что превосходство Гомера произошло отъ счастливаго стеченія обстоятельствъ.

3) Этотъ періодъ «Sturm und Drang» былъ такъ названъ по заглавію одной драмы F. M. V. Klinger'a (род. въ 1752 г.). Volkmann въ упомянутомъ выше сочиненіи полагаетъ, что первый толчекъ этому движенію данъ былъ англійской литературой 18-го вѣка: «геній и оригинальность, эти хорошо извѣстные пароль и лозунгъ нашего періода Sturm und Drang, суть идеи, перешедшія къ намъ изъ Англіи, (p. 14). Ср. Lewes, Story of Goethe's Life, p. 79: «тогда было общимъ кличемъ—естественность!» Для молодежи эта естественность была какой то смѣсью вулканическаго изверженія и луннаго свѣта; ея сила заключалась въ взрывахъ, ея красота—въ сентиментальности. Быть гордымъ и сентиментальнымъ, горячимъ и плаксивымъ считалось точной примѣтой генія. Ничего установленнаго не признавалось. Геній, ненавидящій все обыденное, могъ не умѣть ни читать, ни писать, ни выражаться правильно. Онъ былъ нѣмецкимъ—не стѣснявшимся правилами приличія, грубымъ, естественнымъ. И онъ дѣйствительно былъ не благопристоенъ, грубъ; но былъ ли онъ естественъ? Нѣтъ, потому что онъ не соотвѣтствовалъ никакому честному типу.

никнутъ идеей, что гомеровская поэзія была первобытною поэзіею греческаго народа въ его первой юности, возбужденною «божественной силой и вдохновеніемъ природнаго генія» [1]). Онъ справедливо говорилъ, что Гомера и Каллимаха, Виргилія, Нонна и Мильтона не слѣдуетъ читать одновременно [2]). Съ другой стороны, Вольфъ ошибался, сравнивая поэмы Гомера съ грубыми формами первобытной пѣсни другихъ странъ [3]). Англійскія баллады, напримѣръ, хотя богаты чистыми элементами естественной поэзіи и особенно въ своемъ безъискусственномъ паѳосѣ онѣ часто неподражаемы, но Иліада и Одиссея свидѣтельствуютъ о болѣе широкой умственной дѣятельности: онѣ полны болѣе тонкаго вкуса и принадлежатъ къ виду поэзіи, который является въ болѣе позднее время интеллектуальнаго развитія народа [4]). Если мы

---

[1]) Proleg. p. CCLV «iuveniliter ludenti populo... divina ingenii vi ac spiritu».

[2]) Ib. p. XLVI.

[3]) Поэмы Оссіана были изданы Мэкферсономъ въ 1760—65 г. Вольфъ замѣчаетъ, что „Гомеръ — т. е. древняя поэзія іонянъ" „стояла на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ кельтскія пѣсни Оссіана", но по его мнѣнію онѣ аналогичны въ двухъ пунктахъ: 1) онѣ не принадлежатъ къ одной эпохѣ и 2) не дошли до насъ въ своей первоначальной формѣ. (Proleg. p. CCLV.). Гейне, въ примѣчаніи къ Иліадѣ 16,53, сравнивалъ гомеровскія уподобленія съ таковыми же Оссіана.

[4]) Вольфъ имѣлъ много сторонниковъ между нѣмецкими критиками, но не пользовался особеннымъ успѣхомъ у поэтовъ. Шиллеръ называлъ его теорію „варварскою". Виландъ хотя былъ ею заинтересованъ, но не убѣжденъ. Клопштокъ былъ рѣшительно противъ нея. Гёте вначалѣ послѣдовалъ за Вольфомъ (1796), но въ 1798 г. онъ писалъ Шиллеру. „Я болѣе чѣмъ когда либо убѣжденъ въ единствѣ и недѣлимости поэмы" (Иліады); а въ небольшомъ трактатѣ подъ заглавіемъ „Homer noch einmal" изложенъ его окончательный взглядъ (1821). Фоссъ, въ одно и тоже время ученый и поэтъ, также не былъ убѣжденъ Вольфомъ. Это освѣщаетъ замѣчаніе Тэрвалля, что критики, изучавшіе частности поэмъ Гомера, обыкновенно высказывались за множественность авторовъ, тѣ же, которые занимались больше общимъ обзоромъ, склонялись сохранить первоначальное единство. Такъ обыкновенно смотрятъ на Гомера поэты.

попытаемся уяснить представленіе Вольфа о «первобытномъ поэтѣ», то мы придемъ къ такому только заключенію: это поэтъ, который не умѣлъ писать, сочинялъ для слушателей, а не для читателей, и притомъ только короткія поэмы.

Эластичность теоріи Вольфа. 13. Продолжительное вліяніе сочиненія Вольфа проистекало не столько отъ таланта, съ какимъ Вольфъ проводилъ свою теорію, сколько отъ такта, съ которымъ онъ избѣгалъ излишней сухости. Его литературный вкусъ давалъ ему возможность распознавать внутреннія связи, которыя сообщали каждому эпосу единство, и удерживалъ его отъ излишняго употребленія внѣшнихъ доказательствъ. Вольфъ не пытался опредѣлить съ точностію, что было сдѣлано первымъ поэтомъ, гдѣ начали другіе поэты, или чѣмъ они отличались другъ отъ друга. Поэтому «Вольфіянецъ» есть очень растяжимый терминъ, заключающій въ себѣ много оттѣнковъ. Онъ былъ употребляемъ то слишкомъ широко, то слишкомъ узко.

Истинное ученіе «Вольфіянцевъ» состоитъ въ томъ, что гомеровскія поэмы были составлены въ началѣ литературной эпохи Греціи изъ короткихъ не писанныхъ пѣсенъ, дошедшихъ отъ первобытныхъ временъ. Сколько именно этихъ небольшихъ пѣсенъ сочинилъ *одинъ поэтъ*, было далеко неважно. Личное мнѣніе Вольфа, какъ мы видѣли, заключалось въ томъ, что поэтъ, который *началъ* рядъ пѣсенъ, сочинилъ и *большую часть* ихъ, а позднѣйшіе поэты продолжили главную нить его труда.

Развитіе теоріи Вольфа. Теорія Вольфа развилась въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. По одному — перваго поэта считали *менѣе* вліявшимъ на слѣдующихъ, чѣмъ полагалъ Вольфъ, представите-

лемъ этого направленія явился Лахманнъ; по другому, напротивъ, признавали его *болѣе* влiявшимъ, этого держался Германнъ.

Лахманнъ. 14. Лахманнъ раздѣлилъ Иліаду на 18 отдѣльныхъ сказаній [1]). Остается нерѣшеннымъ, должно ли приписывать ихъ восемнадцати различнымъ авторамъ. Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, каждое сказаніе было болѣе или менѣе независимо отъ остальныхъ [2]). Главнымъ доказательствомъ этому служитъ разногласіе въ мелочахъ. Первый поэтъ, по его мнѣнію, представилъ въ своемъ воображеніи живую картину и выполнилъ ее въ совершенствѣ. Лахманнъ утверждалъ также, что многія сказанія существенно различны по духу [3]). Онъ приготовился къ анализу Иліады, испытавъ себя напередъ на Nibelungenlied, въ которой онъ открылъ двадцать независимыхъ одно отъ другого сказаній [4]). Къ несчастію для аналогіи этотъ взглядъ на Нибелунговъ оказался по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ мало вѣроятнымъ.

Произвольный характеръ такой теоріи Лахманна

[1]) Betrachtungen über Homers Ilias (Berlin 1846).

[2]) Единственное исключеніе, допущенное Лахманномъ, составляетъ его 16-е сказаніе (= Ил. рапс. 18—22), которое было назначено для продолженія 15-го (= Ил. 15.592 до конца 17 рапсодіи), сочиненного другимъ поэтомъ. Вообще онъ согласенъ, что послѣ 11-й рапсодіи Иліады сказанія менѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга. Такъ, напр., во всѣхъ признается, что Агамемнонъ, Одиссей и Діомедъ не участвуютъ въ битвѣ. Гротъ говоритъ, что «всякое допущеніе сцѣпленія позднѣйшихъ по времени пѣсенъ съ ранними есть „почетная капитуляція" Вольфовой гипотезы». (Hist. Gr. vol. II, p. 233, прим. 1). Это не совсѣмъ такъ. Вольфъ признавалъ, что поздніе поэты продолжали «нити» перваго (см. стр. 109). Вольфъ сказалъ бы объ Лахманнѣ, что тотъ пренебрегъ общимъ единствомъ, которое представляютъ теперь эпосы.

[3]) «ihrem Geiste nach höchst verschiedene Lieder». (Fernere Betrachtungen etc. p. 18, § XXIII).

[4]) Ueber die ursprüngliche Gestalt des Gedichts von der Nibelungen Noth. Berlin, 1816.

выразился во множествѣ подобныхъ теорій. Kœchly разложилъ Иліаду на шестнадцать сказаній, исключивъ 9 и 10-ю рапсодіи [1]). Но сказанія по Kœchly не соотвѣтствуютъ сказаніямъ по Лахманну. Эти два оператора держатся разныхъ взглядовъ на анатомію. «Теорія короткихъ пѣсенъ» (Klein-Lieder-Theorie), какую бы форму она ни принимала, по необходимости исключаетъ мысль, что одинъ поэтъ можетъ по преимуществу пользоваться вліяніемъ на общій планъ поэмъ.

Германнъ. 15. Германнъ въ свою очередь развилъ теорію Вольфа въ духѣ самого ея автора [2]). Германнъ ясно видѣлъ одну трудность, которую Вольфъ оставилъ безъ объясненія. «Гомеровская пряжа» была начата, говорилъ Вольфъ, первымъ и главнымъ поэтомъ, который довелъ ее до «извѣстнаго предѣла», затѣмъ продолжили ее другіе. Но зачѣмъ имъ было продолжать ее въ такихъ узкихъ предѣлахъ? Зачѣмъ ограничились они описаніемъ немногихъ дней изъ осады Трои? Зачѣмъ они воспѣли «возвращеніе» только Одиссея? Это произошло, говоритъ Германнъ, потому что первый великій поэтъ (Гомеръ) не только довелъ пряжу до извѣстнаго предѣла, но, пользуясь широко прежнимъ матеріаломъ, составилъ всю первоначальную основу нашей Иліады и Одиссеи (пра-Иліаду, пра-Одиссею). Дѣломъ преемниковъ Гомера было только исполненіе ткани въ установленныхъ предѣлахъ, а не продолженіе нитей пряжи.

Соотвѣтственно мнѣнію Вольфіянцевъ о первобытномъ поэтѣ, Германнъ полагалъ, что эти поэмы были коротки; тѣмъ не менѣе несмотря на свой «неболь-

---

[1]) Iliadis Carmina XVI Restituta edidit Arminius Koechly Turicensis, 1861.

[2]) Dissertatio de Interpolationibus Homeri въ его Opuscula, vol. V, p. 52 (1834). Ueber Homer und Sappho св. VI, pars I, p. 70 (1835). De Iteratis apud Homerum, ib. VII, p. 11, (1840).

шой объемъ» онѣ превосходили всѣ другія произведенія этой эпохи своимъ «духомъ, силою и искусствомъ». Поэты, явившіеся послѣ Гомера до времени «киклическихъ эпопей» (т. е. приблизительно до 800 г. до Р. Х.), ограничивались только отдѣлкою первоначальной Иліады и Одиссеи. Ихъ работа совершалась въ трехъ направленіяхъ. a) Они вставляли цѣлыя мѣста, подражая Гомеру, или даже просто повторяли отдѣльные стихи или группы стиховъ; такимъ подражаніемъ было, по Германну, начало 8-й рапсодіи Иліады. b) Они расширяли эпизоды въ подлинныхъ поэмахъ; такъ битва боговъ въ Иліадѣ 21 была разсказана на основаніи Ил. 20, 56—74. c) Вообще они передѣлывали подлинныя поэмы, придавая имъ совсѣмъ новый видъ. Когда Германнъ говорилъ объ «интерполяціяхъ» у Гомера, онъ разумѣлъ не только простую вставку стиховъ, а понималъ слово «интерполяція» въ латинскомъ смыслѣ «обновленія» [1]. По его мнѣнію эти послѣдующіе поэты не нашли бы слушателей, если бы они переступили заколдованный кругъ, проведенный первымъ поэтомъ. Чтобы такая сила вліянія Гомера не показалась слишкомъ странной, Германнъ сдѣлалъ дальнѣйшее предположеніе, что произведеніе Гомера было не только великимъ по значенію, но было новымъ въ своемъ родѣ. Поэты до него единственно хотѣли поучать (быть дидактиками), онъ же первый началъ воспѣвать дѣянія героевъ. Такое предположеніе само по себѣ невѣроятно, и если мы его даже допу-

---

[1]) Германнъ самъ опредѣлилъ употребленіе этого термина въ письмѣ своемъ къ Ильгену, помѣщенномъ въ его изданіи гимновъ (1806), p. VIII: Interpolationem autem dico non modo quam nunc plerique intelligunt quae est in adiectione novorum versuum, sed quam antiqui appellabant, cujus est omnino rem veterem nova specie induere Cp. Cic. ad Qu. F. ii 12. togam interpolet, «снова набѣлилъ свою тогу».

стимъ, то оно будетъ недостаточно чтобъ объяснить, какъ могла эпическая поэзія ограничиваться въ продолженіе многихъ столѣтій двумя героическими темами.

Реакція. 16. До сихъ поръ мы видѣли отождествленіе поэзіи Гомера съ короткими не писанными пѣснями первичнаго эпоса. Эта основная идея обща Вольфу и настоящимъ Вольфіянцамъ, какъ то Лахманну и Германну. Мы обратимся теперь къ другой теоріи, болѣе близкой къ истинѣ. На основаніи ея Гомеръ не есть первичный поэтъ, а великій художникъ, который послѣ періода небольшихъ пѣсенъ составилъ эпосъ по широкому плану. Онъ есть основатель эпоса.

Эту мысль наиболѣе удачно выразилъ G. W. Nitzsch, вызвавшій первую дѣйствительную реакцію противъ теоріи Вольфіянцевъ [1]). Онъ указалъ, что нѣкоторые «киклическіе эпосы» седьмого и восьмого столѣтія до Р. Х. основываются на нашей Иліадѣ и Одиссеѣ и подходятъ къ нимъ по объему и формѣ [2]), представляя какъ бы дополненіе или введеніе въ гомеровскія поэмы [3]). Онъ доказалъ, что употребленіе письма въ

[1]) De Historia Homeri maximeque de scriptorum carminum aetate meletemata (Hannover 1830—1837. Дополненія были изданы въ Килѣ 1837—1839 г.). Первымъ его вкладомъ въ гомеровскій вопросъ была Indagandae per Homeri Odysseam interpolationis praeparatio (1828). Изъ болѣе раннихъ его изслѣдованій по Гомеру можно упомянуть статью его „Odyssee“ въ Allgemeine Encyclopädie (1829). Его большое сочиненіе Sagenpoesie der Griechen явилось въ 1852 г.; его Beiträge zur Geschichte der epischen Poesie въ 1862 г.

[2]) De Hist. Hom. p. 152. Онъ ссылается на 1) „Эѳіопиду“ и на „Иліу Персисъ“ Арктина, 2) на „Кипріи“ 3) на „Носты“ Агія 4) на малую Иліаду Лесха, 5) на Телегонію Евгаммона. Когда эти поэмы были написаны, мы должны заключить, говоритъ онъ, Iliadem et Odysseam ambitu ac forma in universum tales jam ac tantas extitisse quantas hodie habemus.

[3]) Первый томъ T. G. Welcker'a „Der Epische Cyclus oder die homerischen Dichter, книга, впервые бросившая свѣтъ на „Кикликовъ“, явилась въ Боннѣ въ 1835 г., второй томъ въ 1849 г. Положенія Nitzsch'a пріобрѣли еще болѣе вѣроятности отъ выводовъ Welcker'a.

Греціи было гораздо древнѣе, чѣмъ полагалъ Вольфъ, и служило вспомогательнымъ средствомъ для памяти задолго до появленія читающаго общества. «Гомера», говоритъ Ницшъ, «я считаю поэтомъ, который сдѣлалъ огромный шагъ впередъ отъ различныхъ небольшихъ пѣсенъ древнихъ пѣвцовъ, разсказывавшихъ о троянской войнѣ. Онъ превратилъ Иліаду, которая первоначально говорила только «о намѣреніи Зевса», въ нашу Иліаду о «гнѣвѣ Ахиллеса».... Въ этой поэмѣ, какъ я думаю, сохранились многія древнія пѣсни. Одиссея была, можетъ быть, произведеніемъ того же поэта, и онъ воспользовался древними источниками подобнымъ же образомъ. Но въ Одиссеѣ, прибавляетъ Ницшъ, выдѣляется рѣзче оригинальность поэта, чѣмъ въ Иліадѣ. Одиссея была первымъ большимъ эпосомъ въ своемъ родѣ, т. е. содержащимъ рядъ чудесныхъ приключеній. Частности украшеній въ Одиссеѣ обязаны своимъ происхожденіемъ самому автору. Такимъ образомъ Ницшъ считаетъ Гомера очень древнимъ поэтомъ, съ котораго начинается литературная эпоха. Гомеръ нашелъ небольшое число короткихъ пѣсенъ о Троѣ и создалъ изъ нихъ твореніе новаго рода, обширный эпосъ о гнѣвѣ Ахиллеса. Мелкія вставки и измѣненія были сдѣланы позже. Но наша Иліада, какъ твореніе одного человѣка, и наша Одиссея, какъ произведеніе, можетъ быть, того же автора, приняли существенно свой настоящій видъ гораздо ранѣе 800 г. до Р. Х.

Гротъ. 17. Англійскій ученый Гротъ согласенъ вообще со взглядомъ, высказаннымъ Ницшемъ [1]). Онъ

---

[1]) Hist. Gr. c. XXI vol. II. p. 234. «За періодомъ былинъ слѣдуетъ періодъ эпопеи—короткія самородныя изліянія подготовили путь, дали матеріалъ для творчества генію поэта.... Таково, по моему мнѣнію, вѣрное пониманіе гомеровской эпохи въ организующемъ поэтическомъ духѣ, сохранившемъ ту свѣжесть наблюденія и живости подробностей, которая составляетъ красоту балладъ.

полагаетъ, что Гомеръ принадлежитъ второй стадіи развитія эпоса, а не первой, такъ какъ онъ былъ творцомъ обширнаго эпоса, а не первичнымъ поэтомъ короткихъ пѣсенъ. Но онъ думаетъ, что наша Иліада развилась шире плана, сперва составленнаго. Первоначальною поэмою была Ахиллеида, повѣствовавшая о гнѣвѣ Ахиллеса, но другой поэтъ, или другіе поэты захотѣли превратить ее въ поэму о троянской войнѣ вообще, т. е. въ Иліаду. Они прибавили цѣлыя рапсодіи безъ всякаго отношенія къ Ахиллеидѣ, только прерывавшія и чрезмѣрно удлинявшія ее.

Ахиллеида. Первоначальная Ахиллеида состояла изъ книгъ Иліады 1 и 8 и отъ 11 до 22 включительно и оканчивалась гибелью Гектора отъ руки Ахиллеса. Книги 2 до 7 включительно, 9, 10, 23 и 24 были прибавлены съ цѣлію превратить Ахиллеиду въ Иліаду. Въ 1-й книгѣ Зевсъ обѣщаетъ наказать грековъ за обиду, нанесенную Ахиллесу: почему это обѣщаніе остается не исполненнымъ до 8-й книги? Книги 2—7 суть просто блестящая картина войны вообще. Въ книгѣ 9-й (посольства) греки унижаются передъ Ахиллесомъ, но онъ прогоняетъ ихъ; это грубо и противно «чувству Немезиды»; въ книгѣ 16, 52—87 Ахиллесъ обходится такъ, какъ бы никогда не обращались къ нему съ подобной просьбой. Книга 10 хотя соотвѣтствуетъ своему мѣсту, но содержитъ отрывочный эпизодъ безъ связи съ послѣдующимъ. Книга 23 (погребальныя игры въ честь Патрокла) и книга 24 (выкупъ тѣла Гектора), «можетъ быть, составляли часть первоначальной Иліады», но, гораздо вѣроятнѣе, были прибавлены позднѣе.

Сужденіе о теоріи Грота. 18. Доказательства Грота противъ книгъ, не принадлежавшихъ Ахиллеидѣ, весьма неравномѣрны по силѣ. Книга 10-я хотя и подходитъ

къ тому мѣсту Иліады, которое она теперь занимаетъ, но безъ сомнѣнія появилась позднѣе другой бо́льшей части Иліады. Языкъ даетъ многія доказательства этому [1]); характеристичное благородство Иліады падаетъ здѣсь до низкаго стиля и тона. Что касается 9-й книги, то нападки Грота вообще уже отражены. Ахиллесъ одержимъ горячей ненавистью; ему не достаточно, что греки сознаютъ свою ошибку; они должны пострадать за нее. Но Гротъ правъ, говоря, что 9-я книга не могла быть извѣстна сочинителю 16-й книги, особенно стиховъ 52—87. 9-я книга не принадлежитъ первоначальной формѣ поэмы. Въ ней встрѣчаются черты языка и особенности содержанія, приближающія ее къ нѣкоторымъ частямъ книгъ 23-й и 24-й и даже 10-й, въ цѣломъ же она отдѣляется отъ остальной Иліады [2]).

Теорія Грота рѣшительно не вѣрна относительно 8-й книги. Онъ считаетъ ее частію своей первоначальной Ахиллеиды, но она стоитъ въ тѣсной связи съ 9-й книгой. Пораженіе грековъ, разсказанное въ 8-й книгѣ, имѣетъ естественнымъ послѣдствіемъ посольство въ 9-й книгѣ, и поэтъ съ намѣреніемъ касается этого. Указанный фактъ согласуется съ особенностями

---

[1]) См. Monro, Il. I — XII., p. 354. Къ нимъ относятся нѣсколько perfecta на κα отъ производныхъ глаголовъ, какъ то: βεβίηκεν; μιγήσεσθαι (365), единств. второе futur. pass. у Гомера, исключая δαήσομαι (въ Од. 3,187, 19,325); νῦν (v. 105) въ смыслѣ „теперь“: примѣры члена употребленнаго послѣ—гомеровскимъ образомъ; нѣсколько названій оружія и платья, которыя не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ у Гомера (какъ то: καταῖτυξ, σαυρωτήρ, ἐκταδίη, κτιδέη); нѣсколько словъ: часто встрѣчаемыхъ въ Одиссеѣ, но не находимыхъ въ Иліадѣ (какъ то: δόσις, φῆμις, δόξα, ἀσάμινθος).

[2]) Примѣрами служатъ ὥστε съ неопред. наклон. (12), безличное δεῖ (337), упоминаніе святилища Аполлона въ Пито̀ (Дельфахъ 405). упоминаніе Египта (382), употребленіе слова Ἑλλὰς въ болѣе широкомъ смыслѣ, по меньшей мѣрѣ = сѣвер. Θессаліи (447); все это—единичные случаи въ Иліадѣ.

8-й книги, изъ него слѣдуетъ, что она была сочинена позднѣе большей части Иліады. Значительное количество стиховъ въ ней взято изъ другихъ мѣстъ Иліады, или Одиссеи [1]).

Книги 2 — 7 задерживаютъ разсказъ и почти навѣрно, можно сказать, не принадлежали поэмѣ въ первой ея формѣ; но все заставляетъ думать, что онѣ (исключая Каталога во 2-й книгѣ) были древнѣйшими вставками въ поэму и, безъ сомнѣнія, старше 8-й книги, въ которой поэтъ подражалъ имъ. Гротъ правъ, принимая 23 и 24-ю книги за позднѣйшія прибавки къ первоначальной поэмѣ. Но онѣ сами принадлежатъ различнымъ эпохамъ. Книга 24-я въ высшей степени проникнута гомеровскимъ духомъ и хотя не включалась въ планъ первой поэмы, но вполнѣ согласуется съ ней въ цѣломъ. Игры въ 23-й книгѣ— прибавка незначительнаго и вѣроятно болѣе позднѣйшаго поэта.

19. Не много найдется въ гомеровской критикѣ болѣе интереснаго, чѣмъ изслѣдованіе, какимъ образомъ Гротъ создалъ свою теорію, приводя 8-ю книгу въ доказательство ея. Онъ искалъ первоначально признаковъ исполненія Зевсомъ обѣщанія, даннаго въ 1-й книгѣ, и наказанія грековъ. Найдя его въ 8-й книгѣ, онъ заключилъ, что въ оригиналѣ Ахиллеиды 8-я книга слѣдовала непосредственно за 1-й. Далѣе въ Иліадѣ встрѣчаются два момента, когда военное счастіе не благопріятствуетъ грекамъ, одинъ—въ 8-й книгѣ, другой—въ 11-й. Гротъ замѣтилъ, что 9 и 10-я книги появились позднѣе, чѣмъ начальная форма поэмы. Но онъ упустилъ изъ виду, что поэтъ, унизившій грековъ передъ Ахиллесомъ въ 9-й книгѣ, долженъ былъ чув-

[1]) О 8-й книгѣ см. Christ'a Prolegomena къ Иліадѣ, стр. 69 и слѣд.

ствовать потребность перваго пораженія ихъ въ войнѣ; поэтому 9-я книга была продолженіемъ 8-й; отсюда, кажется, будетъ проще и понятнѣе, если мы предположимъ, что за 1-ю книгою непосредственно слѣдовала 11-я. Что это было такъ въ дѣйствительности, доказываютъ результаты тщательныхъ новѣйшихъ изслѣдованій.

Источникъ и древность книгъ, не принадлежавшихъ Ахиллеидѣ. Гротъ признавалъ, что книги, которыя онъ исключилъ изъ первоначальной Ахиллеиды, отличались по большей части высокимъ внутреннимъ достоинствомъ. Въ нихъ заключались «самые лучшіе цвѣтки эпической поэзіи грековъ». Онъ также допускалъ, что онѣ сочинены почти въ одно время съ Ахиллеидой: — «и принадлежатъ тому же самому поколѣнію». Одиссея, какъ онъ полагалъ, была произведеніемъ одного поэта, отличнаго отъ поэта Ахиллеиды, но современнаго ему; оба они жили гораздо раньше первой Олимпіады (776 г. до Р. Х.) [1]).

Джеддсъ. 20. Джеддсъ, принимая опредѣленіе Ахиллеиды, сдѣланное Гротомъ, полагалъ [2]), что книги Иліады, не принадлежащія Ахиллеидѣ, были произведеніями позднѣйшаго поэта, сочинившаго Одиссею. Этотъ поэтъ насадилъ на почвѣ древней поэмы, Ахиллеиды, свои собственныя растеньица, прекрасныя и здоровыя, передѣлывая первоначальную Ахиллеиду въ Иліаду, но въ Иліаду не совсѣмъ сплоченную, въ которой «швы еще замѣтны». Сродство Одиссеи съ книгами Иліады, не принадлежащими Ахиллеидѣ (т. е. 2—7, 9, 10, 23, 24), узнается существенно, во 1-хъ, по изо-

---

[1]) Grote. Hist. Gr. vol. II, pp. 236, 262, 273.

[2]) The Problem of the Homeric Poems. By William D. Geddes, Lh. D., Prof. of Greek in (now Principal of) the University of Aberdeen (Macmillan, 1878).

браженію Одиссея, Гектора, Елены и нѣкоторыхъ другихъ; во 2-хъ по взгляду на боговъ и на почитаніе ихъ; въ 3-хъ по нравственнымъ цѣлямъ; въ 4-хъ по мѣстнымъ признакамъ, указывающимъ на іонійское происхожденіе, общее для Одиссеи и для книгъ Иліады, не принадлежащихъ Ахиллеидѣ.

Едва ли нужно говорить, что Одиссея, нося характеръ древности общій съ Иліадою, принадлежитъ болѣе позднему времени. Во II главѣ мы уже привели нѣкоторыя свидѣтельства этого. Нельзя также сомнѣваться, что существуетъ много сходныхъ чертъ между Одиссеей и позднѣйшими книгами Иліады; но не такъ легко рѣшить вопросъ, на сколько онѣ стоятъ въ зависимости отъ единоличности автора поэмъ, или отъ вліянія школы и вообще эпической традиціи. Во всякомъ случаѣ трудъ Джеддса будетъ считаться всегда полезнымъ и оригинальнымъ вкладомъ въ литературу гомеровскаго вопроса [1]).

В. **Христъ**. 21. Христъ въ Prolegomena къ своему изданію текста (1884) высказалъ взглядъ на Иліаду, въ нѣкоторой степени консервативный; онъ задался мыслью примирить различныя противорѣчащія теоріи между собою. Нижеслѣдующее представляетъ краткій очеркъ этого взгляда.

Великій поэтъ, Гомеръ, сочинилъ опредѣленное число эпическихъ пѣсенъ, служившихъ для отдѣльныхъ рецитацій и потому довольно самостоятельныхъ, но въ то же время связанныхъ общимъ планомъ, который представлялся яснымъ въ его умѣ. «Древняя» или первоначальная Иліада состояла изъ такихъ пѣсенъ и представляла одно цѣлое. Она содержала ссору Ага-

---

[1]) Особенно интересны главы о „мѣстныхъ чертахъ“ (XVIII—XXI), указывающихъ на личное знакомство поэта съ европейской и азіатской Греціей.

мемнона съ Ахиллесомъ (кн. 1, 1—305); рѣшеніе Зевса отмстить за Ахиллеса (кн. 1, 306—до конца); подвиги Агамемнона, его пораненіе и пораженіе грековъ (кн. 2, 1—595); выступленіе Патрокла на помощь грекамъ и убіеніе его Гекторомъ (кн. 16 и 17); возвращеніе Ахиллеса къ войнѣ; его побѣду надъ троянцами и убіеніе Гектора (кн. 18—22, за исключеніемъ нѣкоторыхъ большихъ вставокъ).

Эта «древняя» Иліада была расширена различнымъ образомъ, частію самимъ авторомъ, Гомеромъ, частію поэтами, которымъ онъ предоставилъ «храненіе, рецитацію и распространеніе своихъ поэмъ». Христъ называетъ этихъ поэтовъ «гомеридами» [1]) и считаетъ Гомера «основателемъ ихъ рода» (conditor gentis).

22. Отличить вставки, сдѣланныя въ «древнюю» Иліаду самимъ Гомеромъ, отъ вставокъ, сдѣланныхъ «гомеридами», столь же трудно, думаетъ Христъ, какъ отличить настоящіе и ложные элементы въ моцартовскомъ Requiem'ѣ. Тѣмъ не менѣе возможно раздѣлить вставки на четыре главныя группы.

a) Къ древнѣйшимъ грубымъ, вставкамъ принадлежатъ кн. 2, 3, 4, 5, безъ Каталога во 2-й кн. Цѣлію этихъ вставокъ было желаніе польстить эолійскимъ и іонійскимъ согражданамъ Гомера, похваливъ ихъ древнихъ вождей.

b) Затѣмъ были вставлены части кн. 5 и 6-й, гдѣ говорится о Сарпедонѣ и Главкѣ, съ подобной же цѣлью. Христъ основывается въ этомъ случаѣ на томъ, что мы встрѣчаемъ въ Иліадѣ ликійцевъ двухъ разныхъ племенъ; сѣверные, сосѣди троянъ, подъ начальствомъ Пандара, и южные подъ предводительствомъ Сарпедона и Главка. Эти послѣдніе съ своими вождями были вве-

[1]) Christ. Homer oder die Homeriden. Abh. Bayerisch. Akademie. 1875. *Примѣч. перев.*

дены въ поэму, чтобы польстить іонянамъ, считавшимъ себя потомками Главка.

Вставка о построеніи стѣны вокругъ греческаго стана сдѣлана, чтобы дать поводъ блестящимъ сценамъ нападенія и отраженія, въ кн. 12, 13, 14 (частію) и 15.

c) Другой поэтъ, пожелавъ отдѣлать Иліаду, соединилъ тѣснѣе ея части, вставилъ посольство къ Ахиллесу и заключеніе поэмы съ выдачею тѣла Гектора; съ этою цѣлію онъ вставилъ кн. 7, 8, 9, послѣднюю часть 11-й (отъ 596), 19-ю (до 356), 23-ю (до 256) и 24-ю. Впрочемъ книга 24-я дѣйствительно составляла часть первоначальнаго плана поэмы Гомера.

Такъ составилась Иліада въ ея расширенной формѣ. Все это совершилось за нѣсколько времени до 800 г. до Р. Х. Христъ не берется опредѣлить съ точностью число поэтовъ, но полагаетъ, что съ самимъ Гомеромъ включительно ихъ было не болѣе четырехъ.

d) «Гомеровскіе рапсоды», прибавили нѣкоторыя мѣста, сочиненныя въ то время, когда процвѣтало еще эпическое искусство. Таковы части 9 кн., относящіяся къ Фениксу; 10-я кн. (Dolonсia), заготовленіе оружія въ 18-й кн.; поединокъ Ахиллеса съ Энеемъ въ 20 кн. (75—352). Наконецъ нѣсколько плохихъ поэтовъ—рапсодовъ сдѣлали еще небольшія измѣненія, между прочимъ вставили «Каталогъ» во 2-ю кн. Вставки четвертой группы были сдѣланы въ 8-мъ и 7-мъ столѣтіи до Р. Х.

Христъ раздѣляетъ Иліаду на 40 пѣсенъ, которыя слѣдуютъ одна за другой въ порядкѣ нашего текста и рецитировались въ этомъ же порядкѣ, хотя и были сочинены (какъ мы уже видѣли) въ разное время. Христъ думаетъ, что вся Иліада написана была еще до Пизистрата, но только въ видѣ такихъ отдѣльныхъ пѣсенъ, съ особыми заглавіями. Пизистратъ приказалъ

впервые записать этотъ рядъ пѣсенъ и привести въ порядокъ, въ одно цѣлое. Христъ почти сходится съ Германномъ (сочиненіе котораго объ интерполяціяхъ онъ очень хвалитъ) въ необходимости различать вставки, сдѣланныя самимъ Гомеромъ, отъ вставокъ поэтовъ, слѣдовавшихъ за нимъ. Доказательства Христа хотя послѣдовательны, но не убѣдительны. Онъ долго останавливается на тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ безнадежно ждать общаго согласія [1]). Но его трудъ значительно укрѣпилъ общее мнѣніе, что Иліада есть расширенный эпосъ великаго поэта, который творилъ по великому, хотя и простому сравнительно плану, оставляя мѣсто другимъ дополнить или усложнить его [2]).

Построеніе Одиссеи. 24. Болѣе тѣсное единство плана Одиссеи сравнительно съ Иліадой признавалось всѣми новѣйшими критиками, начиная съ Вольфа. Въ нѣкоторой степени это большее единство въ Одиссеѣ происходитъ отъ существенной разницы между обѣими поэмами. Личность Одиссея связываетъ всѣ части Одиссеи болѣе тѣсно, чѣмъ гнѣвъ Ахиллеса можетъ связать всѣ части Иліады. Но можно пойти далѣе и замѣтить, что въ самомъ построеніи Одиссеи видна работа одного ума. Вопросъ состоитъ въ томъ, можемъ ли мы различить составныя части первоначальнаго матеріала, которымъ пользовался каждый отдѣльный поэтъ.

Кирхоффъ. Изъ всѣхъ мнѣній о построеніи Одиссеи, наиболѣе выработанное и остроумное мнѣніе было

[1]) Какъ онъ самъ сознается: Proleg. p. 95: «Sed haec sunt altioris indaginis, quae vereor ut unquam omnibus plane persuaderi possint».

[2]) Особенно важенъ въ изд. Христа его анализъ 40 пѣсенъ, въ которомъ высказываетъ взглядъ на хронологическій порядокъ ихъ сочиненія, указывающій, какъ каждая изъ нихъ относилась къ остальнымъ: какъ оригиналъ, или какъ подражаніе. (Proleg. pp. 57—78).

предложено Кирхоффомъ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: существовала очень древняя поэма о «возвращеніи Одиссея» (Νόστος Ὀδυσσέως). Она содержала приключенія героя на возвратномъ пути домой, до самаго прибытія его въ Итаку и соотвѣтствовала вообще нашимъ кн. 5, 6 и (большей части) 7-й, 9, (большей части) 11-й и 13-й (до ст. 184). «Возвращеніе» не было простой народной пѣснею. Это была эпическая поэма, сочиненная, вѣроятно, послѣ наступленія зрѣлости эпическаго искусства.

Позднѣе, но тѣмъ не менѣе передъ 800 г. до Р. Х., другой поэтъ сочинилъ продолженіе къ «Возвращенію», гдѣ повѣствуется о приключеніяхъ Одиссея послѣ прибытія его въ Итаку. Это продолженіе составляютъ кн. 13 (отъ ст. 185) до кн. 23 (ст. 296) включительно, исключая кн. 15. (Кн. 23 ст. 296 кончалась, по мнѣнію Аристарха, настоящая Одиссея). Авторъ «продолженія» воспользовался нѣсколькими народными былинами, но не умѣлъ связать ихъ полнымъ единствомъ, отсюда произошли многія противорѣчія и неравномѣрность; Хотя сліяніе совершилось въ такой степени, что мы не можемъ уже ясно различать отдѣльныя былины.

«Продолженіе» никогда не существовало отдѣльно отъ древняго «Возвращенія»: то и другое составляло цѣльную поэму, называемую Кирхгоффомъ «древней редакціей Одиссеи», существовавшей еще до 800 г. до Р. Х.

Около 660 г. до Р. Х., третій поэтъ предпринялъ обработку Одиссеи. Ея остовъ былъ уже готовъ, но новый поэтъ хотѣлъ вставить въ него еще нѣкоторыя другія былины той же группы и придать поэмѣ большую законченность. Онъ вставилъ приключенія Телемаха

(кн. 1 — 4) [1]); кн. 8, 10, 12 [2]), 15, 23 (отъ 297 ст.) и 24, дѣлая это онъ измѣнилъ или исказилъ текстъ «древней редакціи». Такъ образовалась «позднѣйшая редакція»—наша Одиссея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ интерполяцій болѣе новаго времени.

25. Доказательства Кирхоффа помѣщены частію въ его комментаріи къ тексту, частію въ короткихъ статьяхъ. Дѣлать краткое извлеченіе изъ нихъ было бы не удобно. Сила его теоріи зависитъ существенно отъ совокупнаго дѣйствія большаго числа остроумныхъ замѣтокъ [3]). Даже тѣ, которые не признаютъ его

---

[1]) Кирхоффъ считаетъ первые 87 стиховъ 1-й кн. началомъ древняго Νόστος; Телемахія начинается съ 88 ст. 1-й кн. Странное противорѣчіе въ хронологіи между Телемахіей и остальной поэмой было давно уже замѣчено. Телемахъ оставляетъ Итаку вечеромъ второго дня Одиссеи, намѣреваясь пробыть въ отсутствіи не болѣе 12 дней (2,374 и слѣд., ср. 4,632). Онъ достигаетъ Спарты вечеромъ 5-го дня поэмы, гдѣ поэтъ оставляетъ его утромъ 6-го дня, съ намѣреніемъ возвратиться тотчасъ же, такъ какъ его товарищи ожидаютъ его въ Пилосѣ (4,595 и слѣд.). 5-я кн относится къ Одиссею, который на 36 день поэмы достигаетъ наконецъ Итаки (13,119). Телемахъ же возвращается домой однимъ днемъ позже своего отца, т е. на 37 день поэмы и 36-й своего собственнаго отсутствія (Mure. Hist. Gr. Lit. I. 440 и слѣд.) Джеддсъ (p. 32) дѣлаетъ интересное предположеніе, что поэтъ первоначально имѣлъ цѣлью послать Телемаха изъ Спарты ко двору Идоменея на Критѣ; посѣщеніе это заняло бы остальные, излишніе дни. Въ Од. I послѣ ст. 93 въ которомъ Аѳина говоритъ, что она пошлетъ Телемаха въ Пилосъ и въ Спарту, въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ говорится, —κεῖθεν δ'ἐς Κρήτην τε (κεῖθεν δέ Κρήτηνδε?) παρ' Ἰδομενῆα ἄνακτα (ὃς γὰρ δεύτατος ἦλθεν Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων.

[2]) Книга 10 и 12—теперь части разсказа Одиссея Алкиною были (по Кирхоффу) передѣланы изъ былинъ, въ которыхъ поэтъ велъ разсказъ въ третьемъ лицѣ. Книга 9 и древнѣйшая часть 11-й велись всегда въ первомъ лицѣ; и третій поэтъ поставилъ новыя книги на соотвѣтствующія мѣста.

[3]) При обсужденіи теоріи Кирхоффа слишкомъ много придавали значенія одному изъ его частныхъ доказательствъ, которое легко можно опровергнуть—что въ Νόστος Одиссей представленъ еще молодымъ человѣкомъ, а въ «Продолженіи» онъ старикъ. Эта метаморфоза была произведена Аѳиной (13.429) и нельзя считать ея волшебный жезлъ средствомъ согласованія обѣихъ поэмъ. Было замѣчено, что въ Одиссеѣ, 13,399 волосы

теоріи въ подробностяхъ, должны, мнѣ кажется, допустить, что онъ доказалъ два общія положенія, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ ихъ въ высшей степени вѣроятными. 1) Одиссея содержитъ различныя наслоенія поэтическаго матеріала изъ разныхъ источниковъ и періодовъ. 2) Поэма обязана своимъ настоящимъ единствомъ одному поэту, но подъ этимъ единствомъ наблюдаются слѣды процесса, посредствомъ котораго различныя творенія были связаны вмѣстѣ.

Противъ теоріи Кирхоффа, Niese [1]) возобновилъ взглядъ, бывшій прежде общепринятымъ, а именно, что Одиссея въ своемъ настоящемъ видѣ была окончена раньше 776 г. до Р. Х. Но несмотря на это, вліяніе сочиненія Кирхоффа, особенно въ Германіи, слишкомъ глубоко и вѣроятно долго еще не ослабѣетъ. Впрочемъ главный интересъ гомеровскаго вопроса заключается въ Иліадѣ. Что касается Одиссеи, то вопросъ не только отличенъ по существу, но и болѣе затруднителенъ.

Въ Одиссеѣ мы имѣемъ поэму, обязанную, по крайней мѣрѣ, настоящимъ видомъ своимъ одному человѣку и легко читаемую, несмотря на открытыя противорѣчія, безъ отношенія къ вопросу о сложномъ происхожденіи ея. Дальнѣйшій анализъ ея менѣе интересенъ, чѣмъ Иліады и притомъ несомнѣнно гораздо труднѣе.

Аналогія другихъ древнихъ эпопей. 26. Исторія древнихъ эпопей другихъ народовъ служила источникомъ, въ которомъ искали разъясненія гомеровскаго вопроса.

героя свѣтлы (ξανθός), а въ 16,175 они темны (κυάνεος) также въ 6,231, если только ὑακίνθινον ἄνθος не есть указаніе просто на курчавость, а не на цвѣтъ. Должно замѣтить, что здѣсь можно предположить противорѣчіе автора „продолженія“ самому себѣ, ибо 13,399 и 16,176 одинаково принадлежатъ ему.

[1]) Entwickelung der homerischen Poesie (Berlin 1882, pp. 222 и слѣд.

Но исторія каждаго эпоса въ свою очередь болѣе или менѣе темна, и разъясненіе, которое мы можемъ ожидать отъ аналогіи, будетъ по большей части поверхностно. Прежде какого-либо окончательнаго рѣшенія гомеровскаго вопроса съ помощью такихъ аналогій, слѣдовало бы доказать, что тѣ условія, при которыхъ появились гомеровскія поэмы въ Греціи, встрѣчались и въ другихъ странахъ. Для изучающаго Гомера необходимо познакомиться съ аналогіей и ея общимъ приложеніемъ. хотя бы для того только, чтобъ контролировать доказательства, выводимыя на ее основаніи. Вотъ главные изъ древнихъ эпосовъ, представляющихъ общее сходство съ гомеровскими поэмами.

27. (1) **Магабгарата и Рамаяна.** Изъ этихъ двухъ большихъ санскритскихъ эпосовъ, послѣдній сравнивается съ Одиссеей, потому что: a) интересъ сосредоточивается на одномъ героѣ Рама и b) потому что построеніе отличается бо́льшимъ единствомъ [1]). Магабгарата, съ другой стороны, сходна съ Иліадой, потому что: a) интересъ возбуждается въ ней многими героями и b) замѣчаются ясные слѣды составленія ея изъ разныхъ былинъ, первоначально самостоятельныхъ и сложившихся въ разное время [2]). Подобно какъ Одиссея считается теперь вообще поэмой болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Иліада, такъ же точно принимаютъ, что Рамаяна сочинена позднѣе, чѣмъ большая часть Магабгараты.

28. (2) **Древніе французскіе рыцарскіе романсы, или «Chansons de Geste»**, относящіеся къ 11-му вѣку

---

[1]) Какъ Гротъ замѣчаетъ, что Одиссея была «вылита сразу», такъ Lassen (Indisch. Alth. I. 584) говоритъ также, что Рамаяна «вылита за одинъ разъ» (aus einem Gusse).

[2]) Es kann keine Frage sein, dass wir im Mahabharata Stücke aus sehr verschiedenen Zeiten, wie sehr verschieden an Inhalt und Farbe vor uns haben (Lassen l. c.).

нашей эры, представляютъ «древнѣйшую форму, которою началась литература во Франціи» [1]), равно какъ гомеровскія поэмы начинаютъ собою греческую литературу; подобно Гомеру, они были первичными произведеніями и ихъ также рецитировали. Сочинитель или «trouvère» отличался отъ разсказчика или «jongleur», который соотвѣтствовалъ греческому рапсоду. Примѣромъ такихъ «Chansons de Geste» можетъ служить пѣснь о Роландѣ, изъ 11-го вѣка, ее можно назвать французской Ахиллеидой. Она начинается тѣмъ, что Карлъ Великій воюетъ уже семь лѣтъ противъ Сарацинъ въ Испаніи; и послѣ того, какъ герой поэмы, французъ Роландъ, былъ убитъ въ Пиренеяхъ, поэма заканчивается разсказомъ о наказаніи одного рыцаря, измѣна котораго повлекла за собою смерть героя. Нѣкоторые ученые предполагали, что ранѣе «Chansons de Geste» существовали короткія, историческія былины, называемыя «cantilenae», которыми воспользовались составители «chansons» [2]). Но «cantilenae» утрачены и вся теорія, основанная на нихъ, нуждается въ доказательствѣ. Если бы cantilenae сохранились, то онѣ были бы аналогичны съ короткими героическими былинами (κλέα ἀνδρῶν), которыя предшествовали эпопеямъ Гомера.

29. (3) **Исландская Эдда** [3])—собраніе поэмъ, большая часть которыхъ относится, вѣроятно, къ 8-му или 9-му вѣку; нѣкоторыя изъ нихъ суть отрывки болѣе

---

[1]) Saintsbury, Short History of French Literature, ch. II. p. 10.

[2]) Гомеровскія теоріи Вольфа и его послѣдователей вызвали подобныя же теоріи по отношенію къ Chansons de Geste, какъ замѣчаетъ M. Paul (Recherches sur l'Epopée française p. 65).

[3]) Названіе „Эдда„ придается двумъ различнымъ сборникамъ исландскихъ сказаній. Одинъ изъ нихъ есть упомянутая поэтическая Эдда. Другой, которому это названіе дано раньше, есть прозаическая Эдда, сборникъ разныхъ сочиненій, приписываемый Snorri Sturleson'у, одному изъ выдающихся скандинавскихъ писателей, и вѣроятно оконченъ около 1222 г. См. E. W. Gosse въ Encycl. Brit. (9 ed.) vol. VII. p. 649.

длинныхъ героическихъ былинъ, не дошедшихъ до насъ. Ихъ содержаніе—миѳы и религіозныя легенды древней скандинавской цивилизаціи; онѣ не составляютъ цѣльнаго эпоса. Собранныя, вѣроятно, по устному преданію, онѣ были связаны въ одно цѣлое безъ поэтическаго единства, около 1100 года нашей эры. Такимъ образомъ, если Эдда могла бы принести пользу при рѣшеніи гомеровскаго вопроса, то только, какъ доказательство того, что короткія, самостоятельныя поэмы могутъ долго существовать одновременно отдѣльно, не сливаясь въ такое художественное цѣлое, какъ Иліада или Одиссея.

30. (4) **Пѣснь о Нибелунгахъ** (или Der Nibelunge Nôt [1]). Подобно тому какъ гомеровскія поэмы придаютъ художественную форму древнимъ сказаніямъ, такъ нѣмецкій романтическій эпосъ есть художественная конечная форма тевтонской саги, явившейся въ нѣсколькихъ видахъ. Въ этомъ случаѣ можно было бы принять теорію Лахманна, такъ какъ пѣснь о Нибелунгахъ была сложена, около 1210 года, изъ 20 древнихъ балладъ. Но въ настоящее время признаютъ теорію профессора K. Bartsch'а: пѣснь о Нибелунгахъ была написана однимъ авторомъ около 1140 года, строки соединялись аллитераціями, а не рифмами. Около 1170 года другой поэтъ ввелъ отчасти рифму вмѣсто аллитераціи, и между 1190 и 1200 этотъ процессъ окончился двумя различными редакціями, изъ которыхъ одна сохранила первоначальную форму чище, чѣмъ другая [2]). Такимъ образомъ, если можно, вообще, основываться на Нибе-

---

[1]) Нибелунги — племя какихъ-то таинственныхъ и сверхъестественныхъ существъ. Зигфридъ, герой поэмы, похитилъ большой кладъ золота и драгоцѣнностей у двухъ князей страны Нибелунговъ, которымъ завѣщалъ его отецъ ихъ, царь Нибелунгъ. Содержаніе эпоса есть проклятіе, которое приноситъ кладъ своимъ обладателямъ.

[2]) См. James Sime, въ Encycl. Brit. (9-th ed.), vol. XVII, p. 476.

лунгахъ, то мы должны высказаться противъ вольфіанцевъ въ пользу вышеприведеннаго взгляда Nitzsch'а.

31. (5) **Финская Калевала.** Это родъ эпической поэмы, получившей названіе отъ «Kaleva» —счастливая страна; три героя ея сражаются противъ враговъ изъ страны холода и смерти; она вдохновила Longfellow къ сочиненію его Hiawatha. Калевала содержитъ древнія народныя сказанія финовъ и существовала прежде въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, передававшихся по памяти, которыя были собраны и записаны не ранѣе настоящаго столѣтія. Dr. E. Lönnrot издалъ въ 1835 г. 12.000 стиховъ, а новое изданіе 1849 года содержитъ 22.793 стиха [1]). Итакъ, въ этомъ случаѣ Dr. Lönnrot исполнилъ, по теоріи Лахманна, роль Пизистрата. Но, говорятъ, связь частей Калевалы очень слаба; Калевала не имѣетъ единства въ томъ смыслѣ, какъ Иліада и Одиссея [2]). Ее нельзя приводить какъ примѣръ эпоса, выросшаго изъ случайнаго, или произвольнаго собранія пѣсенъ; издатель естественно постарался дать имъ такое единство, какое только могъ. И далѣе она доказываетъ, что одно простое соединеніе не можетъ еще образовать изъ различныхъ пѣсенъ художественное цѣлое, даже если бы эти пѣсни были весьма сродственны по содержанію.

32. (6) **Персидскій эпосъ «Шахнамэ»**, т. е. «книга царей», заключаетъ исторію Персіи въ 60.000 стихахъ [3]). Въ цѣломъ, этотъ эпосъ принадлежитъ Фирдуси (псевдонимъ Абуль Касимъ Мансура), который окончилъ

---

[1]) См. J. S. Keltie, въ Encycl. Brit. (9-th ed.), vol. IX, p. 219.

[2]) Въ ней нѣтъ единства построенія, какое мы находимъ у Гомера; она представляетъ жизнь героя отъ рожденія до смерти его въ глубокой старости. Monro въ Journal of Philology, vol. XII, p. 59.

[3]) См. статью о Фирдуси Prof. E. H. Palmer въ Encycl. Brit. (9-th ed.), vol. IX, p. 225.

его около 1009 года нашей эры. Этотъ эпосъ достоинъ здѣсь примѣчанія, какъ примѣръ, уясняющій старый взглядъ на эпосъ Гомера, что твореніе одного поэта, какъ Шахнамэ, сдѣлалось истинно народнымъ эпосомъ персовъ, почти такъ же, какъ гомеровскія поэмы сдѣлались народнымъ эпосомъ грековъ.

33. (7) **Древняя воинственная поэзія Англіи.** Такія произведенія, какъ «Battle Song of Brunanburgh» (937 г. по Р. X.) и «Song of the Fight at Maldon» (991 г. по Р. X.) могутъ напомнить намъ многія черты Гомера [1]). Пѣснь о Мальдонѣ представляетъ объемъ, почти равный одной книгѣ Иліады. Если бы двадцать четыре такихъ пѣсни сложились въ одинъ эпосъ и единство ихъ зависѣло бы отъ одной главной темы, то это и была бы англійская Иліада. Касательно первоначальнаго отношенія пѣсенъ между собою, она дала бы аналогію, выгодную для теорій Вольфа, Германна, или Лахманна. Но ни въ Англіи, ни въ другихъ странахъ невозможно найти точную параллель гомеровскимъ поэмамъ; онѣ должны быть изучаемы сами по себѣ, безъ помощи сравнительнаго метода. Существуютъ только два источника, изъ которыхъ можно почерпнуть болѣе точныя свѣдѣнія о происхожденіи этихъ поэмъ. Одинъ— вещественныя доказательства, упоминаемыя въ поэмахъ; очеркъ ихъ сдѣланъ нами во II главѣ; другой—это языкъ, на которомъ поэмы написаны.

Гомеровскій языкъ. 34. Общій характеръ языка одинаковъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ и свидѣтельствуетъ о глу-

---

[1]) По отношенію къ пѣснѣ о Мальдонѣ Stapford Brook говоритъ: „въ рѣчахъ герольдовъ и бойцовъ передъ битвой, въ рѣчахъ и поединкѣ вождей, въ смѣхѣ и глумленіи, слѣдующемъ за крѣпкимъ смертельнымъ ударомъ, въ стремительномъ потокѣ стиховъ, когда битва завязана, поэма эта, хотя не написана гомеровскими стихами,—гомеровская по духу. (Primer of English Literature, p. 15).

бокой древности поэмъ. Діалектъ Гомера — іонійскій. Въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. встрѣчается примѣръ іонійскаго діалекта у Геродота, въ то время какъ родственный съ нимъ, хотя и отличный отъ него діалектъ-аттическій достигъ зрѣлой формы въ греческой литературѣ. Сравненіе іонійскаго діалекта Гомера съ іонійскимъ діалектомъ 5-го столѣтія и аттическимъ указываетъ на разницу въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, разницу въ формѣ словъ, во 2-хъ, въ расположеніи ихъ въ предложеніи. Эта разница важна не въ мелочахъ только; она доказываетъ, что іонійскій діалектъ Гомера принадлежитъ болѣе древней стадіи развитія языка [1]), и для измѣненія его потребовалось времени, не менѣе двухъ или трехъ столѣтій: т. е. что характеръ гомеровскаго языка указываетъ, что поэмы Гомера должны быть отнесены ко времени не позднѣе 800—700 г. до Р. Х.

Традиціональный эпическій элементъ. 35. Но іонійскій діалектъ Гомера никогда не могъ быть вполнѣ живымъ діалектомъ какого-либо одного времени. Въ немъ встрѣчается слишкомъ много формъ для самыхъ обыкновенныхъ словъ [2]). Гомеровскій поэтъ употреблялъ іонійскій діалектъ, на которомъ говорили въ его время, но кромѣ того онъ пользовался элементами древне-іонійскаго діалекта, дошедшаго до него по традиціи. Весьма рано, но когда именно, мы сказать не можемъ, іонійскій діалектъ сдѣлался языкомъ эпической поэзіи у всѣхъ грековъ, подобно тому, какъ тосканское нарѣчіе стало литературнымъ языкомъ всѣхъ итальянцевъ. Кромѣ древне-іонійскихъ формъ у Гомера встрѣчаются формы эолійскаго діалекта. Возможно, что эти

[1]) См. примѣчанія въ концѣ этой книги.

[2]) Напр. εἶναι, ἔμεν, ἔμεναι, ἔμμεναι: νηυσί, νήεσσι, ναῦφι: πόλεις, πόλιες, πόληες: πολύν, πουλύν, πολλόν: πολέες, πολεῖς, πολλοί: Πηληϊάδεω, Πηληϊάδαο, Πηλείδεω, Πηλείδεω: Ἀχιλῆι, Ἀχιλλῆι, Ἀχιλλεῖ: πᾶσι, πάντεσσι: κυσί, κύνεσσι: υἱέες, υἱεῖς: и пр.

формы были приняты въ іонійскій діалектъ, какъ усвоенный эпическою поэзіей, изъ древне-эолійскихъ сказаній. Но можетъ быть онѣ первоначально принадлежали и самому древне-іонійскому діалекту одинаково съ древне-эолійскимъ. Единственно, что можно сказать объ этихъ формахъ, что онѣ очень древни [1]) и составляли принадлежность эпическаго стиля, наслѣдованнаго іонійскими поэтами.

Ложные архаизмы. 36. Присутствіе этихъ традиціонныхъ формъ могло легко имѣть и другія послѣдствія. Поэтъ, употреблявшій слова и фразы, принятыя имъ по преданію, могъ и самъ составлять формы по аналогіи. Дѣлая это, онъ не подвергался контролю живого языка, а научной филологіи для его руководства не существовало въ тѣ отдаленныя времена. Аналогія же въ такомъ случаѣ была плохимъ вожакомъ. Формы, которыя поэтъ составлялъ, основываясь на подобныхъ же древнихъ формахъ, могли быть невѣрны. Такъ произошли «псевдо-архаизмы». Таковы, безъ сомнѣнія, нѣкоторые «псевдо-архаизмы» въ Гомерѣ [2]),

---

[1]) Такія гомеровскія формы какъ: ἐγών, πίσυρες, ἄμμες, ὔμμες или ὕμμες суть эолическія; τεῖν τύνη и пр дорическія. См. объ этомъ Monro «Traces of different Dialects in the language of Homer» (Journ. of Philology IX. p. 252 и «Further Notes on Homeric Subjects» (ib. vol. XI. p. 56).

[2]) Такъ ὑπὸ κράτεσφι (Ил. 10, 150) — подъ головой, κράτεσφι образовано по аналогіи съ στήθεσφι (отъ корня στηθες въ στῆθος) и замѣняютъ dativus singularis (κρατί); но это не вѣрно, потому что корень «κρᾶς», а не «κρατες». Точно также (ib. 361) ἐπείγετον: если эта форма 3-го лица, двойств. числа, сослагательнаго наклоненія, то она не вѣрна, потому что у Гомера въ сослагательномъ наклоненіи вездѣ «η», тамъ гдѣ изъявительное имѣетъ «ε». Далѣе (ib. 346) παραφθαίησι долженъ быть optat. вм. παραφθαίη, но это ложная форма по аналогіи съ сослагательнымъ на «ησι». Эти псевдо-архаизмы въ Ил. 10 указываютъ на относительно позднѣйшее происхожденіе этой книги, но только съ оговоркой вышеупомянутой. Въ Ил. 15, 415, ἐείσατο «онъ пошелъ» можетъ быть, какъ думалъ Курціусъ (Grundz. II. 207), псевдо-архаизмъ по аналогіи съ ἐFείσατο «онъ казался» (Од. 2. 320), но это сомнительно. По мнѣнію Wackernagel'я это просто ошибка вмѣсто

хотя ихъ и не такъ много, какъ думали нѣкоторые критики [1]). Во всякомъ случаѣ хорошо бы поставить строгія границы заключеніямъ, выводимымъ изъ употребленія такихъ формъ. Было высказано мнѣніе, что псевдо-архаизмъ доказываетъ сравнительно позднѣйшее происхожденіе цѣлаго мѣста, гдѣ онъ встрѣчается, и болѣе позднее время, чѣмъ время іонійскаго эпоса, значитъ позже 450 — 400 года до Р. Х. Это заключеніе не имѣетъ основанія. Возможность образованія псевдо-архаизмовъ существовала и тогда, когда встрѣчались настоящіе архаизмы. Псевдо-архаизмы могли быть составлены за 800 или 900 лѣтъ до Р. Х., такъ же удобно, какъ и за 450 лѣтъ до Р. Х. іонійскимъ поэтомъ, который нашелъ въ традиціонной эпической рѣчи формы и фразы, не существовавшія болѣе въ живомъ языкѣ его времени.

Разница въ языкѣ Иліады и Одиссеи. 37. До сихъ поръ мы разсматривали общій характеръ гомеровскаго языка, какимъ онъ представляется въ обоихъ большихъ эпосахъ. Но языкъ Одиссеи имѣетъ свои особенности, которыя указываютъ, что онъ, будучи взятъ въ цѣломъ, моложе языка Иліады. Не слѣдуетъ придавать большого значенія разницѣ словарей обѣихъ поэмъ. Въ Иліадѣ встрѣчаемся преимущественно со сценами войны, въ Одиссеѣ — чаще со сценами путешествія или домашней жизни. Мы естественно должны ждать и соотвѣтственнаго разнообразія въ употребленіи словъ. Далѣе, большая разница могла произойти

ἔησατο, которое онъ считаетъ тождественнымъ съ санскритскимъ ayâsat. Monro. Gr. § 401.

[1]) Псевдо-архаизмы играютъ большую роль въ теоріи проф. Paley, что наша Иліада и Одиссея сложились въ 5-мъ столѣтіи до Р. Х. изъ большаго числа былинъ, которыя въ цѣльности были извѣстны Пиндару и трагикамъ (Pref. to Iliad. vol. II p. XXI).

отъ мѣстныхъ, или личныхъ причинъ скорѣе, чѣмъ отъ времени. Единственное доказательство, основанное на словарѣ, имѣющее, можетъ быть, нѣкоторую силу — это очень частое появленіе въ Одиссеѣ словъ съ религіознымъ или нравственнымъ значеніемъ [1]. Гораздо важнѣе разница въ синтаксисѣ. Въ Одиссеѣ встрѣчается значительное число конструкцій и употребленій словъ, совершенно отличныхъ отъ Иліады. Онѣ распадаются на слѣдующіе отдѣлы [2]: 1) употребленіе предлоговъ; 2) употребленіе члена, мѣстоименій, союзовъ, частицъ и нарѣчій; 3) придаточныя предложенія. Въ стихосложеніи можно также замѣтить нѣкоторыя особенности [3]).

38. Эти характерныя черты Одиссеи или отсутствуютъ въ Иліадѣ, или ограничиваются небольшимъ поделмъ ея, именно книгами 9, 10, 23 и 24; которыя.

[1]) Что касается этого ср. 55, п. I. Ничего нѣтъ страннаго, что въ одной Одиссеѣ мы находимъ слова ἱστίη, λέσχη (мѣсто, куда собираются люди для разговоровъ, по-новогречески—клубъ) χέρνιψ (вода для мытья рукъ), δημιοεργός (занимающійся мирнымъ ремесломъ). Неудивительно также, что φόβος (бѣгство) и ῥήγνυμι (ломать), такъ часто встрѣчающіяся въ сценахъ битвъ въ Иліадѣ, только по одному разу встрѣчаются въ Одиссеѣ. Слова, столь обыкновенныя впослѣдствіи какъ ἐσθής. χρήματα (собственность). встрѣчаются, что можетъ быть гораздо важнѣе, только въ Одиссеѣ, ἐλαίς и δόξα встрѣчаются только въ Одиссеѣ, исключая формы δόξης, встрѣчающейся одинъ разъ въ Ил. 10, 324, въ книгѣ, въ которой попадаются и другія слова, неизвѣстныя Иліадѣ, но знакомыя Одиссеѣ, какъ-то: δόσις, φῆμις, δαίτη, ἀωτέω, ἀδηκότες. εἶσθα, τοίσδεσσι.

[2]) См. прим. въ концѣ книги.

[3]) Пауза въ стихѣ иногда извиняетъ опущеніе элизіи гласной или (hiatus), одинъ изъ случаевъ сюда относящихся, когда начало 5-й стопы совпадаетъ съ началомъ слова: такъ, Од. 2, 57 εἰλαπινάζουσιν πίνουσί τε || αἴθοπα οἶνον. Такое раздѣленіе стиха называется «буколической цезурой», потому что она характерна для гекзаметра пастушеской поэзіи. Hiatus въ буколической цезурѣ почти вдвое чаще встрѣчается въ Одиссеѣ, чѣмъ въ Иліадѣ. Сюда относится и hiatus послѣ гласной «ε». Въ этихъ метрическихъ чертахъ книги 23 и 24 болѣе всего выказываютъ сродство съ Одисеей. Monro. Gr. § 382.

какъ мы видѣли, считаются, на другомъ основаніи, болѣе позднѣйшими по происхожденію, чѣмъ остальныя. Впрочемъ это болѣе позднее происхожденіе ихъ должно приниматься относительно. Въ указанныхъ книгахъ нѣтъ ничего такого, что препятствовало бы отнести ихъ къ болѣе древнему времени, которому могла принадлежать вся Одиссея. Такія особенности языка нисколько не вліяютъ на общій характеръ древности, который Одиссея раздѣляетъ съ Иліадой. Единственное вліяніе ихъ состоитъ въ сближеніи нѣкоторыхъ частей Иліады съ Одиссеей. Онѣ увеличиваютъ вѣроятность, что долженъ былъ пройти нѣкоторый промежутокъ времени между составленіемъ остова Иліады и тѣхъ частей ея, которыя свидѣтельствуютъ о разительномъ родствѣ съ Одиссеей.

Утраченные звуки. 39. Гомеровская метрика свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ звукахъ или буквахъ, неизвѣстныхъ въ іонійскомъ діалектѣ историческихъ временъ. Въ одномъ очень употребительномъ словѣ (ὥς) мы замѣчаемъ метрическое вліяніе утраченнаго начальнаго звука j [1]). Есть указанія, хотя и сомнительныя, о подобномъ вліяніи утраченнаго звука σ [2]). Но важнѣе всего звукъ, соотвѣтствующій русскому в или лучше англійскому w. Для обозначенія его пользуются знакомъ Ϝ, или одна греческая Γ поставлена на дру-

[1]) Продолженіемъ короткаго предыдущаго слога, какъ напр. въ Ил. II, 58. Αἰνείαν θ' ὃς Τρωσὶ θεὸς ὣς τίετο δήμῳ (какъ бы было — jως). Это явленіе наблюдается въ 36 мѣстахъ, но исключенія едва ли встрѣчаются въ меньшемъ числѣ: напр. въ Ил. 3, 196, αὐτὸς δὲ κτίλος ὥς (гдѣ Бэнтли предложилъ читать αὐτὸς φίλος ἐών). Monro, Hom. Gr. § 397, и Peile, Greek and Latin Etymology, pp. 76, 229.

[2]) Какъ въ словахъ ἐπι-άλμενος (salio), ἀμφί-αλος (sal), ἀμφί-επον (sequor), καταίσχεται (вм. σίσχεται), συνεχές (какъ бы вм. συσσεχές, Од. 5, 257) и hiatus случайно передъ ὕλη, ὕπνος, ἑός (silva, somnus, suus).

гую, отсюда названіе «двойная гамма», «дигамма» [1]). Это была одна изъ обыкновенныхъ буквъ древнѣйшихъ греческихъ алфавитовъ. Она встрѣчается въ дорійскихъ равно какъ и въ эолійскихъ надписяхъ собственной Греціи (въ Беотіи, Элидѣ и т. д.), хотя не попадается въ надписяхъ азіатской Эолиды. О существованіи этой буквы въ іонійскомъ діалектѣ мы имѣемъ сомнительныя свидѣтельства; во всякомъ случаѣ она вышла изъ употребленія въ іонійскомъ алфавитѣ уже по крайней мѣрѣ около 500 г. до Р. Х. [2]). Нѣтъ также никакихъ доказательствъ, чтобы дигамма когда-либо писалась въ текстѣ Гомера; но въ стихахъ его мы часто находимъ указанія на существованіе этого звука. Онъ заявляется двумя путями: 1) или онъ устраняетъ

[1]) Бэнтли былъ первымъ ученымъ новѣйшихъ временъ, который указалъ на присутствіе дигаммы въ гомеровскомъ языкѣ. Первый намекъ на это открытіе мы встрѣчаемъ въ замѣткѣ его въ 1713 г., написанной на пустомъ листѣ въ принадлежащемъ ему экземплярѣ разсужденія „Discourse of Free-Thinking“, by Anthony Collins“ (въ библіотекѣ Trin. Coll., Cambridge): — слѣдуетъ вставить гомеровскую διγάμμα Aeolicum: οἶνος Ϝοῖνος, vinû: доказательство тому, что Ϝοῖνος, имѣетъ передъ собой гласную, такъ οἰνοποτάζων. Дигамма была впервые напечатана въ одной цитатѣ изъ Гомера въ изданіи Бэнтли Потеряннаго Рая (1732), причемъ была употреблена прописная дигамма; отсюда насмѣшка Pope въ Dunciad'ѣ: „когда надъ вашимъ алфавитомъ, подобно Саулу, возвышается наша дигамма выше всѣхъ цѣлой головой“. Содержаніе замѣтокъ Бэнтли о дигаммѣ обнародовано было въ New Cratylus. by Dr. J. W. Donaldson. Ср. „Bentley“ въ „English Men of Letters“, pp. 149—154.

[2]) Въ дорійскихъ надписяхъ 6-го и 5-го столѣтія до Р. Х. F сохраняется какъ буква, даже когда пренебрегаютъ ею въ срединѣ словъ. Въ Tabulae дорійскаго города Гераклеи въ Великой Греціи (4-е столѣтіе до Р. Х.), F въ однихъ словахъ пишется, а въ другихъ упускается. О существованіи F въ іонійскомъ алфавитѣ главнѣйшія свидѣтельства суть: 1) одно слово въ надписи Наксоса около 510 г. до Р. Х.; 2) три имени на вазахъ, найденныхъ въ Великой Греціи, но происходящихъ изъ Халкиды на Эвбеѣ; 3) названіе города „Веліа“, основаннаго іонійцами изъ Фокеи. Древнѣйшія надписи собственно на Евбеѣ не имѣютъ слѣда дигаммы. Tudeer, De digammo, pp. 5 и слѣд., думаетъ, что утрата дигаммы въ іонійскомъ нарѣчіи произошла между 800—500 г. до Р. Х. (Monro, Hom. Gr. §§ 404 и слѣд.).

зіяніе, т. е. предупреждаетъ элизію гласной передъ другой гласной, такъ въ Ил. 9, 128 ἀμύμονα ἔργα ἰδυίας. Здѣсь ἔργα и ἰδυίας имѣютъ то же метрическое значеніе, какъ если бы было написано werga widyias. 2) Или онъ производитъ «позицію», т. е. удлиненіе предшествовавшаго слога, который иначе былъ бы коротокъ: такъ Ил. 4, 182 ὥς ποτέ τις ἐρέει, гдѣ «τις» долгій слогъ, какъ бы за нимъ слѣдовало wereei.

Непостоянство въ употребленіи дигаммы у Гомера. 40. Если бы это вліяніе дигаммы было постояннымъ, то не представлялось бы никакого затрудненія. Мы предположили бы тогда, что извѣстная эпическая традиція побудила поэта ввести этотъ звукъ «в» передъ нѣкоторыми словами, независимо отъ того, былъ ли этотъ звукъ слышенъ въ его время или нѣтъ. Но оказывается, что употребленіе дигаммы у Гомера очень непостоянно въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Дигамма не всегда предупреждаетъ элизію, или удлиняетъ короткій слогъ. Такъ это она дѣйствительно дѣлаетъ въ 3300 мѣстахъ, а въ 600 мѣстахъ этого не встрѣчаемъ [1]). Какъ объяснить эту неправильность? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ еще не дано [2]).

[1]) Такъ получается по счисленію проф. W. Hartel'я (Homerische Studien, III); результаты, имъ добытые, можно найти у Monro, Homer. Gr. § 398. Точныя числа Hartel'я это 3354 противъ 617. 1) Изъ 3354 случаевъ, въ которыхъ дигамма имѣетъ вліяніе, въ 2324 случаяхъ она предупреждаетъ элизію; въ 507 случаяхъ она слѣдуетъ въ арсисѣ за долгой гласной или двугласной, въ 164 случаяхъ препятствуетъ укороченію двугласной въ тезисѣ, и въ 359 случаяхъ она удлиняетъ короткій слогъ, оканчивающійся на согласную. 2) Изъ 617 случаевъ, въ которыхъ дигамма не имѣетъ вліянія, она въ 324 случаяхъ не предупреждаетъ элизіи; въ 78 случаяхъ она допускаетъ укороченіе долгой гласной и наконецъ въ 215 случаяхъ она не удлиняетъ предыдущаго слога, оканчивающагося на согласную.

[2]) Главныя теоріи, которыя были предложены по Бэнтли, вкратцѣ слѣдующія: 1) Всѣ мѣста, гдѣ F упущена—испорчены. Эта теорія слишкомъ рѣшительна; но правда, что начальная дигамма можетъ быть возстановлена, безъ натяжки, въ большемъ

Одно не подлежитъ сомнѣнію, что звукъ дигаммы былъ извѣстенъ какъ живой звукъ въ языкѣ первымъ грекамъ, сочинявшимъ эпическіе стихи, все равно были ли это іоняне или нѣтъ. Что касается дигаммы у Гомера, то вотъ положенія, имѣющія нѣкоторую вѣроятность: 1) традиція дигаммы въ эпическомъ стихѣ дошла до іонійскихъ поэтовъ въ то время, когда этотъ звукъ исчезъ или исчезалъ въ іонійскомъ нарѣчіи. Традиція эта была въ нѣкоторыхъ словахъ и фразахъ болѣе чувствительна, чѣмъ въ другихъ, можетъ быть потому, что связь ихъ съ дигаммой по старинѣ была болѣе тѣсна; 2) въ извѣстныхъ границахъ, но не абсолютно строго, іонійскому поэту представлялась свобода смотрѣть на дигамму только какъ на признакъ эпическаго стиля и сохранять или выпускать ее, смотря по требованію размѣра; 3) строгое соблюденіе ея постепенно ослабѣвало съ удаленіемъ отъ времени, когда дигамма была еще живымъ звукомъ въ обыденной рѣчи [1]).

числѣ мѣстъ, безъ сомнѣнія древнихъ. Средняя дигамма можетъ быть часто возстановлена разложеніемъ двугласной, напр. надписаніемъ κόϊλος вм. κοῖλος (ср. Curt. Etym. § 79), Ἀτρεΐδης вм. Ἀτρείδης. 2) Когда F начала выходить изъ употребленія, то слова, содержавшія ее первоначально, употреблялись поэтомъ съ нею или безъ нея. Въ такихъ словахъ впрочемъ какъ ἄναξ, ἄστυ, ἔργον, οἶκος, ἰδεῖν соблюденіе F болѣе часто, чѣмъ упущенія ея въ пропорціи 14 : 1. 3) F была связана съ нѣкоторыми опредѣленными эпическими фразами, но попадается также въ словахъ болѣе рѣдкихъ (ἶτυς, ἰτέη, ἄρνες и пр.). При этомъ нельзя ошибочно предполагать подражанія. 4) Hiatus передъ словомъ, которое имѣло прежде дигамму, есть эпическое наслѣдіе. Но это не объясняетъ, какъ F могла дѣлать въ то же время позицію. 5) Теорія Hartel'я: F не была ни полной согласной, ни полной гласной, но средней между обѣими. Употребленная въ видѣ полусогласной, она могла предупредить элизію или укороченіе слога. Употребленная въ видѣ полугласной—допускала и то и другое. Поэтому непостоянство Гомера въ этомъ отношеніи только кажущееся: соблюденіе F было въ дѣйствительности общимъ.

[1]) Касательно происхожденія различныхъ частей Иліады и Одиссеи дигамма не даетъ никакого критерія. Зато въ гоме-

Предположеніе объ ошибкахъ при перепискѣ въ другой алфавитъ. 41. Предполагали, что нѣкоторыя формы у Гомера, представляющія трудности для объясненія, суть не что иное, какъ ошибки древнихъ переписчиковъ при перепискѣ Гомера съ древне-аттическаго алфавита на іонійскій, когда онъ былъ усвоенъ въ Аѳинахъ въ 403 году до Р. Х. [1]). Но очень сомнительно, чтобы какія-либо ошибки произошли отъ этой причины [2]).

Какія бы причины ни повліяли на чистоту гомеровской традиціи, онѣ не измѣнили общій характеръ языка. Его существенныя особенности все еще могутъ быть ясно различимы. Онъ доказываетъ, что Иліада и Одиссея въ цѣломъ принадлежатъ очень древнему времени. Такое заключеніе осталось бы непоколебимымъ, если бы мы даже согласились съ теоріей, недавно предложенной Fick'омъ.

Теорія Fick'а. 42. Fick полагаетъ, что гомеровскія поэмы существовали на чисто эолійскомъ нарѣчіи до 530—500 г. до Р. Х., когда онѣ были переведены на іонійское [3]). Авторомъ іонійской редакціи былъ Ки-

ровскихъ гимнахъ, относящихся ко времени между 750—500 г. до Р. Х. F чаще упускается, чѣмъ въ большихъ поэмахъ.

[1]) Такъ, напр., Curtius полагаетъ, что такія гомеровскія неопредѣленныя наклоненія какъ φυγέειν, ἰδέειν должны быть исправлены въ φυγέεν, ἰδέεν и что ошибка произошла по винѣ аттическихъ переписчиковъ (οἱ μεταχαρακτηρίζοντες), которые думали, что второе Е въ ΦΥΓΕΕΝ и пр. должно читать какъ ΕΙ. Подобнымъ образомъ онъ подозрѣваетъ что ἐῆν=ἐέεν отъ ΕΕΝ. Griech. Verb. II, III (р. 348. англ. пер.).

[2]) Какъ фактъ, ограничивающій возможность такихъ ошибокъ, мы должны замѣтить, что въ іонійскомъ алфавитѣ Е только тогда представляетъ ει, когда эта буква произошла изъ ε+ε или изъ ε+ замѣстительное растяженіе (напр. ΕΝΑΙ вм. εἶναι). Настоящая двугласная ει изъ ε+ι всегда писалась ΕΙ (исключая нѣкоторыхъ случаевъ передъ гласными). Поэтому, напр., ἐείσατο было бы написано ΕΕΙΣΑΤΟ, а не ΕΕΣΑΤΟ. Такъ Ο представляло ου только когда эта двугласная образовалась изъ ο+ο или ο+ замѣстительное растяженіе, а не изъ ο+υ. Ср. Meisterhans, Grammatik der Attischen Inschriften. р. II (1885).

[3]) Fick (Ilias, р. XXXIII, 1885) приводитъ слова Ритчля, въ

нэтосъ, рапсодъ съ острова Хіоса, сочинитель гимна Аполлону Делосскому. По схоліасту Пиндара, Nem. 2. 1, Кинэтосъ былъ первымъ рецитаторомъ гомеровскихъ поэмъ въ Сиракузахъ, около 69 Олимпіады (504 г. до Р. Х.). Въ то время, когда эолійскій Гомеръ былъ такимъ образомъ переведенъ на іонійскій діалектъ, или короткое время спустя, были сдѣланы іонійскія вставки въ обѣ поэмы. Fick основывается на фактѣ, что въ несомнѣнно древнихъ частяхъ Гомера мы находимъ эолійскія формы, которыя при соблюденіи размѣра не могли быть замѣнены соотвѣтственными іонійскими. Наоборотъ, въ самыхъ позднѣйшихъ частяхъ, которыя были іонійскими, съ самаго начала находимъ формы, которыя вслѣдствіе размѣра никакъ не могутъ быть эолизированы. Его теорія вызываетъ слѣдующія замѣчанія.

Сужденіе о теоріи Fick'а. 43. а) Прежде всего должно рѣшить вопросъ: «что принадлежитъ эолійскому и іонійскому діалектамъ». По отношенію къ эолизмамъ у Гомера Fick долженъ доказать не только, что они были эолическими, но также и то, что они не были древнеіонійскими. У насъ нѣтъ достаточныхъ свидѣтельствъ о состояніи греческихъ діалектовъ въ періодъ отъ 900 до 600 г. до Р. Х. Эолійскія надписи всѣ позднѣе пятаго столѣтія до Р. Х. Іонійскія свидѣтельства хотя не столь рѣдки, но недостаточны для настоящей цѣли. У древнихъ грамматиковъ существовалъ обычай выдавать какой-либо «архаизмъ» Гомера за эолизмъ,

---

которыхъ будто бы выражена подобная же мысль уже въ 1834 году. Тѣмъ не менѣе взглядъ Ритчля существенно разнится отъ взгляда Fick'а. Онъ думалъ, что Гомеръ пришелъ изъ Греціи съ эолійскими переселенцами и сочинилъ короткія эолійскія былины въ Смирнѣ. Затѣмъ нѣсколько іонійскихъ поэтовъ расширили ихъ и перевели на іонійскій діалектъ. Но этотъ процессъ оконченъ ранѣе 776 г. до Р. Х.

если онъ случайно встрѣчался въ эолійскомъ діалектѣ, или даже если вовсе не встрѣчался. Самая дигамма долго называлась «эолійской» и считалась особенной принадлежностью этого діалекта, что было ошибкою, какъ мы теперь знаемъ. Hinrichs [1]) значительно уменьшилъ число эолизмовъ въ Гомерѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія, вѣроятно, ихъ еще болѣе ограничатъ [2]).

44. b) По мнѣнію Fick'а іонійскій переводъ, сдѣланный между 530 и 500 годами до Р. Х., замѣнилъ собою эолійскаго Гомера, хотя этотъ послѣдній былъ извѣстенъ въ Греціи цѣлому ряду поколѣній. Это совершенно непонятно, и если бы мы даже представили себѣ, что это могло случиться, то какимъ образомъ древняя литература не сообщила намъ ничего о фактѣ перевода, который сразу лишилъ эолійское племя са-

[1]) De Homericae elocutionis vestigiis Aeolicis (Iena, 1875).

[2]) Въ Philologus (XLIII. I. 1—31) Karl Sittl подвергнулъ изслѣдованію гомеровскіе эолизмы, оставленные Hinrichs'омъ. Найденные имъ результаты суть: 1) онъ исключаетъ изъ числа эолизмовъ тѣ изъ нихъ, которые не встрѣчаются въ эолійскомъ нарѣчіи. Напр. эолійское «υ» (вм. ο) было слишкомъ обобщено. Оно встрѣчается только въ окончаніи locativus на υι=οι (тоже и въ дорійскомъ). 2) Fick предполагаетъ эолійское δείκοσι за родственное гомеровскому ἐείκοσι. Когда F съ предыдущей согласной стояла въ началѣ слова, то всѣ греки иногда предпосылали ей «ε» (какъ если бы мы имѣли ἐδFείκοσι). Но когда Fείκοσι потеряло δ, оно не могло больше имѣть и начал. «ε». Гомеровское же ἐFείκοσι была просто невѣрная форма по аналогіи съ словами, которыя не утратили согласной передъ F. Эолійцы никогда не обращали начальную F въ гласную. Неоспоримые примѣры суть искусственно подготовленные, а не эолическіе. 3) Что касается до долгаго ᾶ, то не іонійское его употребленіе ограничивается почти только собственными именами, взятыми изъ древнихъ былинъ. Многіе кажущіеся примѣры могутъ быть объяснены такъ: ἄριστον (Ил. 24. 124) должно быть ἀFέριστον (какъ ἀFέκοντε): δαλός (Ил. 13. 320) должно быть δαFελός. 4) Мѣстоименія: τοι, τείν, τύνη, τεός, ἀμμός давно признаны за архаизмы. То же можно сказать и объ «эолійскомъ» ἄμμες, ὔμμες (и пр.), если иногда писали ихъ ἀμμές (или ἀμμές), ὑμμές (= συσμές), отсюда при отбрасываніи удвоенія и при замѣнѣ: ἡμές, ὑμες, а по аналогіи ἡμέες (ἡμεῖς), ὑμέες (ὑμεῖς). Это только примѣры анализа Sittl'я. Можно прибавить, что Hinrichs не замедлилъ отвѣтомъ.

маго лучшаго его наслѣдія, признававшагося за нимъ всей Греціей въ продолженіе столь долгаго періода? Вѣроятно же существовали цвѣтущіе эолійскіе города и эолійскіе писатели. Чтобы провести параллель, представимъ себѣ, что въ настоящее время какой-либо англичанинъ передѣлалъ бы поэмы Роберта Бэрнса на англійскій маперъ; замѣнила ли бы эта передѣлка, даже удачная, шотландскій оригиналъ въ обществѣ, говорящемъ по-англійски. Между тѣмъ, подобное предполагаетъ Fick, принимая, что іоніецъ Кинэтосъ перевелъ Гомера съ эолійскаго [1]). Замѣчательный успѣхъ Кинэтоса становится еще болѣе удивительнымъ, если мы примемъ во вниманіе, какъ ограничено было вообще его поэтическое дарованіе. Онъ оставилъ большое количество эолизмовъ въ Гомерѣ, потому что они не могли быть замѣнены прямо соотвѣтствующими іонійскими выраженіями.

Вообще должно замѣтить, что пиндаровское scholium представляетъ чрезвычайно слабое основаніе, на которомъ можно строить гипотезу —о Кинэтосѣ. Не трудно доказать, что Гомеръ былъ и раньше извѣстенъ на іонійскомъ парѣчіи. Симонидъ, съ острова Кеоса, родился въ 556 г. до Р. Х. и былъ, слѣдовательно, уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда произошла предполагаемая іонійская редакція Гомера. Слѣдовательно Гомеръ, извѣстный Симониду въ дѣтствѣ и въ юности, былъ, согласно Fick'у, эолійскимъ. Но Симонидъ приводитъ мѣсто изъ Ил.

---

[1]) Prof. Fick ссылается на примѣръ надписей и другихъ короткихъ произведеній, сочиненныхъ на другомъ діалектѣ, чѣмъ на которомъ дошли до насъ. Онъ думаетъ, напр., что эпиграмма Симонида объ убитыхъ пелопонесцахъ въ Ѳермопилахъ была на лаконійскомъ діалектѣ: μυριάσιν ποκὰ τῇδε τριακατίαις ἐμάχοντο ἐκ Πελοποννάσω χιλιάδες τέτορες. Между такими случаями и іонизированіемъ Гомера Кинэтосомъ есть разница только по объему, говоритъ онъ (Ilias, p. IX). Но навѣрно есть разница и по существу.

6,148 (одно изъ древнѣйшихъ мѣстъ эпоса) на іонійскомъ парѣчіи, заимствованное имъ у «мужа изъ Хіоса», должно подразумѣвать Гомера, котораго онъ считалъ іонійцемъ. Трудно доказать, чтобы онъ въ упоминаемомъ «мужѣ изъ Хіоса» видѣлъ своего современника Кинэтоса [1]).

45. c) До-гомеровскія эпическія сказанія были безъ сомнѣнія ахейскаго происхожденія. Такія гомеровскія формы, которыя достовѣрно существовали въ по-гомеровскомъ эолійскомъ діалектѣ, допускаютъ два объясненія, не исключающія одно другого. Одно можетъ быть примѣнено къ однимъ случаямъ, другое—къ другимъ. (i) Эти формы или нѣкоторыя изъ нихъ могли принадлежать и древне-іонійскому нарѣчію. Отрицающіе это пусть докажутъ противное. (ii) Если эти формы составляли всегда исключительную принадлежность ахейскаго (древне-эолійскаго) нарѣчія, то онѣ могли быть приняты въ іонійскую поэзію, потому что посредствомъ ахейскихъ сказаній сдѣлались принадлежностью эпическаго стиля вообще. Теорія Fick'а о позднемъ и полномъ переводѣ поэмъ совсѣмъ невѣроятна [2]). Но все равно, былъ ли гомеровскій діалектъ первоначально ахейскимъ или древне-іонійскимъ, должно думать, что онъ подвергся разнообразнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ іонійскихъ поэтовъ и рапсодовъ, желавшихъ приблизить его къ позднѣйшей іонійской

[1]) Если этотъ Симонидъ былъ изъ Аморга, то мы должны отступить до 660 г. до Р. Х.

[2]) Тѣмъ не менѣе онъ оказалъ большую услугу изученію гомеровскаго діалекта. Вопросъ, есть ли эолійскій діалектъ, на которомъ Fick намъ представилъ эпосы Гомера, дѣйствительно древне-эолійскій діалектъ, имѣетъ мало значенія; его переводъ сдѣланъ только для примѣра. Его эолійская Одиссея была подвергнута научной критикѣ Christ'омъ въ Philol. Anzeiger (XIV. 90 — 98), Cauer'омъ въ Zeitschrift f. d. oesterr. Gymnas. (X. 290 — 311) и Hinrichs'омъ въ Deutsch. Litteratur Zeitung (1885, pp. 6—9), всѣ они возстали противъ теоріи Fick'a.

рѣчи и усилившихъ такимъ образомъ впечатлѣніе «смѣшаннаго діалекта», каковымъ онъ теперь представляется. Обновленіе его въ такомъ тѣсномъ смыслѣ совершенно примиряется съ сохраненіемъ главныхъ признаковъ его существенно древняго характера.

46. Итакъ, мы нашли, что доказательство, основанное на языкѣ Гомера, согласуется съ доказательствомъ, основаннымъ на содержаніи поэмъ и подтверждающемъ ихъ глубокую древность. Въ связи съ вопросомъ о времени происхожденія поэмъ, представляется вопросъ, о которомъ мы упомянемъ здѣсь вкратцѣ. Мы видѣли, что гомеровская поэзія, какъ общій очеркъ извѣстной цивилизаціи, имѣетъ историческое значеніе. Но много ли историческихъ фактовъ содержится въ разсказѣ о троянской войнѣ?

Насколько разсказъ о Троѣ есть историческая истина. Разсказъ о Троѣ, какъ мы читаемъ у Гомера, есть въ сущности поэтическій вымыселъ; поэтъ—единственный свидѣтель событія. Романтическая эпопея о Карлѣ Великомъ сообщаетъ историческій фактъ, какъ одинъ императоръ нѣкогда управлялъ западной Европой отъ Эйдера до Эбро. Поэтъ былъ побужденъ исторіей, посылая Карла Великаго въ крестовый походъ въ Іерусалимъ, потому что, когда сочиненъ былъ эпосъ, крестовый походъ принадлежалъ къ идеаламъ рыцарства. По аналогіи можно представить, что какой-либо ахейскій князь нѣкогда занималъ положеніе, подобное Агамемнону, точно также, что ахеяне нѣкогда совершили походъ противъ Трои, но отвѣчать, принималъ или нѣтъ въ немъ участіе упомянутый ахейскій князь, возможно и такъ и иначе. Замѣчательное взятіе города греческими воинами могло случиться въ Троадѣ, больше этого мы ничего не можемъ сказать. Странно смотрѣть на осаду Трои, какъ на солнечный миѳъ;

объяснять похищеніе Елены Парисомъ, какъ закатъ солнца на западѣ и принимать Трою за область, въ которой мракъ разсѣевается восходящимъ солнцемъ. Не менѣе странно и еще менѣе логично слѣдовать методу раціоналистовъ, т. е. исключать сверхъестественный элементъ, а все остальное считать за историческій фактъ. Гомеръ говоритъ, что Ахиллесъ убилъ Гектора съ помощью Аѳины. Мы не имѣемъ права исключать Аѳину и утверждать въ то же время, что Ахиллесъ убилъ Гектора [1]).

47. Послѣ новѣйшихъ раскопокъ въ Троадѣ, въ нѣкоторой части общества явилось убѣжденіе, что гомеровскій разсказъ о троянской войнѣ подтвердился, такъ какъ найдены развалины, которыя могли быть остатками города Трои. Не мѣшаетъ поэтому опредѣлить кратко отношеніе гомеровскаго текста къ этимъ раскопкамъ.

Мѣстоположеніе Гомеровской Трои. Иліада указываетъ на личное знакомство поэта съ троянской равниной и съ главными чертами окружающей мѣстности [2]) Въ Троѣ, какъ описывалъ Гомеръ, главную особен-

---

[1]) См. статью Schliemann'a Ilias въ Edinburgh Review (№ CCCXIV pp. 517 и слѣд. (1881), Freman'a „Essay on the Mythical and Romantic Elements in Early English History"—прекрасный примѣръ критики, примѣняемой въ такихъ случаяхъ.

[2]) Ср. „A Tour in the Troad" (Fortnightly Review, April, 1883. p. 514 и слѣд.). Болѣе всего, быть можетъ, читатель Гомера бываетъ удивленъ отсутствіемъ высокихъ горъ въ окрестностяхъ троянской равнины. Ида (5700 футовъ) представляетъ только блѣдную синеватую полосу на юго востокѣ, въ разстояніи около 30 миль. Пикъ острова Самоѳракіи (5200 футовъ, въ разстояніи 45 миль на сѣверозападъ)—мѣстопребываніе Посидона, подобно какъ Ида — мѣстопребываніе Зевса, представляютъ наиболѣе характерную черту мѣстности. На равнинѣ мы можемъ еще встрѣтить мѣста, „покрытыя пшеницей" (Ил. 21, 602), мѣста „между болотной осокой" (Од. 14, 474), вязы, ивы и тамариски (Ил. 21, 350); еще раздается крикъ цапли (Ил. 10, 274), иногда и крикъ орла «съ темными перьями» (Ил. 24, 316), или журавлей, оставляющихъ Троаду, чтобы летѣть на сѣверъ и избѣгнуть зимнихъ бурь" (Ил. 3, 4).

ность составлялъ акрополь «гордое», «обуреваемое вѣтрами возвышеніе», съ тѣми крутыми скалами, на вершину которыхъ предположено было вкатить деревяннаго коня [1]). Все это можетъ быть сказано объ одномъ мѣстѣ троянской равнины, которое лежитъ за деревней Бунáрбаши на мрачныхъ склонахъ холмовъ, ограничивающихъ равнину съ юга. Здѣсь холмъ, подъ названіемъ Бали-Дагъ, подымается приблизительно на 400 футовъ надъ равниной, крутыя стороны его спускаются на югъ и юго-западъ въ долину Мендере (Скамандръ). Нѣсколько на сѣверо-западъ отъ гомеровской Трои вытекали два источника; точно также на сѣверо-западъ отъ Бунáрбаши дѣйствительно текутъ источники и въ настоящее время, другихъ же не существуетъ на цѣлой равнинѣ. Проф. Curtius справедливо говоритъ: «эти два источника представляютъ незыблемое свидѣтельство природы, по которому можно признать лежащую за ними высоту за крѣпость Иліона» [2]). Хотя мѣстность Бунàрбаши еще мало изслѣдована [3]), но здѣсь уже найдены обломки вазъ, принадлежащихъ ко времени отъ 1000—900 г. до Р. Х. [4]).

Со времени описанія Le Chevalier въ 1785 году троянской равнины, поразительные признаки сходства Бунàрбаши съ гомеровскимъ описаніемъ Трои замѣчены цѣлымъ рядомъ компетентныхъ наблюдателей, въ томъ числѣ Ликомъ, Мольтке, Форхгаммеромъ, Кипертомъ, Э. Курціусомъ и Тозеромъ [5]). Ликъ (Leake)

---

[1]) Од. 8, 508 ἢ κατὰ πετράων βαλέειν ἐρύσαντας ἀπ' ἄκρης. Въ «Troja p. 18. Schliemann положительно утверждаетъ, что Троя не имѣла акрополиса.

[2]) History of Greek vol. I, ch III, p. 79 (transl. Ward).

[3]) Точное изслѣдованіе, какъ мнѣ извѣстно, произведено не было. (Prof. E. Curtius, въ письмѣ отъ 9 февр., 1884).

[4]) Это допускаетъ и Schliemann; Troja, p. 268.

[5]) См. ихъ свидѣтельства въ статьѣ автора „Homeric Troy", въ Fortnigthly Review. April 1884, стр. 447.

говоритъ, что каждый человѣкъ, привыкшій наблюдать положеніе древнегреческихъ городовъ, долженъ признать Бунáрбаши «господствующимъ мѣстомъ надъ ближайшею окрестностью». То же самое мнѣніе выражено было профессору Курціусу графомъ Мольтке: онъ сказалъ, что «не знаетъ на троянской равнинѣ другого болѣе удобнаго мѣста для построенія господствующаго надъ нею города».

Гиссарликъ. 48. Небольшой холмъ Гиссарликъ находится на самой равнинѣ, въ разстояніи трехъ миль отъ Геллеспонта. Онъ имѣетъ 975 футовъ въ длину, 705 футовъ въ ширину и только 112 футовъ въ вышину. Этотъ холмъ обозначаетъ мѣсто, гдѣ стоялъ въ историческое уже время, около 700 года до Р. Х., греческій городъ, которому переселенцы дали названіе «Иліонъ»; онъ просуществовалъ здѣсь до римскихъ временъ. Въ холмѣ были отрыты: 1) остатки упомянутаго греческаго города и 2) нѣсколько до-историческихъ древностей. Шлиманъ увѣрялъ, что эти до-историческіе остатки суть остатки гомеровской Трои; если онъ этимъ хотѣлъ выразить, что они служатъ представителями до-историческаго города, который далъ поводъ къ составленію сказанія о Троѣ, то такое мнѣніе не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто, такъ какъ ни одинъ изъ предметовъ, найденныхъ на Гиссарликѣ, не можетъ, даже въ самой слабой степени, свидѣтельствовать объ этомъ. Съ другой стороны, слѣдующій важный фактъ не подлежитъ сомнѣнію: невысокій Гиссарликъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ обширной и возвышенной Троей, описанной Гомеромъ, въ то время какъ положеніе Бунáрбаши вполнѣ гармонируетъ съ этимъ описаніемъ. Единственное мѣсто въ Иліадѣ, говорящее въ пользу Гиссарлика (Ил. 20, 216 и слѣд.): «Иліосъ стоитъ на равнинѣ», по изслѣ-

дованію Христа моложе остова Иліады и есть позднѣйшая вставка, сдѣланная вѣроятно однимъ изъ жителей Троады, желавшимъ прославить Энеадовъ, послѣ построенія греческаго Иліона на троянской равнинѣ [1]). Гомеровскій гимнъ Афродитѣ, въ которомъ тоже прославляются Энеады, вѣроятно, происходитъ изъ того же времени (7-го вѣка до Р. Х.) и изъ сродственнаго съ предыдущимъ источника. Греческіе поселенцы на Гиссарликѣ, конечно, увѣряли, что ихъ «Иліонъ» стоитъ на мѣстѣ Трои, въ доказательство чего показывали даже камень, на которомъ Паламедъ игралъ въ шашки, но ихъ мнѣніе, основанное болѣе на личномъ тщеславіи, не признавалось критикой ни древнихъ, ни новыхъ временъ [2]).

Происхожденіе гомеровскаго описанія Трои. 49. Гомеровскій поэтъ, изобразившій Трою Иліады, вѣроятно зналъ—лично или по описанію—крѣпкій городъ на Бунàрбаши, какъ господствующій надъ окрестностью. Сказаніе объ осадѣ, на которомъ основана Иліада, можетъ быть, было вызвано дѣйствительно осадою болѣе древняго города на Гиссарликѣ, который при жизни поэта уже не существовалъ. Конечно, поэтъ легко могъ перенести мѣсто Трои въ своей поэмѣ на другое болѣе для него удобное, напр., на мѣсто существовавшаго города на Бали-Дагѣ, и украсить его гордо возвышающимся акрополемъ и прекрасными постройками. Да-

---

[1]) Ил. 20, 216 *κτίσσε δὲ Δαρδανίην, ἐπεὶ οὔπω Ἴλιος ἱρὴ ἐν πεδίῳ πεπόλιστο*. Проф. Михаэлисъ (см. Fortn. Review, April, 1884, p. 452) высказался, что не трудно доказать, что все мѣсто въ 20 кн., гдѣ Иліосъ *ἐν πεδίῳ πεπόλιστο* есть прибавка, согласующаяся съ остальною частію книги. Позднѣе, въ томъ же году, явилось изданіе Иліады Христа. Онъ доказываетъ (въ Proleg. p. 76), что Ил. 20, 75—353, есть одна изъ позднѣйшихъ интерполяцій рапсода „qui in agro Troiano magis quam in Musarum nemoribus versatus esse videtur“. Авторъ интерполяціи подражалъ многимъ мѣстамъ въ книгахъ 5, 6, 12, 17, 21 и даже 8-й.

[2]) См. Journal of Hellenic Studies, vol. III, pp. 203—217.

лѣе, въ своемъ эпосѣ онъ, говоря вообще о теченіи рѣкъ, могъ приводить какъ особый признакъ мѣстности естественные источники у подножія холма, передъ самыми городскими воротами. Подъ впечатлѣніемъ крѣпкаго акрополя съ его крутыми склонами къ Скамандру и господствующимъ положеніемъ на равнинѣ, простирающейся до Геллеспонта, поэтъ могъ видѣть подтвержденіе сказанія о продолжительномъ сопротивленіи Трои противъ соединенныхъ силъ ахеянъ. Хотя мѣстопололоженіе Бунàрбаши послужило ему главнымъ основаніемъ представленія о расположеніи Трои, но онъ могъ также измѣнять картину чертами, взятыми изъ другихъ извѣстныхъ мѣстностей или изъ своего воображенія. Его топографія могла быть въ нѣкоторой степени эклектическою, или даже свободно поэтическою [1]. Что касается тактическихъ данныхъ, относящихся къ битвамъ, описаннымъ въ Иліадѣ, то онѣ не могутъ разсматриваться со строгостью военной науки. Впрочемъ доказано [2], что если ихъ разбирать съ этой точки зрѣнія, то онѣ свидѣтельствуютъ прямо противъ выше упомянутаго взгляда, что поэтъ представлялъ себѣ Трою на Гиссарликѣ, и въ то время же съ другой стороны ихъ легче согласовать съ положеніемъ Трои на Бунàрбаши [3].

Итакъ мы находимъ, что поэтическая исторія троянской войны, представленная Гомеромъ, не содержитъ ничего противорѣчащаго другимъ свидѣтельствамъ о

---

[1]) См. статью автора «The Ruins at Hissarlik» въ Journ. Hellen. Stud. III. pp. 192 и слѣд.

[2]) Georg. Nikolaïdes въ Ἰλιάδος Στρατηγικὴ Διασκευή (1883); это продолженіе труда того же автора «Topographie et plan stratégique de l'Iliade».

[3]) По вопросу о Бунàрбаши versus Гиссарликъ, пр Михаэлисъ писалъ автору въ 1884 году: «безъ сомнѣнія» ἔσσεται ἦμαρ ὅ ταν ποτέ, вся истина раскроется легко; и мнѣ кажется она не будетъ далека отъ того, что вы высказали въ вашихъ статьяхъ въ Journal of Hellenic Studies».

времени составленія поэмъ, но также и не даетъ ничего такого, что могло бы быть связано съ какимъ-либо историческимъ фактомъ, совершившимся въ это время.

Эпическій киклъ. 50. Теперь мы должны упомянуть еще объ утраченныхъ поэмахъ эпическаго кикла, такъ какъ онѣ помогаютъ опредѣлить время, послѣ котораго гомеровскія поэмы не могли быть сочинены [1]). Эпическій киклъ [2]) представлялъ сборникъ эпическихъ поэмъ разныхъ авторовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ по содержанію и представлявшихъ связную исторію миѳическаго міра. Исторія эта начинается бракомъ Неба съ Землею, отъ котораго произошли гиганты и киклопы и кончается убійствомъ Одиссея его собственнымъ сыномъ Телегономъ. Мы не знаемъ, когда именно былъ составленъ этотъ сборникъ поэмъ. Древнѣйшее извѣстіе о немъ находится у грамматика Прокла [3]), который жилъ, вѣроятно, около

---

[1]) См. объ этомъ статью Monro въ Journ. of Hell. Stud., vol. IV, pp. 305 и cb. vol. V. pp. 1 и слѣд.

[2]) Ἐπικὸς κύκλος. Слово κύκλος обозначало: 1) вообще рутину, спеціально на языкѣ схоліастовъ Гомера,—общеупотребительную манеру эпиковъ; напр. выраженіе Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων называется τοῦ κύκλου, см. Monro l. c. p 329. 2) Эпиграмму, сочиненную такъ, что первыя и послѣднія строчки могли перемѣниться мѣстами, такъ напр. въ эпитафіи на могилѣ Мидаса, Plat. Phaedr. 264. D. Въ этомъ смыслѣ Аристотель употребляетъ κύκλος (по отношенію къ одной эпиграммѣ, приписываемой Гомеру въ Soph. Elench. 10. 6. 3) Краткій обзоръ въ стихахъ или прозѣ; какъ ἱστορικὸς (очеркъ миѳологіи въ прозѣ), приписываемый Свидою Діонисію Милетскому. Ἐγκύκλιος παιδεία, ἐγκ. μαθήματα = общій курсъ наукъ и пр. Но обыкновенно κύκλιος имѣлъ дурной смыслъ «затасканный». Спеціально эпитетъ поэта или поэмы, обозначавшій 1) затасканный эпическій матеріалъ, 2) эпическую манерность, 3) часто сухой стиль лѣтописи, такъ напр. Каллимахъ примѣнилъ въ насмѣшку этотъ эпитетъ къ Аполлонію Родосскому (τὸ ποίημα τὸ κυκλικόν, Anthol. 12. 43), и Горацій говоритъ объ scriptor cyclicus, который начинаетъ троянскую войну съ двойного яйца (Ars Poet. 135).

[3]) Welcker отождествляетъ этого Прокла съ Евтихіемъ Прокломъ изъ Сикки, учителемъ императора М. Антонія.

140 года до Р. Х. и оставилъ «руководство къ исторіи литературы» (χρηστομάθεια γραμματική)[1]), гдѣ, изложилъ прозою въ короткихъ словахъ содержаніе поэмъ, составлявшихъ эпическій киклъ. Въ сохранившихся отрывкахъ этого руководства содержится только то, что имъ сказано о поэмахъ одной части эпическаго кикла, касавшейся только троянской войны.

Разборъ троянскаго кикла. Троянская глава кикла содержала восемь эпосовъ, между которыми Иліада занимала второе, а Одиссея седьмое мѣсто. Главнѣйшія событія, разсказанныя въ остальныхъ эпосахъ, удобнѣе представить для ясности въ краткомъ очеркѣ таблицы.

1. Кипріи (Κύπρια): 11 книгъ. Авторъ съ точностью неизвѣстенъ (Стасинъ Кипрскій?). Время сочиненія около 776 г. до Р. Х.

Содержаніе: Зевсъ рѣшился облегчить бремя чрезмѣрно населенной земли посредствомъ большой войны и послалъ Раздоръ на свадьбу Пелея съ Ѳетидой. Судъ Париса. Парисъ похищаетъ Елену. Троянская война до рѣшенія Зевса помочь троянцамъ, удаливъ Ахиллеса. Герой эпоса—Парисъ. Кипріи представляли, кажется, родъ хроники отъ начала троянской войны до времени, съ котораго начинается уже Иліада.

По-гомеровскія черты: обоготвореніе Діоскуровъ, которые у Гомера—просто умершіе люди. Сказаніе объ Ифигеніи (въ Кипріяхъ она отличена отъ гомеровской Ифіанассы Ил. 9,145). Сказаніе о Паламедѣ. Елена является дочерью Немезиды, преслѣдуемая Зевсомъ, принимаетъ различные образы, чтобъ скрыться отъ

Патріархъ Фотій (9-е столѣтіе нашей эры) даетъ въ своей «Библіотекѣ» нѣкоторыя выдержки изъ χρηστομάθεια Прокла съ описаніемъ этого сочиненія и вообще эпическаго кикла.

[1]) Отрывки собраны въ Hephaestion изд. Gaisford'омъ (нов. изд. Оксфордъ 1853).

него. Кассандра имѣетъ даръ пророческій, котораго Гомеръ не признавалъ за ней.

2) Иліада Гомера.

3) Эѳіопида (Αἰθιοπίς): 5 книгъ, авторъ—Арктинъ Милетскій, около 776 г. до Р. Х. Содержаніе: послѣ похоронъ Гектора (Ил. 24) на помощь Троѣ является царица амазонокъ, Пентезилея. Смерть ея. Подвиги и смерть Мемнона. Смерть Ахиллеса. Споръ объ его оружіи между Аяксомъ и Одиссеемъ; послѣдній удерживаетъ его за собою. Герой эпоса—Ахиллесъ.

По-гомеровскія черты: почитаніе людей послѣ смерти какъ «героевъ» (Ахиллесъ и Мемнонъ дѣлаются безсмертными). Церемонія очищенія отъ преступленія человѣкоубійства подъ покровительствомъ Аполлона καθάρσιος.

4) Малая Иліада (Ἰλιὰς Μικρὰ): 4 книги, авторъ въ точности неизвѣстенъ (Лесхесъ Митиленскій?); время около 700 г. до Р. Х.

Содержаніе: Троянская война отъ присужденія оружія Ахиллеса Одиссею до взятія Трои: включая возвращеніе и излеченіе Филоктета и эпизодъ о деревянномъ конѣ. Герой эпоса—Одиссей. Поэма явилась прямо подъ вліяніемъ Одиссеи и имѣетъ болѣе общаго матеріала съ Гомеромъ, чѣмъ каждая изъ поэмъ этого кикла.

По-гомеровскія черты: магическій Палладіумъ (образъ Паллады), отъ котораго зависитъ судьба Трои. Сказаніе о Синонѣ (Virgil. Aeneis. II). Сказаніе объ Эѳрѣ, матери Ѳезея, увезенной изъ Аттики Діоскурами.

5) Иліу Персисъ (Ἰλίου πέρσις): 2 книги. Авторъ Арктинъ Милетскій, около 776 г. до Р. Х.

Содержаніе: троянцы хотятъ поставить деревяннаго коня на Акрополѣ. Лаокоонъ и одинъ изъ сыновей его умираютъ, укушенные змѣями. Эней и нѣ-

сколько его спутниковъ, предостереженные этимъ случаемъ, уходятъ изъ Трои на гору Ида. Паденіе Трои. Отъѣздъ грековъ. Герой эпоса Неоптолемъ, сынъ Ахиллеса.

По-гомеровскія черты: эпизодъ о Лаокоонѣ и бѣгство Энея. Принесеніе въ жертву дочери Пріама Поликсены на могилѣ Ахиллеса, что указываетъ на почитаніе героевъ. Другія черты (какъ-то: сказанія о Синонѣ и Эѳрѣ) общи этой поэмѣ съ малой Иліадой.

6) Носты (Νόστοι): 5 книгъ. Авторъ Агіасъ Трэзенскій, около 750 г. до Р. Х.

Содержаніе: приключенія нѣкоторыхъ героевъ на обратномъ пути ихъ изъ Трои,—въ особенности приключенія героевъ: Менелая, посѣтившаго Египетъ, и Агамемнона, котораго убила Клитемнестра. Поэма эта была родъ трагической Одиссеи, составлявшей переходъ отъ Гомера къ Эсхилу.

По-гомеровскія черты: смерть Калхаса при встрѣчѣ съ болѣе великимъ прорицателемъ, чѣмъ онъ самъ (Мопсомъ изъ Колофона). Путешествіе Неоптолема въ Эпиръ, гдѣ впервые упоминаются Молоссы. Тѣнь Ахиллеса предостерегаетъ Агамемнона. Волшебница Медея.

7) Одиссея Гомера.

8) Телегонія (Τηλεγονία): 2 книги. Авторъ—Евгамономъ Киренскій, около 568 г. до Р. Х.

Содержаніе: Телегонъ, сынъ Одиссея и волшебницы Киркеи, нечаянно убиваетъ своего отца на Итакѣ. Узнавши свой грѣхъ, онъ, сопровождаемый Телемахомъ и Пенелопою, увозитъ трупъ Одиссея къ своей матери, которая всѣхъ ихъ дѣлаетъ безсмертными. Телегонъ женится на Пенелопѣ, а Телемахъ—на Киркеѣ. Въ первой части, Одиссей женился на ѳеспротійской царицѣ Кал-

лидикѣ. Здѣсь мы видимъ желаніе составить генеалогію семействъ, ведущихъ свой родъ отъ Одиссея.

Общій выводъ. 52. Изъ приведеннаго очерка явствуетъ, что нѣкоторые изъ древнѣйшихъ эпосовъ кикла, происходя изъ времени около 776 г. до Р. Х., даютъ основаніе предполагать существованіе Иліады, представляя собою какъ бы введеніе въ нее, или продолженіе. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ кикла дѣйствительно Эѳіопида соединялась прямо съ двадцать четвертою книгою Иліады [1]). Но эта книга Иліады, безъ сомнѣнія, одна изъ послѣднихъ прибавокъ къ эпосу, и мы должны заключить изъ этого, что Иліада существовала почти что въ своемъ настоящемъ объемѣ уже около 800 г. до Р. Х., но съ вѣроятностью можно предположить еще болѣе раннюю пору, если принять въ соображеніе, что должно же было пройти извѣстное время, пока поэма пріобрѣла такую славу, чтобы возбудить желаніе продолжать ее. Сравнительно съ Иліадой и Одиссеей, киклическія поэмы носятъ печать болѣе поздняго времени, что видно: a) по нѣкоторымъ понятіямъ, заключающимся въ нихъ,—какъ напр. обоготвореніе героевъ, очистительные обряды и пр.; b) по болѣе широкому кругу географическихъ знаній и по большей массѣ миѳологическаго матеріала.

Итакъ, эпическій киклъ, какъ внѣшнее свидѣтельство, подтверждаетъ двойное внутреннее свидѣтельство: содержанія и языка, что остовъ гомеровскихъ поэмъ долженъ быть древнѣе 800 года до Р. Х., хотя нѣкоторыя частныя прибавки относятся къ болѣе позднему времени.

---

[1]) Послѣдній стихъ Иліады (24.804) ὣς οἵ γ'ἀμφίεπον τάφον Ἕκτορος ἱπποδάμοιο. Эѳіопида примыкала къ этому стиху такимъ образомъ по свидѣтельству схолій въ кодексѣ Victorianus: ὣς οἵ γ'ἀμφίεπον τάφον Ἕκτορος ἦλθε δ' Ἀμαζών, | Ἄρηος θυγάτηρ μεγαλήτορος ἀνδροφόνοιο. Ср. Weliker, Epic Cycle, II. 170.

Общій обзоръ результатовъ. 53. Мы можемъ сдѣлать теперь общій обзоръ результатовъ предыдущаго изслѣдованія и разсмотрѣть, что̀ они дадутъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ. Иліаду должно отдѣлять при этомъ отъ Одиссеи.

Взгляды, которые слѣдуетъ устранить. Съ самаго начала слѣдуетъ подготовить почву, устранивъ два крайнія воззрѣнія, которыя могутъ защищаться теперь немногими изъ знакомыхъ съ результатами новѣйшей критики. Одно изъ этихъ воззрѣній—теорія Лахманна, по которой Иліада составлена изъ нѣсколькихъ короткихъ сказаній, не связанныхъ первоначально общимъ планомъ (§ 14). Другое — это теорія, преобладавшая главнымъ образомъ до Вольфа, по которой Иліада есть твореніе одного поэта Гомера, подобно какъ Энеида— твореніе Виргилія. Въ Англіи послѣднее воззрѣніе еще популярно до сихъ поръ, хотя поддерживается можетъ быть болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ. Большинство англичанъ привыкли читать Иліаду, наслаждаясь цѣлымъ, не обращая вниманія на характерныя различія частей. Такимъ же образомъ читали Гомера и новѣйшіе поэты; и такъ какъ большая часть ихъ вѣрила въ единство содержанія, то, въ особенности въ Англіи, развилось мнѣніе, что въ поэмахъ Гомера проявляется единство личнаго генія, чувствуемое другими поэтическими геніями и имѣющее безконечно бо̀льшее значеніе, чѣмъ мелкія противорѣчія въ частностяхъ, которыми занимаются ученые критики. Это распространенное мнѣніе удержалось по слѣдующей причинѣ.

54. Традиціонный типъ іонійскаго эпоса, развитый цѣлыми поколѣніями, даетъ обманчивый эффектъ общаго единства. Древне-іонійское нарѣчіе съ своимъ богатствомъ мягкихъ звуковъ, съ своимъ сліяніемъ нѣжности и силы было способно отъ природы сдѣлать

эпическій гекзаметръ музыкальнымъ, подвижнымъ и величественнымъ. Эпическая практика постепенно образовала большое число фразъ и выраженій, которыя постоянно повторялись въ подходящихъ случаяхъ, безъ всякаго отношенія къ тому, чѣмъ одинъ случай отличался отъ другого [1]). Іонійскій поэтъ, желая включить въ Иліаду какой-либо эпизодъ, пользовался этимъ языкомъ и даже могъ прикрыть имъ свои недостатки, когда его природное дарованіе уступало дарованію поэта, произведеніе котораго онъ расширялъ. Matthew Arnold говоритъ: «непреодолимое препятствіе противъ взгляда, что Иліада сочинена многими поэтами, состоитъ въ томъ, что творенія великихъ поэтовъ единственны, въ своемъ родѣ; Иліада тоже носитъ печать великаго поэта, и эта печать выражена въ ея величественномъ стилѣ». Но этотъ величественный стиль, о которомъ здѣсь говорится, есть просто іонійскій стиль героическаго эпоса. Если посмотрѣть ближе, то увидимъ, что стиль десятой книги, напр., не сходенъ съ стилемъ остальныхъ книгъ; двадцать четвертая книга и нѣкоторыя другія книги, или части ихъ, носятъ черты стиля, только имъ однимъ свойственнаго; «Каталогъ» рѣзко отличается по стилю отъ окружающей среды. Представимъ себѣ, что поэмы эпическаго кикла сохранились бы, безъ обозначенія именъ ихъ авторовъ, а просто подъ именемъ Гомера; и въ этомъ случаѣ «величественный стиль» безъ сомнѣнія нашелся бы, хотя, можетъ быть, не въ такой степени, какъ въ настоящей Иліадѣ, но тоже подтверждалъ бы доказательство о единствѣ автора, подобное вышеприведенному. Съ другой стороны, этотъ традиціонный эпическій стиль рекомендуетъ осторожность при составленіи теорій

[1]) По Carl Eduard Schmidt, сумма повторяющихся стиховъ въ обоихъ эпосахъ доходитъ до шестнадцати тысячъ.

о совмѣстномъ трудѣ нѣсколькихъ авторовъ, затрудняя точное опредѣленіе границъ, гдѣ кончилъ одинъ поэтъ и началъ другой.

Консервативность новѣйшихъ теорій. 55. Тѣмъ не менѣе защитники гомеровскаго единства могутъ утѣшиться тѣмъ, что хотя прежній взглядъ ихъ сдѣлался непригоднымъ, но многое изъ его сущности сохранилось и снова возстановлено. Въ ученіи самого Вольфа, аналитическій элементъ былъ значительно ослабленъ консервативнымъ; Вольфъ допускалъ, что Гомеръ сочинилъ «бо̀льшую часть пѣсенъ» и повліялъ на сочиненіе остальныхъ. Аналитическій элементъ въ его теоріи привлекалъ особое вниманіе, потому что, когда эта теорія появилась, то представила рѣзкій контрастъ съ старымъ мнѣніемъ о единомъ Гомерѣ, и ее приводили нерѣдко въ связи съ чисто разрушающими теоріями, которыя были совершенно чужды духу Вольфа. Важный результатъ новѣйшей критики получился изъ консервативнаго элемента теоріи Вольфа, хотя не совершенно въ духѣ Германна, а приспособленный къ болѣе вѣрному взгляду Nitzsch'a, что первоначальная Иліада не была уже простой пѣсней первобытнаго пѣвца, а цѣлой эпической поэмой.

Первоначальная поэма. Все приводитъ къ заключенію, что планъ Иліады былъ составленъ однимъ великимъ поэтомъ и выполненъ имъ въ большей части ея. Названіемъ «первичной» Иліады мы будемъ обозначать первую форму, данную поэтомъ своему произведенію, въ отличіе отъ расширенной формы, данной отчасти, можетъ быть, имъ самимъ, отчасти другими.

Нѣтъ сомнѣнія, что первая книга нашей Иліады была началомъ первичной Иліады. О приблизительномъ объемѣ первичной поэмы можно судить по сущности темы, которою она опредѣлена — споръ между

Ахиллесомъ и Агамемнономъ. Подобный споръ между двумя главными героями нерѣдко служилъ темою народной эпической пѣсни. Пѣвецъ Демодокъ (Од. 8,751) пѣлъ былину, «слава которой достигла пространнаго неба,»— о ссорѣ Одиссея съ Ахиллесомъ, сыномъ Пелея, о томъ, какъ они однажды поспорили на богатомъ пирѣ боговъ, а Агамемнонъ, царь людей, «въ духѣ своемъ веселился враждой знаменитыхъ ахеянъ». Такое содержаніе могло дать поводъ къ блестящимъ рѣчамъ, въ которыхъ выразился общій характеръ спорящихъ. Неизвѣстно, имѣлъ ли поэтъ, составившій планъ Иліады, поэтическаго предшественника, выбравшаго также своею темою споръ между героями, но во всякомъ случаѣ онъ былъ оригиналенъ въ пониманіи выгодъ, которыя представлялись ему при выборѣ дѣйствующихъ лицъ. Гнѣвъ на какого-либо мелкаго вождя не послужилъ бы Ахиллесу поводомъ лишить своей помощи грековъ. Но Агамемнонъ, какъ главный предводитель, былъ представителемъ всего греческаго войска; и Ахиллесъ, оскорбленный Агамемнономъ, могъ поэтому считать себя обиженнымъ цѣлымъ войскомъ. Удаленіе самаго доблестнаго героя, Ахиллеса, поставило грековъ въ затруднительное положеніе и дало поводъ подвигамъ второстепенныхъ героевъ и, слѣдовательно, описанію войны съ перемѣннымъ счастіемъ.

Иліада была Иліадой съ самаго начала. 57. Только допустивъ, что поэтъ, воспѣвшій «гнѣвъ Ахиллеса», не понималъ особыхъ выгодъ своей темы, мы можемъ принять, что поэма его была не болѣе какъ «Ахиллеида», представлявшая одинъ частный эпизодъ. Но, Иліада, съ самаго начала явилась уже «Иліадой», заключая въ себѣ общее описаніе той борьбы между греками и троянцами, въ которой временное отсутствіе Ахиллеса причинило только новое усложненіе. Особеннымъ

достоинствомъ поэтической изобрѣтательности поэта должно считать выборъ момента, въ которомъ соединялся личный интересъ спора между двумя героями съ разнообразіемъ и блескомъ боевыхъ сценъ.

Ея объемъ. Изъ плана этой первичной Иліады должны были вытекать послѣдующія событія. Агамемнонъ наноситъ оскорбленіе Ахиллесу, который вслѣдствіе этого не участвуетъ въ войнѣ. Зевсъ обѣщаетъ Ѳетидѣ отмстить за ея сына пораженіемъ грековъ. Военное счастіе поворачивается въ пользу троянъ; греки жестоко стѣснены; Патроклъ, желая подать имъ помощь, самъ погибаетъ. Смерть друга вновь побуждаетъ Ахиллеса къ дѣятельности; онъ примиряется съ Агамемнономъ и, послѣ великихъ подвиговъ противъ троянъ, убиваетъ перваго борца ихъ, Гектора.

Эти событія, разсказаныя въ 1,11 и отъ 16 до 22 книги включительно, составляли вѣроятно содержаніе первичной Иліады, причемъ представлялась возможность позднѣйшимъ большимъ или малымъ вставкамъ въ книгахъ 16 до 22. Въ этой первичной Иліадѣ самою важною была 11-я книга, въ которой разсказано пораженіе, понесенное греками согласно обѣщанію Зевса.

Расширеніе первичной Иліады. 58. Теперь можно представить вопросъ, какъ бы взглянулъ на эту первичную Иліаду первый поэтъ, или одинъ изъ послѣдующихъ, пожелавъ расширить ее, не измѣняя основного плана? Ему представились бы два мѣста наиболѣе удобныя, въ сравненіи съ другими, для вставки новаго матеріала, это именно между книгами 1 и 11 и между 11 и 16-й. Очевидно, что поэтъ изъ этихъ двухъ мѣстъ скорѣе выбралъ бы для своей цѣли первое; такъ какъ намѣреніе Зевса унизить грековъ могло бы быть представлено для эффекта въ постепенномъ развитіи и въ приключеніяхъ, связанныхъ съ превратностью

судьбы. Такимъ образомъ не было бы поэтической необходимости, чтобы за 1-й книгой слѣдовала непосредственно 11-я.

Книги отъ 2-й до 7-й. Общее содержаніе книгъ отъ 2-й до 7-й подтверждаетъ предположеніе, что эта группа представляетъ древнѣйшій рядъ вставокъ (сдѣланныхъ не одновременно и не однимъ и тѣмъ же авторомъ) въ первичную Иліаду. Изъ 2-й книги мы исключаемъ «Каталогъ», составляющій гораздо позднѣйшую интерполяцію. Древняя часть 2-й книги содержитъ «гибельный сонъ», посланный Зевсомъ, чтобъ возбудить въ Агамемнонѣ надежды на побѣду и понудить его приготовиться къ битвѣ; совѣтъ вождей и собраніе войска. Книги 3-я и 4-я тѣсно связаны между собой, такъ какъ содержаніе обѣихъ — договоръ грековъ съ троянами и единоборство Менелая съ Парисомъ, оставшееся не рѣшеннымъ, такъ какъ Парисъ спасся съ помощію Афродиты. Точно также соединены книги 5-я и 6-я, главное содержаніе которыхъ составляютъ подвиги Діомеда. Въ книгѣ 7-й—второй поединокъ; на этотъ разъ между Аяксомъ и Гекторомъ, но и онъ подобно первому остается не рѣшенымъ; противники подъ конецъ его дѣлаютъ даже другъ другу подарки. Потомъ греки хоронятъ убитыхъ и строятъ стѣну для защиты своего стана.

Общая характеристика этихъ книгъ такова: въ шести книгахъ (2—7) представленъ рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, «рѣшеніе же Зевса», возвѣщенное въ 1-й книгѣ, осталось отсроченнымъ.

Книги отъ 12—15-й. 59. Вставка же сдѣланная во второе изъ указанныхъ мѣстъ, т. е. между 11 и 16 книгами, должна была удовлетворять другимъ болѣе труднымъ условіямъ, а именно: послѣ того, какъ Зевсъ нанесъ достаточный вредъ грекамъ, описанный

въ 11-й книгѣ, поэтическое соображеніе требовало занять промежутокъ времени, который могъ пройти. пока Патроклъ, предшественникъ Ахиллеса, явится на помощь (кн. 16). Конецъ 11-й книги представляетъ уже переходъ къ развязкѣ, такъ какъ греки доведены до крайности; вставка между этой и 16-й книгами требовалась по необходимости, чтобъ ввести что нибудь совсѣмъ новое. Это требованіе было выполнено описаніемъ боя въ станѣ, которое заключается въ кн. 12, 13, 14 и 15-й Этотъ бой — послѣдняя отчаянная защита грековъ. Трояне стараются сжечь корабли. Одинъ только Аяксъ въ состояніи еще сдерживать непріятеля. Наконецъ, въ самую отчаянную минуту является Патроклъ въ вооруженіи Ахиллеса.

Эти четыре книги (12—15), исключая нѣкоторыхъ интерполяцій, обладаютъ всѣми существенными качествами высокой поэзіи; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что несмотря на растянутость описанія борьбы нашъ интересъ къ ней не угасаетъ. Если читать Иліаду сплошь, то трудно предположить, что за 11-ю книгою должна непосредственно слѣдовать 16-я. Книги отъ 12 до 15 при такомъ чтеніи производятъ впечатлѣніе ловкаго и блестящаго расширенія разсказа.

60. Итакъ, наша первичная Иліада, состоявшая изъ книгъ 1, 11 и отъ 16 до 22, была расширена вставкою книгъ 2 до 7 передъ 11 книгой и книгъ 12 до 15 послѣ нея. Но первоначальный планъ поэмы сохранилъ свою простоту; единственная разница состояла въ томъ, что намѣреніе Зевса отложено и агонія грековъ продолжена.

Книги 8-я и 9-я. Теперь представимъ себѣ, что поэтъ, съ реторическимъ талантомъ, нашелъ бы Иліаду въ этой расширенной формѣ и захотѣлъ бы сдѣлать въ нее какую-либо свою вставку, то какъ бы онъ

лучше поступилъ, не нарушая при этомъ границъ первоначальнаго эпоса? Часть между 11 и 16 книгами не допускаетъ болѣе никакого значительнаго расширенія. Если бы вставить рядъ эпизодовъ между книгами 1 и 11, то произошла бы растянутость, такъ какъ исполненіе «воли Зевса» еще болѣе бы замедлилось.

Оставалось другое средство. Не измѣняя существенно плана поэмы, можно было его удвоить. Греки могли быть дважды разбиты. Послѣ перваго раза они просили помощи у Ахиллеса и получили отказъ — эпизодъ, полный поводовъ къ поэтическому краснорѣчію и паѳосу. Если бы поэтъ захотѣлъ вставить такой эпизодъ, то лучшимъ мѣстомъ для вставки было бы мѣсто непосредственно передъ первымъ (теперь вторымъ) пораженіемъ грековъ, описаннымъ въ 11 книгѣ. И поэтъ, которому пришло это на мысль, вставилъ въ Иліаду книги 8-ю и 9-ю. Книга 10-я еще не существовала.

61. Книги 23-я и 24-я суть добавки. Онѣ тѣсно связаны по своему содержанію съ дѣйствіемъ, весьма интереснымъ для греческихъ слушателей,—о которомъ такъ часто напоминали въ позднѣйшій періодъ литературы драматическіе писатели Аттики, — съ совершеніемъ погребальныхъ церемоній надъ тѣлами главныхъ героевъ той и другой стороны—Патрокла и Гектора. Эпизодъ о погребальныхъ играхъ въ 23 книгѣ (отъ стиха 257 до конца) былъ несомнѣнно отдѣльною вставкой и вѣроятно гораздо позднѣйшей, чѣмъ предшествующая часть этой книги, повѣствующая о погребеніи Патрокла. Книги 23 и 24 отличаются отъ разсмотрѣнныхъ нами другихъ книгъ какъ вставки въ первичную Иліаду. Если книги 23-ю и 24-ю разсматривать просто относительно плана, то нѣтъ причины не приписывать ихъ первичной Иліадѣ. Единственно

только свидѣтельство со стороны языка и стиля дѣлаетъ это невозможнымъ. Книга 24 такъ хороша и составляетъ столь достойное заключеніе Иліады, что Христъ хотѣлъ приписать ее или самому первому поэту, или ближайшему послѣдователю, исполнившему его планъ. Указаніе на этотъ планъ можно найти въ 23 книгѣ, гдѣ боги охраняютъ тѣло Гектора отъ обезображенія (184—191). Изъ этого заключаютъ, что книги 23 и 24 древнѣе во всякомъ случаѣ 9-й книги.

Тѣмъ не менѣе упомянутыя три книги имѣютъ много общихъ чертъ одна съ другою и съ Одиссеей, которыми онѣ отличаются отъ несомнѣнно древнихъ частей Иліады. Авторъ даже полагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, книга 24 и 9-я были сочинены однимъ и тѣмъ же поэтомъ. Это мнѣніе поддерживается сравненіемъ рѣчей, особенно по отношенію къ одной отдѣльной чертѣ—именно реторическому перечисленію именъ въ мѣстахъ, исполненныхъ глубокимъ чувствомъ [1]). Нѣсколько возбужденный характеръ, легче чувствуемый, чѣмъ выражаемый словами, проявляется въ обѣихъ книгахъ. Въ той и другой Ахиллесъ изображенъ одинаковыми чертами. Склонность къ введенію контрастовъ, какъ источника эффектовъ, замѣтна какъ въ 9-й, такъ и въ 24-й книгахъ, гдѣ, напр., престарѣлый. безпомощный царь умоляетъ молодого воина. И книга 24-я сама по себѣ блестящая антитеза къ книгѣ 9-й. Искусный реторическій поэтъ, который представилъ Ахиллеса непоколебимымъ къ просьбамъ ахейскихъ вождей, могъ также написать параллельную картину и изобразить Ахиллеса уступающимъ мольбамъ престарѣлаго Пріама [2]).

---

[1]) Можно сравнить 9,149 и слѣд. и 381 и слѣд. съ 24,544 и слѣд.

[2]) Объемъ настоящаго сочиненія препятствуетъ развить

Книга 10. 62. Слѣдовательно всѣ разсмотрѣнныя части Иліады древнѣе 850—800 года до Р. Х.; остается 10-я книга. Она, какъ мы уже видѣли (§ 18), носитъ свою собственную печать, которая ясно указываетъ на ея болѣе позднее происхожденіе, можетъ быть, около 750—600 до Р. Х. Къ тому же времени можно отнести и «большія интерполяціи»; этимъ именемъ удачно обозначаютъ мѣста, различныя по стилю и достоинству; нѣкоторыя изъ нихъ исполнены высокаго внутренняго качества, но всѣ имѣютъ одно общее отличительное свойство: каждое изъ этихъ мѣстъ свидѣтельствуетъ о стараніи, съ которымъ каждый отдѣльный поэтъ, обработавъ одинъ какой-либо эпизодъ сообразно своимъ силамъ, вставлялъ его въ Иліаду, не обращая вниманія на интересъ цѣлаго эпоса. Въ этомъ общемъ характерѣ мы можемъ распознать признакъ эпохи, когда высшее эпическое искусство пало, а поэтическая реторика и остроуміе нашли для себя любимое занятіе — придавать окончательную обработку короткимъ стихотвореніямъ.

Сюда относятся слѣдующія мѣста: 1) Въ 9-й книгѣ эпизодъ о Фэниксѣ, ст. 432—619, гдѣ единственнымъ мотивомъ было желаніе разсказать исторію Мелеагра. 2) Въ 11-й книгѣ свиданіе Нестора съ Патрокломъ, ст. 596—848, или по крайней мѣрѣ 665—762. 3) Въ 18-й книгѣ приготовленіе вооруженія Ахиллеса, ст. 369 до конца. 4) Θеомахія въ 20 книгѣ, ст. 4 — 380 (включая поединокъ Энея съ Ахиллесомъ, ст. 75—352, въ которомъ Эней спасенъ Посидономъ), и въ книгѣ

здѣсь въ частностяхъ сравненіе обѣихъ книгъ между собою. Но достаточно сравнить пять стиховъ, описывающихъ Ахиллеса въ его ставкѣ, когда къ нему являются греческіе послы, (9,186—191), съ пятью стихами, описывающими его, когда къ нему приходитъ Пріамъ (24,471—476). Хотя ни одно мѣсто не подражаетъ другому, но смыслъ обоихъ одинаковъ.

21, ст. 383 до конца. 5) Въ 23-й книгѣ погребальныя игры, ст. 257 до конца. «Каталогъ», во 2-й книгѣ, занимаетъ особое положеніе въ поэмѣ. Списокъ греческихъ силъ представляетъ трудъ Беотійскаго поэта школы Гезіода и вѣроятно сочиненъ гораздо раньше, чѣмъ вставленъ въ Иліаду. Перечисленіе троянскихъ силъ, кажется, болѣе поздняго происхожденія и составляетъ трудъ другого поэта.

Представленная таблица можетъ быть еще увеличена, если мы включимъ всѣ мѣста значительныя по объему, которыя съ бо̀льшимъ или меньшимъ правомъ принимаемы были за интерполяціи. Но здѣсь мы должны ограничиться, указавъ только на нѣкоторые болѣе важные примѣры. Мелкія вставки, встрѣчающіяся въ Иліадѣ въ большомъ количествѣ, не входятъ въ предѣлъ настоящаго обзора.

63. Такимъ образомъ, если будемъ разсматривать отдѣльныя части Иліады по отношенію одна къ другой и къ цѣлому, то придемъ къ заключенію, что первичная Иліада была расширена рядомъ вставокъ, сдѣланныхъ въ разное время. Къ самому древнѣйшему періоду таковыхъ вставокъ принадлежатъ книги 2—7 и 12—15. Къ ближайшему слѣдующему періоду вѣроятно относятся книги 8, 9, 23 (до ст. 256) и 24. Къ позднѣйшему періоду принадлежатъ 10-я книга и большія интерполяціи.

Время происхожденія первичной Иліады. Теперь является вопросъ, насколько можно приблизительно опредѣлить древность первичной Иліады и какое отношеніе по древности и авторству существуетъ между ней и вставками древнѣйшаго періода?

Ахиллесъ—герой ѳессалійскій—времени господства ахейскихъ князей въ Пелопоннесѣ и въ большей части Греціи. Сказаніе, изложенное въ Иліадѣ, касается, безъ

сомнѣнія, собственной Греціи въ ахейскій періодъ. Завоеваніе Пелопоннеса дорійцами причинило передвиженіе ахейскаго населенія и вызвало переселеніе изъ собственной Греціи, результатомъ котораго было возникновеніе греческихъ колоній на западномъ берегу Малой Азіи. Это передвиженіе обыкновенно относятъ къ седьмому столѣтію до Р. Х. Іонійскіе переселенцы несомнѣнно перенесли съ собою ахейское сказаніе Иліады. Но въ какомъ видѣ они принесли его? Въ видѣ ли безъискусственнаго разсказа, или въ формѣ грубыхъ, короткихъ былинъ, въ которую заключили его ахейскіе пѣвцы собственной Греціи, или наконецъ въ формѣ зрѣлаго эпоса, въ формѣ нашей Иліады, или болѣе существенной части ея?

Доказательства въ пользу европейскаго происхожденія Иліады. 64. Отвѣчаютъ утвердительно обыкновенно на послѣдній вопросъ, когда говорятъ о европейскомъ происхожденіи Иліады. Доказательства въ пользу европейскаго происхожденія, недавно изложенныя у Monro, приводятъ къ слѣдующему [1]):

Въ Иліадѣ можно различить два наслоенія миѳическихъ или миѳическо-историческихъ преданій. Во-первыхъ, въ ней встрѣчаемъ мы героевъ троянской войны. Во-вторыхъ—героевъ, которыхъ мѣстныя преданія Греціи относятъ къ эпохѣ до троянской войны. Такъ, напр., Коринѳъ и Сикіонъ повинуются Агамемнону; но находятся указанія на болѣе древнее время, когда Коринѳъ подчинялся династіи, представителемъ которой былъ Сисифъ, а Сикіонъ—династіи, во главѣ которой стоялъ Адрастъ. Теперь, если Иліада сложилась въ собственной Греціи, то естественно, что поэтъ, зная сказанія о правленіи Агамемнона, могъ знать

---

[1]) „Homer and the Early History of Greece" въ English Historical Review, № 1. Jan., 1885.

также и древнія мѣстныя сказанія и воспользоваться обоими видами, не смѣшивая одинъ съ другимъ. Но если Иліада сочинена въ Малой Азіи, то невозможно, чтобъ іонійскіе переселенцы хранили въ своей памяти кромѣ ахейскихъ еще и мѣстныя древнія сказанія.

Сужденіе объ этомъ доказательствѣ. 65. Разсматривая такое предположеніе, не должно думать, что интеллектуальный подвигъ, совершенный іонійцами, по гипотезѣ объ азіятскомъ происхожденіи Иліады, былъ въ дѣйствительности такъ труденъ, какъ его стараются представить. Возможно допустить, что іонійскіе переселенцы не ограничились перенесеніемъ сказаній только объ троянской войнѣ. Имъ были извѣстны также и лучшія изъ мѣстныхъ, какъ-то: о Сизифѣ Коринѳскомъ, Адрастѣ Сикіонскомъ, или о Персеидахъ—царяхъ Аргоса. Указанія на нихъ въ Иліадѣ хотя крайне слабы и ограничиваются обыкновенно только именами, но они могли сохраняться очень легко по традиціи цѣлыми поколѣніями переселенцевъ. Но представимъ себѣ, что упомянутыя сказанія сохранились бы даже гораздо полнѣе и точнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности, то и тогда трудность сохраненія въ отдѣльности двухъ группъ сказаній существовала бы только въ томъ случаѣ, если бы сказанія о троянской войнѣ сталкивались съ мѣстными и затемняли ихъ своею большею популярностью, и если бы кромѣ того память о нихъ не поддерживалась близостью мѣстъ, о которыхъ они повѣствовали. Но въ Иліадѣ нѣтъ такого столкновенія между двумя видами сказаній. Самое большее, это различіе между ахейскими и до-ахейскими династіями, ясное свидѣтельство котораго указано въ Каталогѣ греческихъ силъ. Только въ Каталогѣ Агамемнонъ представленъ непосредственнымъ правителемъ въ Ко-

ринѳѣ и Сикіонѣ, «гдѣ прежде правилъ Адрастъ» [1]. Изъ остальной Иліады можно заключить только, что Агамемнонъ имѣлъ столицею Микены и правилъ какъ сюзеренъ надъ нѣсколькими подчиненными царями и вождями. Если исключить Каталогъ, то ничто въ Иліадѣ не противорѣчитъ предположенію, что непосредственнымъ правителемъ Коринѳа подъ главенствомъ Агамемнона былъ царь потомокъ Сисифа и что въ Сикіонѣ царемъ былъ потомокъ Адраста. Но, безъ сомнѣнія, Каталогъ греческихъ силъ былъ составленъ въ Беотіи задолго до своей вставки въ Иліаду. Итакъ, мѣста, гдѣ рѣзко отличены династіи ахейская и до-ахейская, навѣрное принадлежатъ поэту, сочинявшему въ Собственной Греціи.

66. Бо́льшей силой пользуется другой отдѣлъ доказательствъ, употребляемыхъ Monro, въ которомъ разсматриваются слѣдствія, полученныя изъ умолчаній Гомера, спеціально съ трехъ точекъ зрѣнія. 1) Многія іонійскія колоніи въ Малой Азіи считали своими основателями Нелидовъ, потомковъ Нестора. Эти Нелиды, по словамъ іонянъ, переселились изъ Пилоса въ Аѳины. Но гомеровскія поэмы нигдѣ не упоминаютъ объ отношеніи семейства Нестора къ Аѳинамъ. Если бы Иліада была сочинена въ іонійскихъ колоніяхъ, то

[1]) Ил. 2,572. Сисифъ упомянутъ въ Ил. 6,153. Другіе примѣры суть: 1) Діомедъ—царь Аргоса въ Каталогѣ (2,563), Правленіе Прэта въ Аргосѣ указано въ Ил. 6,157. Сѳенелъ сынъ Персеевъ и Еврисѳей сынъ Сѳенеловъ упоминаются какъ цари Аргоса въ 19,116 и слѣд. Христъ признаетъ ст. 19, 90—336 за позднѣйшую интерполяцію. 2) По Каталогу предводитель этолійцевъ—Тоасъ, --при этомъ упомянуто, что Эней и его сыновья уже умерли: 2,638 и слѣд. 3) Въ Каталогѣ говорится объ Эвритѣ какъ прежнемъ царѣ Эхаліи (2,596), но войскомъ Эхаліи предводительствуютъ сыновья Асклепія — Подалерій и Махаонъ (2,732). Что касается Кастора и Полидевка, то Иліада замѣчаетъ только, что они уже умерли (3,237). Какъ и въ Одиссеѣ они не служатъ (11,299) представителями династіи царей, правившей до Пелопидовъ, династіи, начавшейся Менелаемъ.

существовало бы вѣроятно указаніе на связь Пилоса и Аѳинъ. 2) Имя «іоніецъ» встрѣчается одинъ разъ въ Иліадѣ, и «доріецъ» — одинъ разъ въ Одиссеѣ; имя «эоліецъ» неизвѣстно Гомеру. Эти имена племенъ упоминались бы значительно чаще, если бы поэмы возникли въ Малой Азіи. 3) Греческія колоніи въ Малой Азіи неизвѣстны въ поэмахъ Гомера. Даже слѣдствія троянской войны касаются только европейской Греціи. Ни одинъ греческій герой не возвращается въ Эолію или въ Іонію. Съ другой стороны, въ одной изъ киклическихъ поэмъ (Νόστοι) Калхасъ возвращается въ Колофонъ.

Послѣдствіе ранняго установленія формы Иліады. 67. Все вышеприведенное доказываетъ, что приключенія, лица и имена троянскаго преданія установились еще до іонійскаго переселенія, такъ что поэты не имѣли болѣе смѣлости перемѣнять все это существеннымъ образомъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, что поэтъ, жившій въ Малой Азіи, захотѣлъ бы создать гомеровскій почетъ своему городу или его основателямъ, онъ не могъ бы этого сдѣлать, потому что каждый зналъ, что настоящему Гомеру не были извѣстны ни городъ, ни лица.

Вопросъ состоитъ въ томъ, могла ли бы такая степень упроченія всегда сохраниться, если бы ахейскія сказанія были перенесены въ Малую Азію не въ формѣ зрѣлаго эпоса, но въ видѣ сравнительно грубыхъ эолійскихъ пѣсенъ, которыми пользовались потомъ поэты какъ матеріаломъ?

Врядъ ли это возможно, такъ какъ иначе трудно будетъ объяснить упорное сопротивленіе гомеровскаго сказанія противъ вторженія патріотическихъ анахронизмовъ, если мы не предположимъ, что форма его уже установилась прежде перенесенія въ Іонію, и Джеддсъ

показалъ очень подробно, какъ сильны признаки ѳессалійскаго происхожденія въ нѣкоторыхъ частяхъ Иліады. Область, въ которой онъ всего болѣе ихъ находитъ, совпадаетъ съ границами Гротовой Ахиллеиды, т. е. книги 1, 8 и 11 до 22; но вѣроятно окажется, что эти слѣды еще яснѣе выступаютъ въ болѣе ограниченной области, въ нашей «первичной Иліадѣ», въ книгахъ 1, 11 и 16 до 22.

Первичная Иліада можетъ быть была сочинена въ Ѳессаліи. 68. Такому положенію вопроса удовлетворяетъ слѣдующая гипотеза, пользующаяся во всякомъ случаѣ значительною вѣроятностью. Поэтъ, жившій въ сѣверной Греціи, сочинилъ существенную часть первичной Иліады, книги 1, 11 и тѣ части книгъ, которыя важны для плана эпоса. Это было сдѣлано вѣроятно въ одиннадцатомъ столѣтіи до Р. Х. Затѣмъ эпосъ перенесенъ былъ переселенцами въ Малую Азію въ твердо установленной уже формѣ, на основаніи которой можно было контролировать позднѣйшія вставки. Такимъ образомъ объясняются умолчанія Иліады въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ.

Діалектъ іонизированъ впослѣдствіи. Невозможно опредѣлить съ достаточною точностью свойства діалекта, которымъ пользовался іонійскій поэтъ около 1100—1000 лѣтъ до Р. Х.; но несомнѣнно, что діалектъ этотъ имѣлъ значительное число формъ, общихъ съ эолійскимъ нарѣчіемъ исторической эпохи, такъ какъ этотъ послѣдній представляется наиболѣе консервативнымъ изъ діалектовъ съ точки зрѣнія самыхъ древнихъ формъ языка. Первоначальный, или ахейскій, діалектъ въ Іоніи постепенно измѣнялся подъ вліяніемъ іонійскихъ поэтовъ, расширявшихъ эпосъ, и рапсодовъ, рецитировавшихъ его. Такимъ образомъ постепенно выработался «смѣшанный діалектъ»—іонійскій, съ эоли-

ческимъ оттѣнкомъ, каковымъ онъ представляется теперь. Это навело Fick'а на его теорію перевода съ эолійскаго на іонійскій.

Древнее воззрѣніе на азіятскаго Гомера. 69. Впрочемъ такое измѣненіе діалекта не объясняетъ достаточно мнѣнія, распространеннаго въ Греціи, на основаніи котораго относили происхожденіе Гомера къ западнымъ берегамъ малой Азіи. Этотъ фактъ мы должны имѣть въ виду, и защитники европейскаго происхожденія Гомера слишкомъ мало обращали на него вниманія. Общее мнѣніе древней Греціи имѣетъ значеніе, которое остается неизмѣннымъ отъ опроверженія мѣстныхъ сказаній, связывавшихъ Гомера съ какими-либо отдѣльными городами. Общественное мнѣніе не образовалось изъ совокупности сказаній. Напротивъ, отдѣльные города побуждались представлять свои обыкновенно слабыя доказательства только потому, что никто не зналъ настоящаго мѣсторожденія Гомера, бо̀льшая же часть народа была согласна съ тѣмъ, что онъ происходилъ изъ Малой Азіи. Далѣе мы знаемъ, что около 800 г. до Р. Х. Іонія была особенно обильна эпической поэзіей. Она сдѣлалась также родиной и той поэзіи, которая явилась послѣ эпоса въ послѣдовательномъ ряду развитія—поэзіи элегической и ямбической.

Европейское происхожденіе Иліады можетъ быть согласовано съ азіятскимъ. 70. Азіятское происхожденіе Гомера, кажется, тѣмъ не менѣе вполнѣ совмѣстимо съ европейскимъ происхожденіемъ Иліады. Древнѣйшія вставки находятся, какъ мы видѣли, въ древнихъ частяхъ книгъ 2—7. Въ этихъ книгахъ мы можемъ прослѣдить личное знакомство поэта съ Малой Азіей. Здѣсь мы встрѣчаемъ Сарпедона и Главка, вождей южныхъ ликійцевъ (ср. § 22), выдающееся положеніе которыхъ зависитъ, вѣроятно, отъ желанія поэта прославить какой-либо

изъ іонійскихъ родовъ. Книга 12 тоже указываетъ на личное знакомство поэта съ Малой Азіей; въ ней опять встрѣчаемъ Сарпедона и Главка; она тѣсно связана съ 13, 14 и 15 книгами. Древнія части книгъ отъ 2 до 7 и отъ 12 до 15 были вставлены въ Іоніи, но въ очень отдаленное время. Книги 8, 9, 23 (до стиха 256), и 24—въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отчасти встрѣчаются іонійскія черты — сочинены были тоже іонійцами и не позднѣе 850—800 г. до Р. Х.

Итакъ, первичная Иліада была ѳессалійскою, расширенная же Иліада извѣстна съ глубокой древности за іонійскую.

Авторы древнѣйшихъ расширеній. 71. Въ книгахъ 2 до 7 (исключая Каталога) работали по меньшей мѣрѣ два поэта. Въ 3-й книгѣ предложено рѣшить войну поединкомъ двухъ героевъ, который и происходитъ, но остается нерѣшеннымъ; книга 7-я повторяетъ этотъ же эпизодъ только съ другими лицами. Оба эпизода не могли быть вставлены одной и той же рукой и вѣроятно оригиналомъ былъ эпизодъ, приведенный въ 7-й книгѣ. Могъ ли древній поэтъ этихъ книгъ быть поэтомъ первичной Иліады, дѣйствуя подъ вліяніемъ новаго отечества въ Іоніи? Это возможно, и возможность должна быть объяснена съ древней точки зрѣнія: древній эпическій поэтъ сочинялъ для рецитаціи; поэтому только небольшія части его труда могли быть выслушаны за одинъ разъ; но ему предоставлялась свобода прибавлять новые эпизоды до тѣхъ поръ, пока они не вредили его общему плану. Возможно, хотя и мало вѣроятно, чтобы Иліада была дѣйствительно произведеніемъ сѣверной Греціи; невѣроятно, чтобы переселенецъ изъ сѣверной Греціи почувствовалъ такія симпатіи къ іонійской жизни и преданіямъ, какія можно прослѣдить въ указанныхъ книгахъ.

Что касается книгъ 12 — 15, то многія черты въ ихъ расположеніи, точно также какъ стиль и направленіе, поддерживаютъ, кажется, взглядъ, что ихъ авторъ или авторы хотя и были очень талантливы, но не принимали участія въ сочиненіи первичной Иліады. Участвовали ли они въ составленіи 2—7 книги, на это ничто не указываетъ. Судя по стилю и тону, можно сказать, вѣроятно, нѣтъ. Мы видѣли, что книги 8 и 9 могли принадлежать одному автору, который, можетъ быть, сочинилъ также древнія части 24 и можетъ быть 23-й книги.

Выдающееся значеніе перваго поэта. 72. Впрочемъ, если мы допустимъ, что первичная Иліада сочинена однимъ поэтомъ, то попытка опредѣлить степень участія другихъ поэтовъ въ расширеніи ея представляетъ уже второстепенный интересъ и можетъ привести, въ лучшемъ случаѣ, къ неопредѣленному выводу. Какъ ни велики были таланты поэтовъ, расширившихъ поэму, но имя Гомера принадлежитъ сочинителю первичной Иліады. Намъ кажется напраснымъ изслѣдованіе, въ какомъ отношеніи этотъ первый поэтъ находился къ другимъ, расширявшимъ его трудъ. Мы не находимъ положительныхъ доказательствъ существованія класса или цеха «гомеридовъ», которыхъ многіе критики (въ числѣ ихъ и Христъ) принимали за поэтовъ, особенно близкихъ къ Гомеру и въ нѣкоторомъ отношеніи за наслѣдниковъ его искусства, въ противоположность позднѣйшимъ поэтамъ или рапсодамъ, которые также участвовали въ составленіи Иліады. Что касается первоначальныхъ рапсодій или былинъ, изъ которыхъ состояла поэма, то всякая попытка опредѣлить ихъ точныя границы, намъ кажется, приведетъ къ заблужденію. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ такое опредѣленіе можетъ быть точно, или почти точно; но полное

разложеніе Иліады на пѣсни всегда будетъ основываться только на догадкахъ.

Происхожденіе Одиссеи. 73. Выше приведенное доказательство, выведенное изъ умолчанія Гомера объ азіятскихъ колоніяхъ и племенныхъ именахъ, примѣнимо къ Одиссеѣ не менѣе, чѣмъ къ Иліадѣ. Уже прежде образованія азіятскихъ колоній, форма сказанія вѣроятно была такъ упрочена, что исключала всякую возможность указанія на нихъ.

Очень вѣроятно, что оригиналъ «Возвращеніе Одиссея» былъ поэмою небольшого объема, сочиненной прежде переселенія іонянъ, въ Собственной Греціи, хотя безъ точнаго знакомства съ Итакой и съ западными берегами (гл. II. § 4). Перенесенная колонистами въ Іонію, она была значительно расширена.

Іонійское развитіе поэмы. 74. Главная разница между Иліадой и Одиссеей та, что послѣдняя въ ея настоящемъ видѣ содержитъ гораздо болѣе іонійскаго духа. Одной изъ причинъ этого могло быть, что оригиналъ «Возвращеніе Одиссея», рожденный въ Собственной Греціи, имѣлъ меньшее отношеніе къ позднѣйшей іонійской формѣ поэмы, чѣмъ первичная ѳессалійская Иліада къ іонійскимъ расширеніямъ. Это можно вывести изъ относительныхъ свойствъ обѣихъ поэмъ, если только объемъ первичной Иліады былъ нами вѣрно опредѣленъ (§ 57).

Подлинникъ «Возвращеніе Одиссея» достаточно свидѣтельствовалъ о стойкости плана, чтобы исключить намеки на іонійскія колоніи и тому подобное. Но въ то же время онъ оставлялъ болѣе простора для расширенія, подъ спеціально іонійскимъ вліяніемъ, чѣмъ первичная Иліада. Содержаніе Одиссеи было существенно родственнымъ іонянамъ, съ ихъ любовью къ морскимъ приключеніямъ и съ ихъ симпатіями къ

качествамъ, олицетвореннымъ въ героѣ. Поэма свидѣтельствуетъ о хорошемъ знакомствѣ съ Делосомъ — священный островъ, куда ежегодно отправлялись іоняне на праздникъ Аполлона—и съ азіятскимъ берегомъ напротивъ Хіоса. Еще важнѣе іонійскій отпечатокъ на Одиссеѣ въ цѣломъ—въ оттѣнкахъ чувства и мысли, въ намекахъ на дальнія путешествія и въ нѣжной прелести домашней жизни.

Авторство. 75. Хотя немногіе изъ внимательныхъ читателей усумнятся, что Одиссея въ настоящемъ своемъ видѣ была составлена однимъ поэтомъ, однако нѣкоторыя части ея болѣе или менѣе указываютъ, что онѣ прибавлены позднѣе къ первоначальной формѣ поэмы: въ особенности «Телемахія» (книги 1—4), послѣдняя часть 23-й книги (отъ 2 до 7 стиха) и книга 24. Мы согласны съ Кирхоффомъ, что подлинникъ «Возвращеніе» существовалъ уже въ расширенной іонійской формѣ прежде настоящей или окончательно расширенной, которая дана была другимъ позднѣйшимъ іонійскимъ поэтомъ. Но мы сомнѣваемся, что можно бы было опредѣлить въ настоящее время границы «Возвращенія» и перваго расширенія его..

Отношенія къ Иліадѣ. 76. Если мы отнесемся съ довѣріемъ къ внутреннему свидѣтельству, т. е. языку и слогу, то должны допустить, что поэтъ первичной Иліады не принималъ участія въ сочиненіи Одиссеи. Разница въ стилѣ, въ стихосложеніи и въ духѣ не такова, чтобъ можно было ее примирить разницею содержанія. Чѣмъ больше изслѣдуемъ ее, тѣмъ убѣдительнѣе она указываетъ на работу разныхъ авторовъ. Несмотря на это, возможно, что іонійскій поэтъ (или поэты), расширявшій Одиссею, участвовалъ и въ расширеніи Иліады. Хотя несомнѣнно необыкновенное сходство языка и пріемовъ въ Одиссеѣ и позднѣйшихъ

частяхъ Иліады (въ особенности въ книгахъ 9 и 24), но мы все-таки остаемся безъ точнаго свидѣтельства, на которомъ можно бы было основать предположеніе о тождествѣ творца Иліады съ творцомъ Одиссеи.

Древность Одиссеи. Что касается древности Одиссеи, то мы можемъ предположить, что подлинникъ «Возвращеніе» былъ сочиненъ въ Собственной Греціи уже въ одиннадцатомъ столѣтія до Р. Х. и что первое расширеніе было сдѣлано ранѣе 850 года до Р. Х. Киклическая «Малая Иліада» (около 700 г. до Р. Х.) свидѣтельствуетъ о вліяніи Одиссеи; но единственная киклическая поэма, которая дополняетъ Одиссею въ ее настоящемъ объемѣ, есть Телегонія, сочиненная только въ первой половинѣ 6-го столѣтія до Р. Х. И такъ нельзя доказать, что Кирхоффъ принялъ слишкомъ позднее (около 660 г. до Р. Х.) время второго расширенія поэмы.

Заключеніе. 77. На предыдущихъ страницахъ была сдѣлана попытка представить связное сужденіе о возможности рѣшенія гомеровскаго вопроса въ томъ видѣ, какъ онъ намъ теперь представляется. Наше мнѣніе не тождественно ни съ однимъ изъ вышеприведенныхъ, но въ немъ соединены элементы, которые многимъ казались существенно важными. Мы старались различать вездѣ то, что не подлежитъ сомнѣнію, отъ того, что есть только конъектура, основанная на большей или меньшей вѣроятности. Границы, въ которыхъ возможно рѣшеніе гомеровскаго вопроса, были ясно опредѣлены трудами цѣлаго ряда ученыхъ, и что касается этихъ общихъ границъ, то съ ними въ настоящее время почти всѣ согласны. По частности вопроса, который самъ по себѣ представляетъ индивидуальному литературному вкусу такое широкое поле, должны всегда представляться различно различ-

нымъ лицамъ. Здѣсь мало надежды на общее соглашеніе касательно лучшаго способа связать общепринятые факты или вѣроятности. Гдѣ нѣтъ возможности достигнуть истины, осторожность предписываетъ держаться отрицательнаго направленія; но ясная гипотеза, хорошо обставленная, представляетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что даетъ основу для обсужденія; читатель побуждается соображать, насколько онъ согласенъ или не согласенъ съ нею и такимъ образомъ размышлять самостоятельно.

Возможно, что дальнѣйшія изслѣдованія Гомера бросятъ новый свѣтъ на вещи, которыя остаются теперь еще темными. Самая большая надежда на такой успѣхъ зависитъ отъ постояннаго изученія гомеровскаго текста, на сколько это касается содержанія, языка и слога.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Примѣчаніе I, стр. 69.

Домъ въ Тиринѳѣ.

Древняя тиринѳская крѣпость находилась въ ю.-в. углу аргосской равнины, въ разстояніи $^3/_4$ мили (почти одной версты) отъ морского берега. Она была построена на скалѣ, составляющей плоскогорье около 328 ярдовъ (984 фута) въ длину и 109 ярдовъ (327 футовъ) въ ширину. Высшая часть цитадели находилась на южной сторонѣ, низшая—на сѣверной. Обѣ части раздѣлены вырѣзкой въ скалѣ, куда вела лѣстница съ верхней цитадели; это мѣсто называлось среднею цитаделью.

Раскопки, произведенныя Schliemann'омъ, ограничились верхней и средней частью крѣпости. Такимъ образомъ изслѣдованіе мѣстности не окончено, и нижняя цитадель ждетъ еще своего изслѣдователя. По мнѣнію компетентныхъ лицъ, раскопка нижней цитадели доказала бы существованіе комнатъ на бо̀льшей глубинѣ, чѣмъ какая до сихъ поръ достигнута. Мы раздѣляемъ надежду, высказанную корреспондентомъ *Times* (24 апрѣля 1886 г.), что эта задача будетъ когда-нибудь выполнена. Въ этой нижней части цитадели, замѣчаетъ онъ, найдется ключъ къ уразумѣнію древнѣйшей исторіи мѣстности.

У Гомера, Тиринѳъ упоминается одинъ только разъ въ Каталогѣ греческихъ силъ, составленномъ, какъ мы видѣли, беотійскимъ поэтомъ. Онъ, перечисляя города, ополченія которыхъ были подъ начальствомъ Діомеда и Сѳенела, говоритъ (Ил. 2, 559):

οἳ δ' Ἄργος τ' εἶχον Τίρυνθά τε τειχιόεσσαν.

Вся тиринѳская крѣпость и теперь еще окружена тѣми массивными стѣнами, на которыя указываетъ гомеровскій эпитетъ. Онѣ сложены изъ громадныхъ кусковъ известняка неправильной формы, щели между ними наполнены мелкими камнями. До сихъ поръ полагали, что, въ подобныхъ „циклопическихъ“ стѣнахъ, камни не были обработаны и не связывались известкой, а удерживались въ своемъ положеніи благодаря только своей тяжести. И то и другое оказалось невѣрнымъ при настоящемъ изслѣдованіи тиринѳскихъ стѣнъ. Теперь ясно, что всѣ эти камни,

прежде употребленія въ дѣло, обработывались съ одной или нѣсколькихъ сторонъ долотомъ и молотомъ каменотесовъ, и, какъ предполагаетъ F. Adler, для связи ихъ употреблялся цементъ.

На южномъ концѣ плоскогорья, въ верхней цитадели, сохранились остатки византійской церкви и нѣсколькихъ византійскихъ гробницъ. При первомъ посѣщеніи Тиринѳа, Schliemann склоненъ былъ принять, что и раскопанныя имъ развалины также византійскаго происхожденія. Онѣ состоятъ изъ стѣнъ, которыя въ настоящемъ своемъ видѣ нигдѣ не возвышаются болѣе одного ярда (около 3 футовъ) надъ поверхностью земли, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно разрушены. На основаніи этихъ остатковъ Dörpfeld, архитекторъ, работавшій со Schliemann'омъ, возстановилъ основной планъ первоначальнаго дома, какъ показано на прилагаемомъ рисункѣ. Dörpfeld полагаетъ, что это зданіе по-

Домъ въ Тиринѳѣ.

1) Главный входъ. проѣзжія ворота. 2) Главный дворъ. 3) Мужской передній дворъ. 4) Портики. 5) Преддверіе. 6) Мегаронъ. 7) Ходъ въ женскую половину. 8) Колоннада. 9) Женскій передній дворъ. 10) Наружный женскій дворъ. 11) Купальня. 12. 13, 14, 15) Корридоры. 16) Преддверіе женской половины. 17) Небольшая комната. 18) Таламосъ.

строено финикіянами около 1100 года до Р. Х., или нѣсколько ранѣе. J. C. Penrose сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній противъ столь ранней даты; они были публикованы въ *Times* 2-го іюля 1886 года и сводятся къ тремъ пунктамъ: 1) Совершенное несходство по-

стройки такъ называемаго дворца въ Тиринѳѣ съ дѣйствительно доисторическими постройками въ Микенахъ, каковы: сокровищница царя Атрея и львиныя ворота. 2) Слѣды пилы для пилки камня по всѣмъ раскопаннымъ древностямъ. 3) Присутствіе обожженнаго кирпича, который, по мнѣнію одного опытнаго каменщика, не могъ прійти въ такое состояніе только подъ вліяніемъ огня, разрушившаго зданіе, если бы онъ не былъ раньше обожженъ, каковымъ и долженъ быть по доисторической гипотезѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Penrose посѣтилъ эти развалины подъ руководствомъ самого Dörpfeld'а, онъ отрекся отъ своихъ возраженій (*Athenaeum*, ноябрь 12, 1887). Защитники доисторической даты имѣютъ полное право быть довольными такимъ отреченіемъ. Если вопросъ о древности развалинъ будетъ когда-либо рѣшенъ, то только лицами, спеціально знакомыми съ древнею постройкою стѣнъ. Но впечатлѣніе, произведенное этимъ споромъ въ большинствѣ публики таково, что остается еще много сомнительнаго даже для знатоковъ. Архитектурныя свидѣтельства не только скудны, но несчастнымъ образомъ еще запутаны вслѣдствіе присутствія „нѣкоторыхъ стѣнъ (мы приводимъ послѣднее мнѣніе Penrose) ясно позднѣйшей постройки, совершенно измѣняющихъ первоначальный планъ". Одно изъ новѣйшихъ сужденій Stillmann'а (*Times*, 9 января 1888 г.) склоняется въ пользу византійскаго происхожденія.

Едва ли необходимо упоминать, что авторъ настоящей замѣтки никогда не высказывалъ никакого мнѣнія объ этомъ архитектурномъ вопросѣ, равно какъ и о древности тиринѳскихъ развалинъ. Для него безразлично, были ли эти стѣны построены финикіянами за 1100 лѣтъ до Р. Х., или греками въ какое-либо другое время; его занимаетъ здѣсь только отношеніе тиринѳскихъ развалинъ къ свидѣтельству Гомера.

Schliemann и Dörpfeld увѣряютъ, что дома гомеровской эпохи, насколько знаемъ мы это изъ Гомера, имѣли одинаковый планъ съ тиринѳскимъ зданіемъ. Но единственный домъ, о внутреннемъ устройствѣ котораго мы имѣемъ достаточныя свидѣтельства въ текстѣ Гомера—это домъ Одиссея. За подтвержденіемъ однихъ и уясненіемъ другихъ свидѣтельствъ мы можемъ обратиться еще къ домамъ Менелая и Алкиноя; эти дома, кажется, были устроены по тому же самому плану. Но домъ Одиссея описанъ съ большей точностью въ частностяхъ, чѣмъ другіе, потому что онъ служилъ мѣстомъ дѣйствія развившейся домашней драмы, изображенной въ нѣсколькихъ пѣсняхъ Одиссеи. Намъ данъ такимъ образомъ критерій для повѣрки нашихъ представленій о планѣ дома. Вѣрный планъ дастъ такой домъ, который могъ бы удобно служить театромъ для помянутой драмы. Съ самаго начала должно составить себѣ точное понятіе о тиринѳскомъ и гомеровскомъ домахъ, такъ какъ въ книгѣ Schliemann'а „Tiryns" есть нѣкоторая неясность, равно какъ и въ сужденіяхъ ученыхъ, подтверждающихъ его теорію. Если гомеровскія указанія не подходятъ къ дому въ Тиринѳѣ, то изъ этого одного еще не слѣдуетъ, что этотъ домъ не принадлежалъ гомеровской или до-гомеровской эпохѣ. Никто насъ не увѣритъ, что всѣ дома строились тогда по одному и тому же плану. Но въ „Tiryns" (стр. 227), авторъ спеціально указывая на домъ

Одиссея, старается доказать, что планъ его совершенно соотвѣтствовалъ плану тиринскаго дома, и что драма, разыгравшаяся въ немъ, могла совершиться и въ Тиринѳѣ.

Но изъ свидѣтельства Одиссеи можно заключить, что поэтъ представлялъ себѣ совершенно другой домъ, чѣмъ какой былъ въ Тиринѳѣ. Разница лежитъ не въ мелкихъ подробностяхъ, а въ общемъ типѣ.

Хотя Dörpfeld всегда пользуется всѣми признаннымъ авторитетомъ, когда говоритъ о древней архитектурѣ; но попытка его опираться на текстъ Одиссеи, которой онъ посвящаетъ всего нѣсколько строкъ на стр. 227 въ „Tiryns", замѣчательно поверхностна, и владѣющій даже только элементарными понятіями объ обращеніи съ текстами врядъ ли бы это сдѣлалъ. Dörpfeld приводитъ только пять стиховъ изъ всего эпоса и изъ нихъ четыре (1, 229: 16, 415; 18, 209; 21, 64) не что иное какъ повтореніе:

στῆ ῥα παρὰ σταθμὸν τέγεος πύκα ποιητοῖο.

Этимъ стихомъ онъ не пытается даже доказать, что рѣчь идетъ о двери на нижнемъ концѣ залы. Второй стихъ, имъ указываемый (такъ какъ въ дѣйствительности онъ приводитъ только два) 21, 236, выражаетъ, что Евриклея передъ избіеніемъ жениховъ должна:

κλῃῖσαι μεγάροιο θύρας πυκινῶς ἀραρυίας.

Къ этому онъ дѣлаетъ примѣчаніе, что нѣтъ никакого доказательства, чтобы эти двери отворялись въ залу и что ихъ заперли не съ цѣлію воспрепятствовать бѣгству жениховъ, а просто, чтобы не безпокоить женщинъ внутри дома.

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ той же страницѣ (227) приводится другое мѣсто изъ Од. 6. 50 и слѣд., гдѣ говорится, что Навзикая нашла мать у очага, а потомъ встрѣтилась съ отцомъ (ξύμβλητο), когда тотъ уходилъ на собраніе. Изъ этого слѣдуетъ, что очагъ, у котораго Навзикая нашла мать, былъ на половинѣ женщинъ, и что выйдя оттуда она встрѣтила отца въ дверяхъ залы со двора. Объясненіе на это даетъ мѣсто въ Од. 7. 139 и слѣд. Мы находимъ Алкиноя и Арету сидящими въ залѣ мужчинъ у очага (ἐσχάρῃ) на верхнемъ концѣ ея, тамъ сидитъ Пенелопа въ 20, 387 и туда приходитъ Елена къ Менелаю. Навзикая, проснувшись, хочетъ разсказать свой сонъ родителямъ Она идетъ διὰ δώματα „черезъ домъ" изъ своей спальни на женской половинѣ въ залу мужчинъ, въ которую двери были открыты. Въ залѣ она встрѣчаетъ мать. Отца вѣроятно она нашла въ продомосѣ или въ „αὐλῇ" „когда онъ уходилъ". Не слѣдуетъ слишкомъ строго переводить ξύμβλητο, какъ будто лица встрѣчающіяся непремѣнно должны итти другъ другу на встрѣчу. Этотъ глаголъ можетъ значить „встрѣтиться съ кѣмъ" и „случайно находить кого".

Свидѣтельство Одиссеи въ этомъ вопросѣ не можетъ измѣряться тремя фразами, изолированными отъ остального текста и объясняемыми съ предвзятымъ мнѣніемъ и очень поверхностно. Должно съ этою цѣлію прослѣдить весь разсказъ, на сколько онъ

можетъ объяснить устройство дома. Авторъ этой книги публиковалъ такое изслѣдованіе въ *Journal of Hellenic Studies*, vol. VII, стр. 170 („Гомеровскій домъ по отношенію къ развалинамъ въ Тиринѳѣ“).

Сравненіе съ приложеннымъ планомъ покажетъ, что домъ въ Тиринѳѣ имѣлъ нѣкоторыя черты, общія съ гомеровскимъ домомъ. Гомеровское πρόθυρον, или въѣзжія ворота (1) во дворъ (2) представляютъ въ Тиринѳѣ пропилеи,—это особаго рода ворота, устроенныя изъ двухъ портиковъ, соединенныхъ между собою заднею своей стороною, каковыя до сихъ поръ встрѣчались въ Греціи только съ 5 вѣка до Р. Х. Въ Тиринѳѣ находится также дворъ (αὐλή), называемый „мужской передній дворъ“ (3) съ портиками (4) (αἴθουσαι). Прŏдомосъ въ Тиринѳѣ не расположенъ впрочемъ подъ αἴθουσαι или портикомъ, но представлялъ пространство (названное на планѣ преддверіе) (5). Далѣе слѣдуетъ большая зала, на планѣ мегаронъ (6). Вотъ и все сходство.

Разница же гораздо больше и существеннѣе. Въ тиринѳскомъ мегаронѣ нѣтъ другого выхода, кромѣ главныхъ дверей изъ преддверія. Половина женщинъ соединена съ другою залою поменьше, совершенно отдѣльной отъ большой, и имѣетъ свое преддверіе, свой дворъ и свой выходъ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что эта меньшая зала съ дворомъ дѣйствительно отведена была женщинамъ. Логичнѣе предположить, что все это было пристройкою къ главному строенію. Произвольность положеній, на которыхъ строились и мѣнялись теоріи, между прочимъ любопытно представлена на стр. 224 Tiryns'a. На Гиссарликѣ въ Троадѣ, какъ и въ Тиринѳѣ, найдены развалины двухъ строеній различной величины одно подлѣ другого. Представивъ взгляды другихъ, Schliemann заключаетъ въ „Troja“, что это были храмы. Но такъ какъ меньшій домъ въ Тиринѳѣ считается дворомъ женщинъ, то Dörpfeld предполагаетъ, что бóльшее строеніе на Гиссарликѣ было мѣстомъ жительства мужчинъ, а малое, возлѣ, служило жилищемъ женщинъ. Впрочемъ, онъ сомнѣвается, не было ли одно изъ двухъ меньшихъ зданій „меньшій домъ для мужчинъ“ (стр. 224); тогда почему же и въ Тиринѳѣ малый дворъ не могъ быть малымъ мужскимъ дворомъ?

Ходы изъ мужской половины въ женскую въ Тиринѳѣ были очень запутаны. Dörpfeld описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ (Tiryns, стр. 236). Въ сѣверо-западной части дворца находился маленькій дворъ съ колоннадою и прилежащими комнатами, который не имѣлъ прямого сообщенія съ главнымъ дворомъ;—это дворъ женской половины. Нужно пройти много дверей и корридоровъ, чтобы проникнуть въ это внутреннее отдѣленіе дворца. Кажется, сюда было всего три доступа. Во-первыхъ, съ задней стороны пропилей, чрезъ длинный ходъ (7), къ колоннадѣ (8), и отсюда черезъ наружный дворъ (10) къ восточной колоннадѣ женскаго передняго двора (9). Во-вторыхъ, изъ большого двора черезъ купальную комнату (11) и корридоры (12, 13, 14 и 15) къ преддверію женской половины (16). Третій доступъ былъ, кажется, изъ восточной колоннады большого двора черезъ комнату (17) къ колоннадѣ (8) и потомъ по первой дорогѣ на женскій дворъ. Всѣ

эти доступы во многихъ мѣстахъ имѣли двери, и женская половина такимъ образомъ была независима отъ большой залы мужского двора.

Въ домѣ Одиссея, напротивъ, отдѣленіе женщинъ находилось непосредственно за мужской залой и было соединено съ ней дверью. Это доказывается множествомъ мѣстъ, къ которымъ принадлежатъ и слѣдующія:

1. Въ 17-й пѣснѣ Одиссей приходитъ въ свой домъ въ видѣ стараго нищаго. Телемахъ, единственный, знающій тайну, находится въ залѣ съ женихами. Одиссей со скромностью, приличной его роли, садится „на ясеневомъ порогѣ въ дверяхъ“, 17, 339:

ἷζε δ' ἐπὶ μελίνου οὐδοῦ ἔντοσθε θυράων,

т. е. на нижнемъ концѣ залы, на порогѣ дверей изъ про̀домоса. Женихи съ своей свитой пировали, въ числѣ приблизительно стадвадцати человѣкъ, за столиками, которые стояли въ два ряда отъ одного конца залы до другого, оставивъ по срединѣ свободное мѣсто, гдѣ потомъ были поставлены двѣнадцать топоровъ. Телемахъ послалъ Одиссею пищу и извѣстилъ его, чтобы онъ вошелъ въ залу и просилъ милостыню у жениховъ, переходя отъ одного стола къ другому. Одиссей исполнилъ желаніе Телемаха, но во время сбора милостыни потерпѣлъ побои отъ одного изъ жениховъ, Антиноя. Затѣмъ Одиссей возвратился на свое мѣсто на порогѣ. Между тѣмъ Пенелопа, сидя со своими служанками на женской половинѣ (17, 505), узнаетъ, безъ сомнѣнія отъ одной изъ нихъ, о побояхъ, которые нанесъ Антиной скромному пришельцу: она вызываетъ изъ залы Евмея и приказываетъ ему привести къ ней чужестранца. Евмей сообщаетъ объ этомъ Одиссею, который все еще сидѣлъ на ясеневомъ порогѣ. Одиссей отвѣчаетъ, что онъ охотно бы пошелъ къ Пенелопѣ,

„Но жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба;
Видѣлъ ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно и мысли
Злой неимѣвшаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой. —
Кто-жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный
Сынъ Одиссеевъ“.

Слѣдовательно, онъ отказывается итти къ Пенелопѣ потому только, что на ея половину онъ можетъ попасть не иначе, какъ пройдя черезъ залу, мимо жениховъ, изъ которыхъ одинъ уже его обидѣлъ.

2. Мнимый нищій располагается въ продомосѣ, въ преддверіи мегарона. Пока онъ тамъ лежалъ бодрствуя, то замѣтилъ, что нѣсколько служанокъ вышли изъ залы мужчинъ (20, 6):

κεῖτ' ἐγρηγορόων, ταὶ δ' ἐκ μεγάροιο γυναῖκες
ἤισαν.

Онѣ, проводивъ Пенелопу на свиданіе съ чужеземцемъ въ залъ, вернулись на женскую половину (19, 60). Итакъ, опять видно, что прямой путь изъ женской половины лежалъ черезъ залу мужчинъ.

3. На другой день, когда женихи шумятъ въ залѣ и насмѣхаются надъ Телемахомъ, Пенелопа сидитъ, какъ и прежде, на женской половинѣ. Она не въ своей комнатѣ въ верхнемъ этажѣ, куда поднялась позже (21, 5), а въ нижнемъ этажѣ на уровнѣ съ залой. Она поставила свое кресло возлѣ залы (κατ᾽ ἄντηστιν, 20, 387), т. е. у самой стѣны, отдѣлявшей залу отъ женской половины, и такимъ образомъ могла слышать каждое слово, произносимое въ мужской половинѣ (20, 389). Точно также въ 17,541, находясь на женской половинѣ, она слышитъ, какъ Телемахъ чихаетъ; это было бы немыслимо въ домѣ, устроенномъ по образцу тиринфскаго.

4. Готовясь къ избіенію жениховъ, Одиссей съ сыномъ рѣшаются убрать изъ залы оружіе и перенести его во внутреннюю часть дворца,—εἴσω (19, 4), ἐσφόρεον (19, 32) ἔνδον (22, 140) и передъ этимъ Телемахъ вызвавъ Евриклею (19, 15) и сказалъ ей: „смотри, чтобъ служанки сюда не входили прежде, покуда наверхъ не отнесъ я отцовыхъ оружій“. Она заперла двери комнатъ (19, 30), и тогда оружіе было перенесено. Откуда была призвана Евриклея въ залу? Конечно, изъ женской половины, лежавшей непосредственно позади залы, 21, 378. Двери, которыя она заперла, вели изъ женской половины въ залу. Оружіе было взято изъ залы и перенесено въ оружейную черезъ корридоръ (о немъ сейчасъ будетъ рѣчь), который шелъ по длинѣ стѣны снаружи.

5. Порогъ, на которомъ сидѣлъ Одиссей, названъ сначала ясеневымъ (μέλινος) и былъ на нижнемъ концѣ залы (17, 339). На другой день Телемахъ приглашаетъ его сѣсть на „каменномъ“ порогѣ (παρὰ λάϊνον οὐδόν, 20, 258), который былъ, повидимому, въ верхнемъ концѣ залы. Это тотъ самый порогъ, черезъ который переступаетъ Пенелопа, идя изъ женской половины въ залу (23, 88). Одиссей сидитъ еще на каменномъ порогѣ, когда Евмей приходитъ къ нему и вызываетъ Евриклею изъ женской половины,—еще доказательство, что двери, ведущія въ это отдѣленіе дома, находились на верхнемъ концѣ залы.

Полагали, что мы можемъ избѣгнуть затрудненій, предположивъ, что въ Тиринфѣ женскія комнаты сообщались съ мужскими не только посредствомъ запутанныхъ переходовъ, но и посредствомъ двери въ боковой стѣнѣ залы, справа отъ входящаго, приподнятой на нѣсколько футовъ надъ поломъ и потому для насъ совершенно исчезнувшей; такъ какъ развалины стѣны имѣютъ только одинъ ярдъ (3 фута) средней высоты. Такая боковая дверь упоминается въ Од. 22, 126: ὀρσοθύρη δέ τις ἔσκεν ἐϋδμήτῳ ἐνὶ τοίχῳ: эта ὀρσοθύρη, или приподнятая дверь, вела въ корридоръ (λαύρη), по наружной сторонѣ залы. (См. планъ стр. 66).

Если представимъ себѣ, что подобная ὀρσοθύρη нѣкогда существовала въ тиринфскомъ мегаронѣ, то она безъ сомнѣнія была бы обыкновеннымъ путемъ сообщенія женской залы съ мужской. Къ ней мы должны бы были отнести часто повторяемый стихъ о Пенелопѣ: στῆ ῥα παρὰ σταθμὸν τέγεος πύκα ποιητοῖο (1, 333 и слѣд.). Но именно изъ этого выраженія явствуетъ, что Пенелопа стала у одного изъ главныхъ входовъ въ залу, и оно непримѣнимо къ приподнятой двери въ боковой стѣнѣ. Кромѣ того, предположеніе ὀρσοθύρη въ Тиринфѣ оставляетъ необъясненнымъ цѣлый рядъ во-

просовъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ; первые три касаются мѣстъ поэмы, упомянутыхъ выше.

1. Одиссей, находясь на нижнемъ концѣ залы, отказывается итти на женскую половину, потому что ему бы пришлось пройти мимо жениховъ въ залѣ; въ Тиринѳѣ ему бы стоило только повернуть спину и оставить залу.

2. Женщины, выходящія изъ своей половины, проходятъ черезъ мужскую залу и идутъ мимо Одиссея, спящаго въ продомосѣ. Въ Тиринѳѣ онѣ бы прошли черезъ собственный дворъ; имъ не требовалось бы проходить черезъ мужскую залу.

3. Евмей, находясь на верхнемъ концѣ залы (а не на боковой сторонѣ), вызываетъ Евриклею изъ женской половины и поручаетъ ей запереть комнаты женщинъ. Въ Тиринѳѣ это невыполнимо.

4. Послѣ избіенія жениховъ, Телемахъ, находясь въ мегаронѣ, вызываетъ Евриклею, стуча въ запертую дверь (22, 394); ὀρσοθύρη была въ это время открыта (22, 333), точно также какъ и двери на нижнемъ концѣ залы (22, 399). Двери, ведущія въ женскую половину, у которыхъ стучался Телемахъ, были такимъ образомъ отличны отъ ὀρσοθύρη и отъ дверей на нижнемъ концѣ залы. Это были двери на верхнемъ концѣ залы; въ тиринѳскомъ же домѣ таковыхъ дверей не было.

5. Въ тиринѳскомъ домѣ оружейная (θάλαμος ὅπλων) была, вѣроятно, въ одной изъ маленькихъ комнатъ подлѣ женской залы, въ отдаленіи отъ мужского мегарона. Предположеніе, что достигали оружейной, проходя множество перепутанныхъ корридоровъ, не можетъ быть согласовано съ легкостію, съ какой происходитъ сообщеніе во время μνηστηροφονία въ книгѣ 22 Одиссеи, см. въ особенности стихи 106—112.

Предлагаемое проф. J. H. Middleton'омъ возстановленіе большой залы во дворцѣ въ Тиринѳѣ публиковано въ Journ Hellen. Studies, VII. 161. На нѣкоторыя частности его слѣдуетъ обратить вниманіе. 1. Въ Одиссеѣ 22, 142, когда женихи, запертые въ залѣ, падаютъ подъ стрѣлами Одиссея, стоящаго на порогѣ въ нижней части ея, пастуху Меланѳію, союзнику жениховъ, удалось бѣжать и принести имъ оружіе изъ оружейной. Путь, по которому Меланѳій оставилъ залу, описывается такъ: „онъ ушелъ черезъ ῥῶγες залы“:

ὣς εἰπὼν ἀνέβαινε Μελάνθιος, αἰπόλος αἰγῶν,
ἐς θαλάμους Ὀδυσῆος ἀνὰ ῥῶγας μεγάροιο

Что это были за ῥῶγες—неизвѣстно въ точности: намъ кажется вѣроятнымъ, что это—узкіе корридоры, въ которые вела ὀρσοθύρη, черезъ нихъ можно было проникнуть въ заднюю часть дома, гдѣ находилась оружейная. Этого мнѣнія держался Евстаѳій, въ новѣйшее время его защищаетъ J. Protodikos въ своей диссертаціи (De Aedibus Homericis, Лейпцигъ 1877 г.). Новогреческое ῥοῦγα „узкій ходъ“—не что иное, какъ гомеровское ῥώξ, ῥωγός,—въ которомъ ω перешло въ ου, подобно какъ въ новѣйшемъ σκουλίκι отъ σκώληξ и пр., и древнее существительное третьяго склоненія сдѣлалось корнемъ для новаго слова перваго склоненія, какъ въ

словѣ νύχτα отъ νύξ и т. д. Другая этимологія слова ῥοῦγα отъ латинскаго ruga = тропинка, откуда произошло и французское rue (см. Brachet), предполагаетъ слово недостаточно древнимъ, а способъ, съ которымъ употребляется слово ῥῶγες (Од. 22, 143) свидѣтельствуетъ объ общемъ распространеніи его. Проф. Constantinides сообщилъ автору этой книги интересный примѣръ новогреческаго употребленія этого слова; онъ взятъ изъ одной народной пѣсни изъ окрестностей Кизика. Чудовище преслѣдуетъ принцессу:

στοὺς δρόμους τὴν κυνήγαγε,
μὲς τὴν αὐλὴ τὴν διώχνει.
καὶ μὲς ταῖς ῥούγαις ταῖς στεναῖς
τοῦ παλατιοῦ τὴν φθάνει:

„Оно преслѣдуетъ ее въ улицахъ и во дворѣ, и въ узкомъ корридорѣ дворца, гдѣ и догоняетъ ее".

Проф. Middleton держится другого мнѣнія. Dörpfeld предположилъ, что надъ четырьмя столбами, поддерживающими крышу въ тиринскомъ мегаронѣ, былъ фонарь для свѣта, служившій также для выпусканія дыма отъ очага. (Покойный James Fergusson, предположившій то же самое для Пареенона, считалъ это невѣроятнымъ для Тиринеа; онъ полагалъ, что зала здѣсь получала свѣтъ изъ вертикальныхъ отверстій въ верхнихъ частяхъ боковыхъ стѣнъ (Tiryns, стр. 218, прим.). Проф. Middleton полагаетъ, что ῥῶγες были окна въ этомъ фонарѣ. Онъ думаетъ, что Меланѳій взобрался на одинъ изъ столбовъ залы, вылѣзъ черезъ одно изъ упомянутыхъ оконъ на крышу и затѣмъ по лѣстницѣ спустился въ оружейную. Но нѣкоторыя мѣста въ гомеровскомъ разсказѣ говорятъ противъ этой теоріи. Первый уходъ Меланоія, который дважды ходилъ въ оружейную, не замѣченъ ни Одиссеемъ, ни однимъ изъ трехъ его союзниковъ. Это было бы невозможно, если бы Меланоій на глазахъ своихъ враговъ взобрался на столбъ, а оттуда—на крышу. Далѣе, Меланоій возвратился съ 12 щитами, шлемами и копьями (22, 144). Его возвращеніе совершается такъ же незамѣтно, какъ и уходъ. Но спуститься нагруженнымъ помянутой ношей со столба на глазахъ враговъ и быть притомъ ими незамѣченнымъ—дѣло еще болѣе трудное и невѣроятное. Если ῥῶγες были окнами въ фонарѣ, то нужно указать другую дорогу, чтобы Меланоій могъ до нихъ добраться. 2. Проф. Middleton думаетъ, что „каменный порогъ" находился на нижнемъ концѣ залы (онъ принимаетъ, что зала не имѣла дверей на верхнемъ концѣ). Ясеневый порогъ былъ по его мнѣнію въ продомосѣ. Но онъ также предполагаетъ, что ὀρσοθύρη была прямымъ путемъ сообщенія женской половины съ мужскимъ мегарономъ (стр. 167). Между тѣмъ Пенелопа, проходя съ женской половины въ мужскую залу, переступаетъ каменный порогъ (Од. 23, 88).

Свидѣтельство Гомера показываетъ, что гомеровскій домъ былъ прототипомъ греческаго дома исторической эпохи. Домъ, подобный тиринскому, отличается отъ него существеннымъ образомъ по своему плану. Помѣщая женщинъ въ части дома, составлявшей въ дѣйствительности отдѣльное помѣщеніе съ особеннымъ

выходомъ, тиринскій домъ не соотвѣтствовалъ понятіямъ о затворничествѣ женщинъ въ древней Греціи. Объемъ, который мы дали разсужденію объ этомъ предметѣ, оправдывается его важностію въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, объясненіе Одиссеи обращается въ хаосъ, если мы допустимъ, чтобъ эти развалившіяся стѣны Тиринса, неизвѣстнаго времени и происхожденія, опровергали самыя ясныя свидѣтельства гомеровскаго текста. Во-вторыхъ, этотъ случай типиченъ для направленія, котораго слѣдуетъ избѣгать одинаково въ интересахъ археологіи и науки вообще. Никто не подвергаетъ сомнѣнію внутренній интересъ и значеніе тиринскихъ развалинъ, какому бы времени онѣ ни принадлежали. Классическая филологія въ наши дни менѣе всего отвергаетъ помощь классической археологіи. Но когда, подобно какъ въ Тиринсѣ, стараются согласовать вещественные памятники съ текстомъ, тогда трудности, представляемыя послѣднимъ, должны быть или разрѣшены, или просто признаны [1]).

Примѣчаніе 2, стр. 157.

Отличія греческаго языка у Гомера отъ позднѣйшей классической рѣчи.

Нижеприводимый очеркъ укажетъ на главнѣйшія отличія языка Гомера отъ позднѣйшей классической рѣчи. Для болѣе точнаго ознакомленія съ предметомъ настоящаго примѣчанія, равно какъ и примѣчаній 3-го и 4-го, можно рекомендовать учащимся: Monro, *Grammar of the Homeric Dialect* 1882, или Hartel. *Grammatik des homer. und herodot. Dialekts.* 1888.

I. *Формы глаголовъ.*

1. Число твердыхъ аористовъ у Гомера гораздо больше, чѣмъ въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ. (Твердый аористъ образуется прямо отъ корня, напр. ἔλαβον отъ λαβ, мягкій аористъ образуется съ примѣтой: ἔλυ-σα—(ср. также англійское took и loosed). Твердыя формы чаще встрѣчаются во время процвѣтанія языка, потомъ уже развиваются мягкія. Далѣе, у Гомера встрѣчаются виды твердыхъ аористовъ, совсѣмъ вышедшіе изъ употребленія въ послѣдующій періодъ, именно: 1) второй аористъ medii отъ корня безъ соединительной гласной (какъ ο въ ἔλαβ-ο-ν и ε въ ἔλαβ-ε-ς), напр. ἄλτο. 2) Редуплицированные аористы, какъ δέδαεν. λελαβέσθαι-ἤγαγον единственный примѣръ, сохранившійся въ аттической рѣчи.

2. Въ по-гомеровскомъ греческомъ языкѣ долгія гласныя ω и η всегда служатъ признакомъ сослагательнаго наклоненія. У

---

[1]) Въ послѣднее время взглядъ Schliemann'а былъ поддержанъ Perrot'омъ въ *Journal des Savants*, 1890. Juin №346 и слѣд.; онъ считаетъ, въ противоположность Джеббу, разницу гомеровскаго дома отъ тиринскаго несущественной.

Прим. перев.

Гомера это бываетъ только, когда изъявительное наклоненіе имѣетъ ο или ε. Такъ, у Гомера отъ изъявительнаго εἴδομεν, сослагательное будетъ εἴδωμεν, но отъ изъявительнаго ἴμεν, сослагательное будетъ ἴομεν.

3. У Гомера корень Perfectum'a, образованный черезъ дупликацію глагольнаго корня, бываетъ и долгимъ и короткимъ въ разныхъ формахъ того же Perfectum: напр., ἀρήρει, ἀρηρώς, вмѣстѣ съ тѣмъ ἀραρυῖα; τεθήλει вмѣстѣ съ тѣмъ τεθαλυῖα. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ сослагательномъ съ короткой гласной, Гомеръ согласуется съ санскритомъ Ведъ. Въ аттическомъ діалектѣ это разнообразіе рѣдко встрѣчается, какъ напр., οἶδα, ἴσμεν.

II. *Синтаксисъ.*

1. Членъ ὁ, ἡ, τό встрѣчается у Гомера иногда какъ независимое мѣстоимѣніе.

2. Кромѣ частицы ἄν у Гомера есть еще κεν, имѣющая почти то же значеніе. Главная разница между ними состоитъ въ слѣдующемъ: a) κεν чаще встрѣчается, чѣмъ ἄν, въ пропорціи приблизительно 4 : 1. b) ἄν предпочитается въ отрицательныхъ придат. предл. c) ἄν рѣдко употребляется съ относительными мѣстоим. (ὅς, ὅστις и т. д.), но часто съ союзами времени и цѣли (ὅτε, ὄφρα и пр.). d) Между тѣмъ какъ κεν часто встрѣчается въ двухъ или болѣе дополненіяхъ одного предложенія (какъ въ Ил. 1, 324), ἄν употребляется во второмъ дополненіи (Ил. 19, 228). Короче—ἄν предпочитается передъ κεν, гдѣ по смыслу требуется особый паѳосъ или противорѣчіе.

3. Futurum indicativi соединяется съ ἄν или съ κεν.

4. Conjunctivus въ простыхъ предложеніяхъ соединенъ съ ἄν или κεν (Ил. 3. 54 οὐκ ἄν τοι χραίσμῃ).

5. Послѣ εἰ conjunctivus можетъ имѣть ἄν или κεν, но можетъ употребляться и безъ нихъ.

6 Conjunctivus употребляется вмѣсто futurum въ патетическихъ отрицательныхъ предложеніяхъ (Ил. 1. 262 οὐδὲ ἴδωμαι—я не увижу), а также въ фразѣ καί ποτέ τις εἴπῃσι, Ил. 6, 459 и пр.

7. Optativus безъ ἄν или κεν можетъ выражать *возможность* обыкновенно въ отрицательномъ предложеніи. (Ил. 19, 321), но иногда и въ утвердительномъ (Од. 3, 231).

8. Гомеръ употребляетъ предлоги такъ же свободно, какъ и нарѣчія, именно: a) отдѣляя ихъ отъ глагола, который они опредѣляютъ, или b) отъ падежа, которымъ они управляютъ. Въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ, это употребленіе очень ограниченно.

Примѣчаніе 3, стр. 160.

Отличіе языка Иліады отъ языка Одиссеи.

I. *Предлоги.*

Въ Одиссеѣ встрѣчаемъ слѣдующее употребленіе предлоговъ, которое не замѣчается въ Иліадѣ, или если встрѣчается, то въ частяхъ ея позднѣйшаго происхожденія.

1. ἀμφί=объ, съ дательнымъ послѣ глагола, выражающаго говорить или думать, 4. 151 ἀμφ' Ὀδυσῆι | μυθεόμην.

2. περί съ род. также: 1. 135 περὶ πατρὸς ἔροιτο.

3. μετά съ род.=въ „числѣ“ или „съ“: 10. 320 μετ' ἄλλων λέξο ἑταίρων. (Также дважды въ позднѣйшихъ частяхъ Иліады, 21. 458 и 24. 400.

4. ἐπί=по пространству: 1. 299 πάντας ἐπ' ἀνθρώπους. (Такъ въ Ил. 9. 10. 24).

5. πρός съ дательнымъ=„кромѣ того“ 10, 68 πρὸς τοῖσι.

6. ἀνά съ род. 2. 416 ἀνὰ νηὸς (βαίνω).

7. κατά съ винительнымъ „съ цѣлью“: 3. 72 κατὰ πρῆξιν.

8. ἐνὶ=„между“ съ личными или абстрактными словами 2. 194. ἐν πᾶσι.

Это употребленіе встрѣчается въ Иліадѣ, но почти исключительно въ 9, 10, 23, 24 книгахъ.

9. ἐκ=„вслѣдствіе“ 3. 135 μήνιος ἐξ ὀλοῆς. (Такъ въ Ил. 9. 566).

II. *Членъ.*

Употребленіе члена независимо чаще у Гомера, чѣмъ въ видѣ дополненія (см. прим. 2), но нѣкоторыя употребленія въ видѣ дополненія чаще встрѣчаются въ Ил., чѣмъ въ Од. и наоборотъ. Такъ: 1) въ констрастѣ употребленіе чаще въ Ил., напр. 2. 217 φολκὸς ἔην, χωλὸς δ' ἕτερον πόδα, τὼ δέ οἱ ὤμω—τὼ выражаетъ контрастъ плечъ съ другими частями тѣла.

2. Въ видѣ опредѣленія часто въ враждебномъ смыслѣ (ср. iste), чаще въ Одиссеѣ 12, 113 τὴν ὀλοὴν... Χάρυβδιν, „эта роковая Харибда 18.114 τοῦτον τὸν ἄναλτον—этотъ человѣкъ ненасытимый кровью.

III. *Мѣстоименія.*

1. ἑό какъ reflexivum чаще въ Ил., чѣмъ въ Од. въ пропорціи 2: 1.

2. τό какъ relativum часто встрѣчается въ Ил. (напр. 3. 176), одинъ разъ въ Одиссеѣ (8. 332).

3. ὅς бываетъ demonstrativum въ Ил. и никогда въ Одиссеѣ, исключая 4. 388, сомнительный примѣръ.

IV. *Союзы, частицы, нарѣчія и пр.*

1. ὅτι = „что“ чаще въ Иліадѣ, въ Одиссеѣ обыкновеннѣе ὅτ или οὕνεκα.

2. οὕνεκα=„что“ часто въ Одиссеѣ послѣ глаголовъ говоренія; одинъ разъ въ Ил. 11. 21.

3. μὲν οὖν для перехода характерно въ Одиссеѣ (въ Ил. 9. 550).

4. οὐδέν въ Ил. обыкновенно нарѣчіе или мѣстоименіе „совсѣмъ нѣтъ“ или „ничего“; въ Одиссеѣ оно употребляется также какъ прилагательное (οὐδὲν ἔπος 4. 350 и пр.), въ Ил. это употребленіе можно указать одинъ разъ, Ил. 10. 126. (Ил. 24. 370 недостаточно ясный примѣръ).

V. *Придаточныя предложенія.*

1. Относительныя предложенія, какъ Од. 10. 538 μάντις ἐλεύσεται.... ὅς κέν τοι εἴπῃσι несомнѣнно чаще встрѣчаются въ Одиссеѣ, чѣмъ въ Иліадѣ. Изъ 24 примѣровъ, приведенныхъ Delbrück'омъ (Synt. Forsch. 1. 130—2), 17 взяты изъ Одиссеи.

2. Придаточныя предложенія съ εἰ послѣ глаголовъ, означающихъ говорить, знать, видѣть, думать и пр., напр. въ Одиссеѣ 12. 112 ἐνίσπες | εἴ πως..... ὑπεκπροφύγοιμι. Это часто встрѣчается въ Одиссеѣ, но очень рѣдко въ Иліадѣ.

Примѣчаніе 4, стр. 161.

Гомеровскія слова, сохранившія слѣды дигаммы.

1. Нижеприводимыя слова, употребляемыя въ гомеровскихъ стихахъ, указываютъ слѣды утраченной начальной дигаммы. Она вліяетъ на устраненіе зіянія (hiatus) или же производитъ позиціонную долготу. Но почти во всѣхъ этихъ словахъ гомеровское употребленіе дигаммы болѣе или менѣе непостоянно. Въ большинствѣ случаевъ существованіе дигаммы доказывается параллелями изъ другихъ языковъ. Но для словъ передъ нѣкоторыми у насъ поставлена звѣздочка; такого свидѣтельства или совсѣмъ нѣтъ, или оно сомнительно и о существованіи дигаммы въ нихъ мы судимъ единственно или главнымъ образомъ на основаніи размѣра. ἄγνυμι ломаю—ἅλις (корень Fελ сжимать) довольно.—ἄναξ господинъ.—ἄνασσα. ἀνάσσειν.—* ἀραιός тонкій.—ἄρνα, ἄρνες и пр. овца (впрочемъ въ Одиссеѣ 9.441 ἀρνειός безъ F)—ἄστυ городъ санскрит. vâstu.—ἔαρ, весна. Латинс. ver.—εἴκοσι двадцать. лат. viginti.—εἴλω (Fελ) ἔλσαι ἀλείς. ἐελμένος сжимаю, — съ родственнымъ ἁλῶναι (ср. ἑ—άλων).—εἰλύω (Fελ, отлично отъ предыдущаго) -обвиваю; εἰλυφάζω, качу, съ родств. ἑλίσσω верчу; ἕλιξ, спираль—εἴργω (Fεργ) отдаляю—εἴρω (Fερ) говорю, fut. ἐρέω. Ср. лат. ver-bum. англ. word.—ἕννυμι (Fες) одѣвать: εἷμα, ἐσθής. Лат. ves-tis.—ἔπος (Fεπ) слово; εἰπεῖν, ὄψ голосъ. Ср. лат. vox.—ἔργον, произведеніе; ἔρδω. Ср. Eng. work.—ἐρύω, тяну, ἔρρω, ухожу. Ср. ἀπό-ερσε. оторвалъ и лат. verro.—ἕσπερος вечеръ; лат. vesper. ἔτος годъ. Ср. лат. vetus.—*ἤνοψ блескъ.—ἦρα въ ἐπὶ ἦρα φέρειν благодарить. Ср. санск. кор. var, выбирать: зенд. vara желать, Curtius Etym. § 659.—*ἠρίον насыпь. Ил. 23. 126.—ἰάχω кричать громко, ἰαχή, ἠχή. (Объ αὐίαχος см. зам. объ гомеровскомъ размѣрѣ § VIII), ἰδεῖν, οἶδα, εἶδος. Лат. video, англ. wit.—*Ἴλιος. 50 случаевъ говорятъ въ пользу дигаммы, а 14 противъ нея. ἴον фіалка ἰόεις, ἰοδνεφές. Лат. viola.—*Ἶρις и Ἶρος (въ связи съ εἴρω?).—ἴς сила, ἶνες, ἶφι ἴφια. лат. vis.—ἴσος, равный.—ἴτυς спица въ колесѣ.—ἰτέη, ива, ср. лат. vimen. vitis, англ. withe,—οἶκος домъ, лат. vicus, англ. wick въ Berwick и т. д. οἶνος вино, лат. vinum, англ. wine.—οὐλαμός свалка (кор. Fελ).

Слова, нѣкогда начинавшіяся дигаммой, имѣютъ часто у Гомера префиксъ ε, напр. „ἐ-έλδωρ желать (Fελδ): ἐ-είκοσι ε-έργει; ἐ-έ. Cи

лабическое приращеніе или удвоеніе ставится, какъ будто бы дигамма не выпадала: ἐ-άγη ἐ-έλπετο ἔ-οικα ἐ-ελμένος и пр.

2. Слѣдующія слова имѣли въ началѣ σF. Spiritus asper замѣняетъ первоначальное σ. Если, какъ это вѣроятно, σ была утрачена еще въ то время, когда произносилась дигамма, то начальный звукъ этихъ словъ былъ ʽF подобно англійскому wh. Напр. было время, когда слово, сперва произносимое swandano, а потомъ handano, произносилось whandano (ʽFανδάνω).

ἁνδάνω (σFαδ) „нравиться“—гомеровскій аористъ εὔαδον (=ἔFαδον) part. perf. ἑαδώς: ἡδύς. лат. suavis.—ἕδνα —вѣно—можетъ быть того же корня.—ἑκυρός (σFεκυς) тесть, лат. socer (гдѣ so первоначально sva, какъ и въ somnus=санскр. svápnas): ср. нѣмецкое Schwiegervater.—ἕο, οὗ, οἷ, ἕ съ possesivum ἑός, ὅς, санскр. кор. sva, лат. sui, suus. Это мѣстоименіе единственное слово у Гомера, въ которомъ F дѣлаетъ долгимъ предыдущій короткій слогъ, не имѣющій ударенія; напр. Ил. 9. 377 ἐρρέτω· ἐκ γάρ εὑ φρένας εἵλετο κ. τ. λ. ἕξ „шесть“ (первоначал. форма svaks! Curtius § 584) Spiritus asper утерянъ въ ἦθεα отъ корня σFεθ. Санскр. svadha отъ sva произошло и лат. sue-sco.—ἔθων и εἴωθα не имѣетъ дигаммы у Гомера—ἔθνεα (также имѣя дигамму) можетъ быть имѣетъ отношеніе къ ἔθος и ἦθος. Подобный же примѣръ представляетъ ἔτης „товарищъ“ (σFέ-της свой человѣкъ“).

3. Начальное δF.—δεῖσαι бояться, δέος, δεινός, δειλός указываютъ на первоначальное δF, частымъ продолженіемъ предшествующей короткой гласной. Точно также δήν, долго, δηρόν, δηθα. Curtius съ Benfey и Leo Mayer'омъ считаютъ δFήν, δFαν за сокращеніе изъ διFαν, винительный падежъ отъ корня διFα.

4. Начальное Fρ.—Между тѣмъ какъ начал. ῥ можетъ замѣнить первоначальное σρ, (какъ напр. въ ῥέω), есть другіе примѣры, гдѣ оно замѣняетъ Fρ—напр. въ ῥέζω „дѣлать“ ʽριγέω „содрогаться“ ῥεῖα, ῥέα легко, передъ этими словами короткій слогъ дѣлается долгимъ, хоть и не всегда, ῥήγνυμι „ломать“, ῥίπτω „бросать “ῥάκος „тряпка“- передъ этими короткій слогъ всегда бываетъ долгимъ, ῥινός „кожа“ ῥίζα корень, передъ этими короткій слогъ обыкновенно бываетъ долгимъ.

5. F въ срединѣ слова.—Утрата F въ срединѣ слова указывается иногда α) контракціей: εἴρυσα тащить=εFέρυσα: Λυκούργου==Λυκοόργου: σ) синицезой: напр. πολέας (въ двухъ слогахъ) отъ πολέFας. Въ составныхъ съ предлогами глаголахъ утрач. F послѣ предлога устраняла зіяніе. напр. въ διαειπέμεν, но есть и исключенія, напр. ἀπειπέμεν, (Од. 1. 91).

6. Полное исчезновеніе F. Въ нѣкоторыхъ словахъ, несомнѣнно имѣвшихъ F, размѣръ у Гомера не показываетъ никакихъ слѣдовъ этого факта. Эти слова начинаются черезъ ο, ου, или ω. ὁράω видѣть, οὖρος, οὐρεύς сторожъ, ὄρεσθαι, стеречь. Ср. лат. vereor, нѣмецк. warten, wahren;—ὄρος гора Ср. Βορέας лат. verr-uca бородавка. — ʼΟρτυγίη отъ ὄρτυξ перепелъ, санскр. vartakas ὄχοι, ὄχεα колесница (ср. лат. veho); ὀχλίζω нагрузить (ср. лат. vectis); ὀχθέω мучиться (ср. лат. vehemens, vexo).—ὀμφή голосъ (Fεπ, vox)—οὐλαί, овсяная каша, οὐλοχύται (Fελ).—οὐρανός небо (санскр. várunas, кор, var „покрывать“) οὐτάω, ранить; ὠτειλή (ср. ἄ-οντος=ἀFοντος).—

ὠθέω „толкнуть“ (санскр. кор. vadh ударить: ср. ἔ-ωσα=ἔFωσα).— ὦνος, цѣна (санскр. vasnás, лат. ven-um, ven-eo, ven-do).

Примѣчаніе 5.

Гомеровская метрика.

Цѣль этого примѣчанія—дать краткое обозрѣніе существенныхъ явленій въ формѣ, удобной для справокъ.

I. *Дактили и спондеи.*

Въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ дактили встрѣчаются въ три раза чаще спондеевъ. Это одна изъ причинъ, которой гомеровскій гекзаметръ обязанъ своей живостью; подобно какъ виргильевскій гекзаметръ обязанъ своей величественностью элементу частыхъ спондеевъ—условіе, данное латинскимъ языкомъ, которымъ Виргилій умѣлъ такъ ловко пользоваться. Стихи, въ которыхъ всѣ стопы, исключая шестой дактили (τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς), гораздо чаще встрѣчаются у Гомера, чѣмъ у Виргилія. Съ другой стороны, стихи, въ которыхъ всѣ стопы, исключая пятой—спондеи (ut belli signum Laurenti Turnus ab arce) обыкновеннѣе у Виргилія, чѣмъ у Гомера.

Стихи, въ которыхъ пятая стопа спондей называются „спондеическими“ (σπονδειάζοντες στίχοι, σπονδειακὰ ἔπη; первыя четыре стопы могутъ быть при этомъ тоже спондеями, но могутъ и небыть. Около 4-хъ стиховъ въ Иліадѣ изъ 100 спондеичны въ этомъ ограниченномъ смыслѣ — въ латинскихъ стихахъ эта пропорція больше. Одинъ или два примѣра опровергаютъ правило, что гекзаметръ не можетъ оканчиваться на два слова, которыя оба спондеи; такъ, въ Одиссеѣ 9. 306, ἠῷ δῖαν слѣдуетъ писать ἠόα; и въ Од. 14. 239. δήμου φῆμις. δήμου. Стихи, въ которыхъ каждая стопа спондей, чрезвычайно рѣдки: нашъ текстъ имѣетъ только по три примѣра въ каждомъ эпосѣ (Ил. 2. 544, 11. 130, 23. 221; Од. 15. 334, 21. 15, 22. 175, повторенъ 192); но въ большей части этихъ примѣровъ возможно возстановленіе дактиля черезъ разложеніе слитной формы. Въ латинскомъ стихосложеніи, болѣе склонномъ къ спондеямъ, тѣмъ не менѣе не любили подражать Эннію съ его: *olli respondet rex Albai longai.*

II. *Цезура.*

Цезурой называется разсѣченіе (τομή) метрической стопы вслѣдствіе промежутка между двумя словами: напр. въ μῆνιν | ἄειδε дактиль разсѣченъ. При этомъ голосъ рецитатора дѣлаетъ небольшую паузу; эта пауза можетъ совпадать или не совпадать со смысломъ. Отсюда выраженіе—цезурная пауза, иногда называемая просто „паузой“.

Всякая стопа содержитъ слогъ, на который падаетъ главная сила ударенія или ictus'a. Этотъ слогъ мы называемъ слогомъ ictus'a. Въ дактилѣ и спондеѣ это бываетъ первый слогъ (́ ‿ ‿ и ́ _ _). Его называютъ также арзисомъ (повышеніе, какъ бы

голосъ на немъ повышался), между тѣмъ какъ остальная часть стопы называется тезисомъ (пониженіемъ). Это принятое названіе терминовъ взято у римскихъ грамматиковъ. Но ихъ истинное значеніе (древне греческое) совершенно противоположно: θέσις значитъ „опусканіе ноги", отсюда — слогъ съ удареніемъ: ἄρσις значитъ „поднятіе ноги", отсюда слогъ или слоги безъ ударенія.

Когда цезура слѣдуетъ за слогомъ ictus'a, то она называется *мужской*, потому что она производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Когда же она случается между двухъ слоговъ изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ ictus'a (напр. между вторымъ и третьимъ слогомъ дактиля), то она *женская*.

Гомеровскій гекзаметръ почти всегда имѣетъ ту или другую изъ этихъ цезуръ въ третьей стопѣ, напр.:—

1) Мужская цезура. Ил. 1. 1 μῆνιν ἄειδε. θε | ά, Λ Πη | ληϊάδεω Ἀχιλῆος. Эта цезура носитъ также названіе τομὴ πενθημιμερής— такъ какъ она слѣдуетъ за пятой полустопой стиха.

Женская цезура. Од. 1. 1 ἄνδρα μοι ἔννεπε | Μοῦσα, Λ πολ | ύτροπον, ὃς μάλα πολλά. Это у греческихъ писателей будетъ τομὴ κατὰ τρίτον τροχαῖον. Она чаще встрѣчается у Гомера, чѣмъ мужская цезура третьей стопы. Предпочтеніе ея выражается также въ большомъ числѣ постоянныхъ формулъ, которыя ее вводятъ; напр. πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε. θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη и пр. Формулы, приспособленныя къ мужской цезурѣ, встрѣчаются рѣже, напр. ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες.

Главная пауза стиха никогда не должна быть на концѣ третьей стопы. Напр. слѣдующій стихъ невозможенъ: Λητοῦς καὶ Διὸς ἔκγονος | ὃς βασιλῆι χολωθείς. Такая пауза разбила бы стихъ на двѣ половины и разрушила бы ритмъ. Но если главная пауза не на концѣ третьей стопы, то цезура въ этой стопѣ выпускается, хотя и рѣдко (число стиховъ безъ цезуры въ третьей стопѣ приведено у Seymour'a; такъ въ Ил. 185, въ Од. 71, стр. 83, § 40 с.). Болѣе обыкновенно для третьей стопы оканчиваться цѣльнымъ словомъ, если цезура сохранитъ ритмъ, напр. Ил. 3. 185 ἔνθα ἴδον πλείστους Φρύγας | ἄνερας.

Мужская цезура въ 4-й стопѣ нѣсколько чаще встрѣчается въ Иліадѣ, чѣмъ въ Одиссеѣ и часто слѣдуетъ за женской цезурой третьей стопы—напр. Ил. 1, 5 οἰωνοῖσί τε πᾶσι. Διὸς δ' Λ ἐτελείετο βουλή. Это будетъ τομὴ ἑφθημιμερής, такъ какъ она слѣдуетъ за 7-й полустопой стиха.

Женская цезура четвертой стопы избѣгается; напримѣръ стихи, подобные слѣдующему, очень рѣдки.—Ил. 23. 760 ἄγχι μάλ', ὡς ὅτε τίς τε γυναικὸς Λ ἐϋζώνοιο. Въ Ил. 9. 394, гдѣ рукописи даютъ чтеніе Πηλεὺς θήν μοι ἔπειτα γυναῖκα Λ γαμέσσεται αὐτός. Аристархъ эмендировалъ γαμέσσεται въ γεμάσσεται. Этимъ устраняется τομὴ κατὰ τέταρτον τροχαῖον, такъ какъ энклитика γε тѣсно связана съ γυναῖκα.

III. *Буколическая діэреза.*

Метрическій терминъ διαίρεσις обозначаетъ, что конецъ стопы совпадаетъ съ концомъ слова. Когда конецъ четвертой стопы совпадаетъ съ концомъ слова, то это будетъ διαίρεσις βουκολική, такъ

какъ такой ритмъ былъ чаще всего въ употребленіи у буколическихъ или пастушескихъ поэтовъ. Такъ напр. въ «Плачѣ по Біонѣ» Мосха эта діэреза употреблена въ 102 стихахъ изъ 128. Многіе стихи Гомера (въ особенности, гдѣ обозначены личности) приспособлены къ буколической діэрезѣ,—напр. Φοῖβος Ἀπόλλων, δῖα θεάων, ἰσόθεος φώς и пр. Четвертая стопа въ этомъ случаѣ чаще дактиль, чѣмъ спондей.

IV. *Hiatus.*

Зіяніе или hiatus—столкновеніе гласной или двугласной на концѣ слова съ гласной или двугласной въ началѣ—допускается у Гомера въ слѣдующихъ условіяхъ.

1) Послѣ гласныхъ ι, или υ: Ил. 5. 50 ἔγχεϊ ὀξυόεντι: 6. 123 τίς δὲ σύ ἐσσι..

2) Когда между двумя словами лежитъ цезура: Ил. 1. 569 καί ῥ' ἀκέουσα καθῆστο | ἐπιγνάμψασα φίλον κῆρ. Женская цезура въ третьей стопѣ обыкновенно извиняетъ зіяніе.

3) Послѣ первой стопы: Ил. 1. 333 αὐτὰρ ὁ ἔγνω. Этотъ случай рѣже слѣдующаго.

4) Передъ буколической діэрезой: Ил. 5. 484 οἷόν κ' ἠὲ φέροιεν Ἀχαιοὶ | ἤ κεν ἄγοιεν.

5) Когда гласная на концѣ перваго слова долгая и принадлежитъ къ слогу ictus'а стопы; Ил. 1. 418 ἔπλεο. τῷ σε κακῇ | ἤ αἴσῃ | τέκον ἐν μεγάροισιν.

6) Когда долгая гласная или двугласная сокращается передъ слѣдующей гласной или двугласной: Ил. 1. 29 τὴν δ' ἐγὼ οὐ λύσω: ib. 28 μή νύ τοι οὐ χραίσμῃ. Въ Ил. 2. 87 ἔθνεα εἶσι можно бы подвести подъ эту категорію, если принять сомнительное положеніе Hartel'я, что α въ neutrum pluralis нѣкогда была долгой. Hiatus при такихъ условіяхъ называется иногда „слабымъ" (или „нечистымъ").

V. *Продолженіе краткаго слога.*

Слогъ по обыкновеннымъ правиламъ короткій часто бываетъ долгимъ у Гомера.

1. Это происходитъ иногда отъ утраты согласной:

a) Дигаммы, F: Ил. 11. 793 παρειπών (παρ Fειπών). Ил. 1. 70 ὃς ᾔδη (Fῄδη).

Въ Ил. 24. 154 ὃς ἄξει, εἷως κεν ἄγων Ἀχιλῆι πελάσσῃ. Послѣ ὃς можетъ быть выпало мѣстоименіе Fέ. Если ἐπεὶ стоитъ иногда въ началѣ стиха, то это можетъ быть объяснено первоначальной формой ἐπ Fεί (т. е. ἐπί+кор. мѣстоименія sva). Въ Ил. 19. 35 долгое ο въ ἀποειπών произошло отъ вокализаціи F (ἀπονειπών) (см. ниже VIII).

b) спиранта „j": Ил. 3. 230 Κρήτεσσι θεὸς ὥς (jῶς).

c) начальной „σ": Ил. 1. 51 βέλος ἐχεπευκὲς ἐφιείς (какъ бы σεχεπευκές — кор. глагола ἔχω былъ σεχ). Такъ Од. 9. 74 συνεχὲς αἰεί (какъ бы стояла συσσεχές).

d) σF въ мѣстоимѣніи третьяго лица: Ил. 20. 261 Πηλεΐδης δὲ σάκος μὲν ἀπὸ ἕο χειρὶ παχείῃ (какъ бы было σF εο): 17. 196 ὁ δ' ἄρα ᾧ παιδὶ ὄπασσεν (какъ бы σFῷ).

2. Метрическій ictus обыкновенная причина продолженія

короткаго слога у Гомера. Но эта общая причина нерѣдко поддерживается многими частными. Примѣры мы можемъ раздѣлить на нѣсколько группъ.

I) Есть случаи, гдѣ кромѣ ictus'а на продолженіе слога вліяетъ и употребленіе согласной φ какъ бы вдвойнѣ: Ил. 12. 208 αἰόλον ὄφιν. Если бы первый слогъ въ ὄφιν былъ дѣйствительно коротокъ, то этотъ гекзаметръ принадлежалъ бы къ тѣмъ, которыхъ греки называли μείουροι; примѣры мы находимъ у Лукіана (въ Τραγῳδοποδάγρα) и у Теренціана Мавра (ср. Hermann „Epitome Doctr. Metr." 4-е изд. стр. 111). Но древніе замѣтили, что ὄφιν произносилось здѣсь какъ ὄπφιν (Seymour, стр. 93, § 41 замѣчаетъ: ὄπφις пишется теперь вмѣсто ὄφις у Hipponax'а Frg. 49) и это чтеніе этимологически доказано; какъ напр. Σάπφω вм. Σαφώ отъ корня σοφός, Ἴακχος отъ ἰάχω. ὄκχον (ὄχον) у Пинд. Ol. VI. 24, φαιδιμπῶνες у Эсхила „Хоефоры" 1047). Ср. Од. 7. 119 Ζεφυρίη πνείουσα. — Въ Ил. 10. 502 ictus объясняетъ πιφαύσκων: но не такъ ib. 478 πιφαυσκε. Дѣйствительно возможно, что ι въ удвоеніи была первоначально долга.

II. Дѣйствіе ictus иногда усиливается естественнымъ стремленіемъ рѣчи избѣгать слишкомъ частаго повторенія короткихъ слоговъ. Это можно замѣтить въ Од. 12. 423 ἐπίτονος βέβλητο, точно также въ ἀγοράασθε ἀπονέοντο. ἀθάνατος. θυγατέρα (хотя имен. θυγάτηρ) Πριαμίδης (хотя Πρῐαμος).

III. Пауза въ смыслѣ можетъ помочь ictus'у продолжить короткій слогъ: Ил. 1,19 ἐκπέρσαι Πριάμοιο πόλιν, εὖ δ'οἴκαδ' ἱκέσθαι. Од. 10. 269 φεύγωμεν ἔτι γάρ κεν ἀλύξαιμεν κακὸν ἦμαρ: 1. 326 εἶατ' ἀκούοντες ὁ δ' Ἀχαιῶν νόστον ἄειδεν.

IV. Короткій слогъ иногда продолжается передъ λ, μ, ν, ρ или σ. Въ такихъ случаяхъ помогаетъ вліяніе ictus'а, напр. Ил. 3. 222 ἔπεα νιφάδεσσιν: 23. 198 ὕλη τε σεύαιτο: Од. 14. 434 διεμοιρᾶτο 22. 46 ὅσα ῥέζεσκον, но не всегда; напр. въ Ил. 22. 91 πολλὰ λισσομένω, α здѣсь не имѣетъ ictus.

V. Короткій слогъ продолжается передъ „δ" въ δέος, δεῖσαι и пр. (корень былъ первоначально δFι) и передъ δήν. Въ этихъ случаяхъ ictus всегда помогаетъ. Ил. 1. 33 ἔδεισεν δ' ὁ γέρων. Формула μάλα δήν встрѣчается только въ концѣ стиха, точно также ἔτι δήν, исключая въ Од. 2. 36 и 6. 33.

3. Гласная „ι". Въ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ существительныхъ гомеровское долгое „ι" все еще не объяснено; ictus по крайней мѣрѣ здѣсь не имѣетъ вліянія: Ил. 1. 205 ὑπεροπλίησι: 2. 588 προθυμίῃσι. Од. 13. 142 ἀτιμίῃσι. Въ Ил. 6. 81 πάντη ἐποιχόμενοι πρὶν αὖτ' ἐν χερσὶ γυναικῶν, „ι" въ πρίν сохранила свою первоначальную долготу, такъ какъ это слово есть слитная сравнительная степень. Конечная „ι" въ дательномъ падежѣ третьяго склоненія иногда короткая; иногда (какъ это всегда въ латинскомъ яз.) она долгая. напр. Ил. 7. 142 κράτεϊ γε. „I" въ іонійскомъ дательномъ падежѣ какъ напр. μήτι (Ил. 23. 318) объясняется какъ контракція изъ μήτι-ι.

4. Гласная ε въ звательномъ падежѣ бываетъ долгой, такъ какъ голосъ естественнымъ образомъ нѣсколько останавливается на ней: Ил. 4. 338 ὦ υἱὲ Πετεῶο.

5. Наконецъ есть случаи, когда долгій слогъ въ началѣ стиха не можетъ быть объясненъ никакимъ изъ приведенныхъ соображеній. Если ictus не есть единственная причина, то трудно сказать, какая другая могла бы быть. Ил. 3. 357 διὰ μὲν ἀσπίδος ἦλθε φαεινῆς ὄβριμον ἔγχος. (Seymour въ соч. Homeric language and verse. Boston 1885 предполагаетъ вліяніе ложной аналогіи по διʼ Ἀφροδίτη и пр.) — Ил. 4. 155 и т. д. φίλε κασίγνητε. „1" въ φῖλαι (aor. imper. med. Ил. 4. 117) и ἐφίλατο (ib. 61) можетъ быть сравнена, но имѣютъ аналогію, дѣлающія а менѣе замѣчательной. (Leaf ad l. c. замѣчаетъ, что если φίλος=(σ) φέ-ιλος отъ корня σFε = suus, то продолженіе гласной объясняется контракціей. — Ил. 9. 5 Βορέης καὶ Ζέφυρος (Ил. 23. 193 тоже, но дательномъ). Проще всего принять, что „Βορ" продолжено подъ вліяніемъ ictus, а „έης" читать какъ синицезу (Curtius предлагаетъ произношеніе Βορῆς.

VI. *Сокращеніе долгаго слога.*

1 Въ гомеровскомъ, какъ и въ аттическомъ языкѣ, гласная или двугласная сокращается передъ слѣдующей за ней гласной въ томъ же словѣ: Ил. 1. 489 διογενὴς Πηλῆος υἱός. Od. 7. 312 τοῖος ἐὼν οἷός ἐσσι. 20, 379 ἔμπαιον.

2. Есть нѣсколько случаевъ, что гласная остается короткою передъ двумя согласными σκ или передъ двойной согласной ζ: Ил. 2. 634 οἵ τε Ζάκυνθον ἔχον: ib. 824 οἱ δὲ Ζέλειαν ἔναιον: ib. 465 προχέοντο Σκαμάνδριον (и также α передъ Σκάμανδρε, 21. 223): Од. 5. 237 ἔπειτα σκέπαρνον). Должно допустить извѣстную свободу въ метрическомъ употребленіи собственныхъ именъ: она необходима поэту, α σκέπαρνον объясняется по аналогіи съ Σκάμανδρος. Но возможно, что существовали болѣе древнія формы съ одной согласной, какъ полагаетъ Seymour, сравнивая σκίδναμαι, κίδναμαι, σμικρός и μικρός. Для доказательства предполагаемой имъ формы Δάκυνθος онъ приводитъ Δεύξιππος за Ζεύξιππος изъ одной бэотійской надписи. (Замѣчательно, какъ хорошо согласуется это съ бэотійскимъ происхожденіемъ „Каталога", который даетъ намъ оба примѣра ε передъ ζ, см. выше, стр. 41). Онъ впрочемъ самъ прибавляетъ, что Ζάκυνθος признавалось и за греческое названіе Сагунта (Saguntum) и что поэтому Ζ въ этомъ словѣ могло звучать какъ Σ.

3. Короткій первый слогъ въ ἀνδροτῆτα (Ил. 16. 857, 22. 363. 24, 6) еще не объясненъ. Это слово вѣроятно испорчено изъ какого-нибудь другого слова, соотвѣтственнаго ему по смыслу.

VII. *Гласныя съ перемѣннымъ количествомъ. Перемѣнныя формы.*

Нѣкоторыя гласныя, обыкновенно короткія въ стихахъ позднѣйшихъ авторовъ, имѣютъ у Гомера перемѣнное количество. Когда онѣ долги, то имѣютъ ictus. Но во многихъ случаяхъ удареніе не можетъ считаться единственной причиной долготы. Скорѣе должно предположить съ Seymour'омъ, что эти гласныя по большей части были первоначально долгими и постепенно во время Гомера дѣлались короткими; ср. ἶσος, κᾱλός, φᾶρος съ позднѣйшими ἴσος, καλός, φαρος. Такъ α въ Ἀπόλλων по ᾱ (съ ictus) въ Ἀπόλλωνος (Ил. 1. 14): Ἄρες, Ἆρες (5. 31): α въ ἵλαος: ι въ ἱερός, ἴομεν, κονίη

во многихъ словахъ на-ίω и сравнительныхъ степеняхъ на "ίω": ῡ въ ὕδωρ и въ глаголахъ на-ύω. „ι" въ словѣ Sidon обыкновенно длинно въ позднѣйшей поэзіи, напр. Од. 4. 84 Σιδονίους, — но въ Ил. 23. 743: Σιδόνες.

Перемѣнныя формы. Эти формы были уже упомянуты въ текстѣ какъ особенность гомеровскаго діалекта. Ихъ можно въ общихъ чертахъ раздѣлить на двѣ группы: гласныхъ и согласныхъ. a) Короткая гласная замѣняется долгой или двугласной: напр ἐΰς, ἠΰς: νεός, νηός: Διόνυσος (Од. 11. 325) Διώνυσος (Ил. 6. 135): νεός, νείατος: ἡμέων, ἡμείων: βαθέης, βαθείης: ὀλοός, ὀλοιός. Также въ глагольныхъ формахъ ἄγαμαι, ἀγαίομαι: τελέω, τελειω и т. д. Особенная причина этого разнообразія называется „количественной метатэзой (перемѣщеніемъ)", когда первая изъ двухъ гласныхъ сокращается, а вторая дѣлается долгой. Такъ—ᾱο, въ род. падежѣ через „ηο" обращается въ εω (Ἀτρείδαο, Ἀτρείδεω). Подобнымъ образомъ στέωμεν (2-й аор. сослаг. отъ ἵστημι) произошло изъ στήομεν. b) Поперемѣнное употребленіе двойной и простой согласной: Ἀχιλλεύς, Ἀχιλεύς: Ὀδυσσεύς, Ὀδυσεύς: Τρίκκη (Ил. 2. 729). Τρίκη (4. 202): ἔμεναι, ἔμμεναι: μέσον, μέσσον: ὅπως, ὅππως, и пр.

VIII. *Синицеза. Элизія. Апокопе.*

Синицезой (συνίζησις) называется сліяніе двухъ гласныхъ въ одинъ долгій звукъ вмѣсто образованія двугласной. Напр. въ Ил. 3. 27, гдѣ θεοειδέα послѣдній слогъ стиха εα составляетъ одинъ звукъ. Ср. Ил. 1. 15 χρυσέῳ ἀνὰ σκήπτρῳ: 2. 367 γνώσεαι δ': Од. 1. 298 ἢ οὐκ ἀΐεις (первыя слова стиха). Въ Ил. 1. 340 εἰ ποτε δὴ αὖτε (не δ' αὖτε) такъ объясняется. Вѣроятно въ первоначальн. текстѣ Гомера синицеза была рѣже, а въ нашемъ текстѣ она распространилась впослѣдствіи замѣной архаическихъ формъ новыми; напр. Πηληιάδεω (Ил. 1. 1), а не Πηληιάδα.

Элизія. Двугласная αι элидируется въ глагольныхъ окончаніяхъ на -μαι, -σαι (исключая infin.), -ται, -σθαι. Только въ одномъ случаѣ окончаніе им. падежа женск. р. множествен. числа „αι" элидировано; Ил. 11. 272 ὣς ὀξεῖ' ὀδύναι; но этотъ стихъ сомнителенъ.—οι элидируется въ формахъ μοι, σοι (Ил. 1. 170) τοι. Элизія оконч. дательн. падежа „ι" встрѣчается хотя и рѣдко: Ил. 5. 5 ἀστέρ' ὀπωρινῷ.—ἀντί, περί, τί, ὅτι, τό, πρό, не элидируются.

Апокопé есть исчезновеніе короткой гласной въ концѣ слова передъ согласной, напр Ил. 1. 8 τίς τ' ἄρ σφωε (вм. ἄρα). Такъ ἀμ (ἀνὰ) πεδίον, κὰπ (κατὰ) πεδίον, καστορνῦσα (καταστορνῦσα, Ил. 17. 32), πὰρ (παρὰ) νηῶν. Въ Ил. 1. 459 αὐέρυσαν образовалось вѣроятно изъ ἀναϜέρυσαν черезъ апокопé (ἀνϜέρυσαν), ассимиляцію (ἀϜϜέρυσαν) и наконецъ вокализацію Ϝ въ υ, какъ въ Ил. 13. 41 αὐίαχοι=αϜίαχοι, или α+Ϝιαχή (т. е. „безшумныя", если α считать privativum, или „кричащія", если α считать copulativum). Ср. καυάξαις=καταϜάξαις (κατάγνυμι), Hes. Opp. 666. Кромѣ помянутыхъ трехъ предлоговъ ἀπὸ и ὑπό подвергаются апокопé въ сложныхъ съ ними глаголахъ: Од. 15. 83 ἀππέμψει=αποπέμψει: Ил. 19. 80 ὑββάλλειν=ὑποβάλλειν. Апокопé особенно употреблялась часто въ разговорной рѣчи многихъ діалектовъ (напр. Her. 1. 8 ἀμβώσας).

Списокъ сочиненій о Гомерѣ.

Цѣль предлагаемаго списка состоитъ не въ томъ, чтобы дать полную библіографію даже хоть новѣйшихъ сочиненій, но чтобы указать читателю важнѣйшія сочиненія, изъ которыхъ онъ могъ бы узнать, что̀ сдѣлано по Гомеру до нашего времени и какими главными источниками должно пользоваться.

I. *Изданія и комментаріи.*

Здѣсь мы упомянемъ важнѣйшія изъ старыхъ изданій Гомера, которыя хотя потеряли свое значеніе въ критическомъ отношеніи, но сохранили историческій интересъ, какъ основы новѣйшаго изученія Гомера.

Мы можемъ отличать изданія до 1788 года отъ изданій, вышедшихъ позднѣе, потому что въ 1788 году Villoison изданіемъ схолій изъ Venetus A далъ новое основаніе критикѣ текста.

Если послѣ обозначенія года стоитъ «сл.», то это значитъ, что изданіе продолжено въ слѣдующемъ году; а если «слл.», то—въ слѣдующихъ годахъ.

1. Изданія до 1788 года.—Editio princeps: Demetrius Chalcondylas, во Флоренціи, 1488.—Первое изданіе Aldo въ Венеціи 1504; второе въ 1517 г. — Editio Juntina во Флоренціи въ 1519 г.— Francini—въ Венеціи, въ 1537 г.—Joachim Camerarius первый изъ новыхъ ученыхъ сдѣлалъ опытъ объясненія Иліады въ 1538 г. слл. Его полный комментарій изданъ во Франкфуртѣ въ 1584 г.—Turnebus, Иліада, Парижъ 1554 г. — H. Stephanus, въ Poetae Graeci principes heroici, Парижъ 1566 г.—Barnes, съ схоліями и примѣчаніями, Кэмбриджъ 1711. — Samuel Clarke съ примѣчаніями и латинскимъ переводомъ—въ Лондонѣ 1729 и слл. Moor и Muirhead, въ Глэзго 1756 и слл. Ernesti—въ Лейпцигѣ 1759 и слл.

Въ связи съ старѣйшими изданіями Гомера слѣдуетъ упомянуть и editio princeps комментарій Евстаѳія въ Римѣ въ 1542 и слл. Послѣднее изданіе ихъ принадлежитъ G. Stallbaum'у, Лейпцигъ 1825 и слл.

2. Изданія, начиная съ 1788 года—Villoison, Иліада „ad veteris Cod. Veneti fidem recensita. Scholia in eam antiquissima ex eodem Cod. aliisque nunc primum ed. cum asteriscis, obeliscis aliisque signis criticis.“ Fol въ Венеціи въ 1788.—Wolf, Ilias въ Галле 1794 (Prolegomena появились отдѣльной книгой весной 1795 г.). Его изданія Иліады и Одиссеи въ 4-хъ томахъ, Лейпцигъ, 1804 и слл. украшено 32 рисунками Flaxman'а, коихъ 64 таблицы явились впервые въ 1795.—Гревильскій Гомеръ (изд. Randolph, Cleaver, Rogers) съ новымъ сличеніемъ Harleianus'а, Оксфордъ 1800.— Heyne „Ilias“ Leipzig 1802 и слл. — W. Dindorf и F. Franke, Lepzig, 1826 и слл.—Spitzner, Ilias, Gotha 1832 и слл.—Immanuel Bekker, Ilias, Berlin 1843: обѣ поэмы въ двухъ томахъ. Bonn, 1858. Первая ученая попытка возстановленія текста до-александрійской эпохи.—Kirchhoff, Odyssee, Berlin, 1859: 2-ое изданіе 1879. Съ примѣчаніями и статьями, обрисовывающими его взгляды на

происхожденіе эпоса.—La Roche, Odyssee, Leipzig, 1867 и сл.: Ilias, 1873 и слл. Apparatus criticus этого изданія хотя половъ, но не всегда точенъ: см. D. B. Monro въ Trans. Oxf Philol. Soc. 1886—7, p. 32.—Nauck, Berlin, 1874 и слл. — Fick (поэмы, переведенныя обратно на возстановленное эолійское нарѣчіе). Odyssee, Göttingen, 1883: Ilias 1885 и сл. Hentze (текстъ) въ сборникѣ Teubner'a 1883. Christ, Иліада съ Prolegomena и критическими примѣчаніями) Monachii, 1884.—Rzach, текстъ (съ критическими примѣчаніями), Лейпцигъ, 1886.

3. Интересъ помянутыхъ изданій главнымъ образомъ критическій (хотя не исключительно). Нижеупомянутыя изданія мы приводимъ ради объясненій къ тексту; въ нихъ болѣе или менѣе также можно найти критику его.

Heyne, Ilias (см. выше).—Nitzsch, Erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee, I—XII, Hannover, 1826 и слл.—Nägelsbach, Anmerkungen zur Ilias (кн. I, II до 483 и III), 3-е изд. просмотр. Autenrieth'омъ, Nürenberg, 1864. Hayman, Odyssey, 3 т. London, 1866 и слл. Съ подстрочными свидѣтельствами, разночтеніями, примѣчаніями и прибавленіями Paley. Iliad, 2 т., London, 1866 и слл. (вышло 2-е изд. второго тома) съ введеніемъ къ каждому тому и комментаріемъ.—Merry и Riddel, Odyssey I—XII, Oxford, 1876. Съ критическими примѣчаніями и комментаріями. Т. II (кн. XIII—XXIV) еще не вышелъ. — Leaf, Iliad I—XII съ англ. прим. (крит. и съ объясненіемъ) и введеніемъ. London, 1888 (2 я часть еще не вышла).

4 Школьныя изданія съ комментаріемъ.—Нѣмецкія.—Иліада.—La Roche, Berlin, 1870 и слл. Faesi и Franke, Berlin, 1871 и слл.—Ameis и Hentze, Leipzig, 1872 и слл.—Düntzer, Schöningh. 1873 и сл.—Одиссея. Faesi и Kayser, Berlin, 1871 и слл., послѣднее изданіе просмотрѣно Hinrichs'омъ.—Ameis и Hentze, Leipzig, нов. изд. 1874 слл. Düntzer, Schöningh. нов. изд. 1875 сл. Англійскія.—Iliad.—Paley, London, 1867.—Monro, кн. I—XII, Oxford, 1884.—Pratt и Leaf (кн. I, IX, XI, XVI—XXIV). London 1880.—Odyssey. Merry, Oxford, нов. изд. 1884 г.—E. B. Mayor кн. IX—XII, Лондонъ, 1873.

II. *Схоліи и сочиненія по исторіи текста.*

Схоліи къ Иліадѣ. — W. Dindorf, Oxford, 1875 слл., вышли 4 тома —Схоліи къ Одиссеѣ.—W. Dindorf, Oxford. 1855.

Исторія текста.—Lehrs, De Aristarchi Studis Homericis, Leipzig 3-е изд. 1882. *La Roche*, Die homerische Textkritik im Alterthum, Лейпцигъ 1886 (не всегда вѣрна при цитированіи Ven. A, какъ показалъ Monro). Homerische Untersuchuugen 1869.—*Römer*. Die Werke der Aristarcheer im Cod. Venet. A, Мюнхенъ 1875. *Ludurg*, Aristarchs Homerische Texkritik nach der Fragmenten des Didymus. Лейпцигъ 1884 слл.

III. *Языкъ.*

Buttmann, Lexilogus, 3-е изд. London 1846 (и до сихъ поръ цѣнное сочиненіе какъ образецъ критическаго разбора, хотя и требующее исправленія вслѣдствіе результатовъ, полученныхъ

новѣйшимъ сравнительнымъ изученіемъ языковъ). *Bekker* Homerische Blätter, Bonn, 1863, 1872.—*Ahrens*, Griechische Formenlehre des Homer. Dialektes, Göttingen. 2 изд. 1869.—*Delbrück*, Syntaktische Forschungen, Halle. 1871 слл.—*Hartel*, Homerische Studien, Wien. 1871 слл.—*Knös*, De Digammo Homerico, Upsala 1872 слл.—*Hinrichs*, De Homericae, Elocutionis Vestigis Aeolicis, Jena, 1875.—*Cobet*. „Homerica" въ Miscellanea Critica, Leyden, 1876.—*Monro*, A Grammar of the Homeric, Dialect, Oxford, 1884.—*Seymour*, Introduction to the Language and Verse of Homer. Boston U. S. A. 1885.

IV. *Словари и указатели*

Лексиконы.—*Crusius*. Лейпцигъ 1856.—*Ebeling* ib. 1877 слл. *Autenrieth*, ib. 1877.—Seiler, London 1878.

Указатели: *Seber*, Index. Homericus, Oxford, 1780 (все еще удобенъ для употребленія, содержа Ил. и Од. въ одномъ томѣ. Онъ даетъ только число книги и стиха, въ которыхъ встрѣчается слово, не приводя самаго мѣста).—*Pendergast*. Иліада (каждый стихъ, въ которомъ встрѣчается слово, приводится вполнѣ). London 1875. *Dunbar*, Odyssey (по плану предыдущаго соч.). Oxford 1880.

V. *Сочиненія, объясняющія древности гомеровскихъ поэмъ.*

Bellum et excidium Troianum ex Antiqq. raliquiis, tabula praesertim quam Raph. Fabrettus edidit Iliaca, delin. et adi. in calce commentario illustr. ad. Laur. Begero. Berlin, 1699. (Leipzig. Rud. Weigel). 58 литографій съ текстомъ. (Tabula Iliaca есть мраморный рельефъ съ надписью Τρωικὸς (πίναξ) теперь въ капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ. Въ срединѣ изображено разрушеніе Трои, а съ боковъ представлено множество сценъ изъ Иліады и друг. эпосовъ троянскаго кикла. — Tabula, вѣроятно, сдѣлана въ первомъ столѣтіи по Р. Х., см. Bergk, Gr. Lit. 1.913). — Iliados picturae antiquae ex Codice Mediolanensi Bibliothecae Ambrosianae. Roma, 1835. (Leipzig. Weigel). Этотъ Codex Ambrosianus pictus впервые изданъ Angelo Mai, Milan, 1819.—*Inghirami*, Galleria Omerica. (Собраніе древнихъ памятниковъ, объясняющихъ Гомера). Флоренція, 1827 г.). Völcker, Ueber Homer, Geographie und Weltkunde. Hanover, 1830. — *Gladstone*, Studies on Homer, London, 1858: Iuventus Mundi, 1869. *Nägelsbach*, Die Homerische Theologie, Nurenberg, 1861.—*Brunn*, Die Kunst bei Homer, München 1868.—*Buchholz*, Die homerische Realien, Leipzig, 1871 слл.—*Harrison*, Miss I. E., The Myths of the Odyssey, London, 1882.—*Bunbury*, History of Ancient Geography, vol. I. ch. 3 (Homeric Geography"), London, 1883.—*Helbig*, Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert, Leipzig, 1887.

VI. *Гомеровскій вопросъ.*

Robert Wood, Essay on the Original Genius of Homer, London, 1769.—Wolf's Prolegomena. Halle, 1795.—*Volkmann*, Geschichte und Kritik der Wolfschen Prolegomena zu Homer. Leipzig, 1874.—*Lachmann*, Betrachtungen über Homers Ilias. Berlin, 3-е изд. 1874.—

Hermann, Dissertatio de Interpolationibus Homeri. In Opusc. V. p. 52, Leipzig, 1834. Ueber Homer und Sappho, id VI. pars 1 стр. 70, 1835. De Iteratis apud Homerum, ib. VIII. стр. 11, 1840.—*Köchly*, Iliadis Carmina XVI. restituta. Turin, 1861 —*Nîtzsch*, De Historia Homeri, etc. Hannover, 1830 слл.—*Welcker*, Der epische Cyclus, Bonn, 1835 слл.—*Grote*, Hist. of Greece, Part I, гл. XXI. (T. II, стр. 160). London, 1-е изд. 1848, новое изд. 1870.—*Friedländer*, Die homerische Kritik von Wolf bis Grote. Berlin, 1853.—*Lauer*, Geschichte der homerischen Poesie. Berlin, 1851.—*Sengebusch*, двѣ Dissertationes Homericae въ Гомерѣ Dindorf'a. Leipzig, 1855 слл., нов. изд. 1873. -*Paley*. Введеніе въ Иліаду (см. въ I), vol. I, стр. XI—LI, 1666; t. II. V—LVIII, 1871. См. также его статью Homeri quae nunc exstant an reliqui cycli carminibus antiquiora iure habita sint. London, 1878.—*Nutzhorn*, Die Entstehungsweise der Homerischen Gedichte, Leipzig, 1869.—*Kirchhoff*, Die Composition der Odyssee. Gesammelte Aufsätze. Berlin, 1869.—*Geddes*, The Problem of the Homeric Poems. London, 1878. Мнѣнія Fick'a изложены въ его Odyssee, 1883, и Ilias, 1885, первая половина.—*W. Christ*, Prolegomena къ изд. Иліады 1884.—*Wilamowitz*, Homerische Untersuchungen. Berlin, 1884.—Leaf, Введеніе въ Иліаду I—XII (см. подъ I, стр. XI—XXVI, 1886.—*Seeck*, Die Quellen der Odyssee. Berlin, 1887.

Сочиненія по исторіи греческой литературы. Касательно гомеровскаго вопроса много важныхъ указаній можно найти въ сочиненіи Theodor Bergk'a. T. I, Berlin, 1872; также въ исторіи Bernhardy, т. II, ч. I (3-е изд. Halle, 1877). Главы о Гомерѣ въ сочиненіи Mure интересны, какъ защита стараго консервативнаго взгляда, проведенная съ большою ловкостью и свѣжестью. (Томы I, II, кн. II, гл. II—XVII. Изд. 2-е, London, 1854).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
7	24 св.	Διομήδονς	Διομήδους
8	18 св.	Πατρόκλειx	Πατρόκλεια
13	12 св.	таковаго	такого
14	13 св.	изслѣдовать	изслѣдуя
32	1 сн.	Рѣдкую	Рѣзкую
34	1 сн. (въ прим.)	Homeirc	Homeric
53	23 св.	Евстахій	Евстаѳій
57	16 сн.	посредстна	посредства
69	10 св.	заимствованъ	заимствованный
85	8 сн.	ἐλών	ἑλών
93	19 сн.	Ὁμηρειοι	Ὁμήρειοι
93	6 сн.	ἤτεσεν	ἤτησεν
102	3 св.	Афротида	Афродита
102	20 св.	μῆυιν	μῆνιν
108	14 св.	πὸβος	φὸβος
113	17 св.	языкѣ, но	языкѣ и
113	19 св.	Онъ считалъ	Но онъ считалъ
132	17 св.	Κροτωνίαζου	Κροτωνιάτην
133	14 св.	оргинальность	оригинальность
143	17 св.	болѣе позднѣйшаго	позднѣйшаго
158	19 сн.	ὅρρες	ὅρμες
201	15 св.	отъ 2 до 7	отъ 297
216	16 сн.	ἐσβξη	ἐσθῆς
216	12 сн.	ἐπι ἠραφέρειν	ἐπι ἦρα φέρειν
224	10 сн.	изданія	изданіе
224	8 сн.	гревильскій	гренвильскій

